

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Пичков Олег Борисович

**СТРАТЕГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА США В МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКЕ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВЕКА**

5.2.5. Мировая экономика

Диссертация

на соискание ученой степени доктора экономических наук

Научный консультант:
Супян Виктор Борисович
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА США В ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХI ВЕКА	17
1.1. Теоретический подход к анализу процесса глобализации как фактора, влияющего на стратегию глобального лидерства в условиях изменений в мировой экономике	17
1.2. Трансформация экономической политики государств под влиянием процессов глобализации: на примере США и КНР	53
1.3. Характерные черты и особенности американской экономической модели	79
ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ США В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ХХI ВЕКА.....	97
2.1. Кейнсианские методы обеспечения экономического роста как главного условия сохранения мирового лидерства США	97
2.2. Денежно-кредитная политика в интересах мирового экономического лидерства США	111
2.3. Главные вызовы для государственной экономической политики США в начале третьего десятилетия ХХI века	122
ГЛАВА 3. ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА США КАК ОСНОВА АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА	134
3.1. Становление и современные особенности финансовой системы США	134
3.2. Позиции США в международном движении капитала.....	151
3.3. Актуальные аспекты государственного регулирования инвестиций в США	163

ГЛАВА 4. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СОСТОЯНИЕ И РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА США.....	177
4.1. История становления топливно-энергетического сектора США и его современная характеристика	177
4.2. Государственная политика США в энергетической сфере	187
4.3. Глобальный энергетический переход и изменение роли энергетики США на мировом рынке	198
ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИДЕРСТВА США	212
5.1. Факторы лидерства США в научно-технической сфере.....	212
5.2. Китай и США в условиях глобального экономического противостояния	242
5.3. Стратегические приоритеты экономической политики США в первой трети XXI века	267
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	288
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	299
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	321

Введение

Актуальность темы исследования. Роль и значимость страны на международном уровне определяются ее экономическим потенциалом, характеризующимся совокупностью таких параметров, как масштаб, сложность и уровень развития национального хозяйства. На протяжении длительного времени в условиях глобализации комплекс социальных, производственных и финансово-экономических факторов обеспечивал намного более устойчивое основание для мирового превосходства, чем военная сила.

Соединенные Штаты Америки – характерный пример государства, которое именно через построение успешной экономики добилось мирового лидерства, стратегического присутствия и влияния на мирохозяйственные связи.

На протяжении последних ста лет, даже в периоды кризисов и мировых войн, США эффективно адаптировали хозяйственную модель и лишь укрепляли свое положение, в том числе в таких ключевых для международной конкурентоспособности сферах, как научно-технический потенциал, финансы и коммуникации, во многом определяя направление развития всей мировой экономики. Лидирующие позиции в сфере научно-технических и инновационных технологий (включая военные) в совокупности с существующей ресурсной базой обеспечивает превосходство США в этих областях. Материально-силовые, финансовые и организационные ресурсы оказывают значительное воздействие на векторы международного развития.

Первые десятилетия XXI в. стали для страны периодом обострения макроэкономических проблем и проверкой на эффективность американской модели на фоне нарастания глобальной турбулентности, ускорения научно-технического прогресса и разворачивающейся информационной революции. Этот период характеризуется ростом взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик и усилением конкурентных позиций отдельных соперников США, прежде всего Китая. Особый интерес представляет

изучение воздействия на Соединенные Штаты процессов глобализации и последствий крупнейших событий современного периода – мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, пандемии COVID-19, специальной военной операции Российской Федерации.

В современных условиях сохранение мирового лидерства основывается в большей степени на инновационном развитии, цифровизации и в целом научно-технологическом суверенитете.

Исследование экономической политики США, ее комплексный структурный анализ на основе эволюционного подхода направлены на выявление характерных черт американской экономической модели, способной эффективно преодолевать возникающие перед ней экономические, финансовые, геополитические вызовы.

Степень разработанности темы исследования. Работа опирается на широкую теоретическую, нормативно-правовую и информационную базу.

Теоретической базой исследования послужили труды российских и зарубежных авторов, занимавшихся исследованием экономики США, С.А. Афонцева, Ф.Г., Войтоловского, В.Н. Гарбузова, С.Ю. Глазьева, А.А. Дынкина, С.В. Жукова, Р.И. Зименкова, Н.И. Ивановой, В.Л. Иноземцева, Н.Д. Кондратьева, И.С. Королева, Л.Ф. Лебедевой, В.Д. Миловидова, А.А. Пороховского, М.А. Портного, С.М. Рогова, В.Б. Супяна, Е.А. Телегиной, А.Гринспена, А.Вулдриджа, Г. Киссинджера.

В рамках исследования использованы теоретические и эмпирические работы по проблемам глобализации ряда ключевых российских ученых: И.В. Андроновой, А.Р. Бахтизина, В.Ю. Бельского, А.И. Сацутой, Н.П. Гусакова, М.Г. Делягина, В.Л. Макарова, В.В. Окрепилова, А.Д. Некипелова, Б.Н. Порфириева, Ю.В. Шишкова, Р.И.Хасбулатова, а также зарубежных ученых: А. Аппадураи, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, В. Робинсона, А. Негри, М. Кастельса, П. Левитта, М. Маклюэна, Р. Парреньяса, Д. Ритцера, Р. Робертсона, С. Сассена, Л. Склера, Д. Стиглица, М. Хардта, Д. Хэлда.

Кроме того, в диссертационном исследовании использованы труды ведущих ученых в области исследования экономики КНР: Л.Д. Бони, Б.Н. Кузыка,

А.А. Маслова, Ю.В. Морозова, А.В. Островского, М.Л. Титаренко.

Цель исследования заключается в выявлении природы и специфики процесса трансформации американской стратегии глобального лидерства в условиях формирования нового мирового экономического порядка и многополярного мира, а также в определении условий, ресурсов, факторов и механизмов сохранения глобального лидерства США в первой трети XXI в.

В соответствии с поставленной целью были решены следующие задачи:

- исследовать глобализацию как фактор, влияющий на экономическую политику в условиях трансформации мировой экономики;
- провести комплексный анализ американской экономической модели и выявить ее особенности, преимущества и структурные недостатки;
- дать характеристику положения США в мировом хозяйстве и вовлеченности страны в международные экономические отношения в условиях современных вызовов;
- определить роль и место экономики Китая как главного конкурента США в первой трети XXI в.; выявить преимущества и слабости китайской экономической модели;
- определить основные инструменты государственного регулирования экономики США и степень их эффективности в области налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики;
- выявить главные вызовы для государственной экономической политики США в начале третьего десятилетия XXI в.;
- изучить последствия пандемии COVID-19 и ее влияние на социально-экономическое развитие США;
- на основе анализа финансовой системы США дать оценку позиций страны в мировом движении капитала, раскрыть актуальные аспекты государственного регулирования инвестиций и перспективные тенденции в международном производстве;

- определить роль научно-технического потенциала США в мире и выявить ключевые факторы его успеха, а также существенные риски, угрожающие дальнейшему развитию науки в США;
- изучить топливно-энергетический комплекс и государственную энергетическую политику США с точки зрения национальной безопасности и лидерства страны в условиях четвертого энергоперехода;
- определить стратегические приоритеты и векторы развития экономической политики США в первой трети XXI в.

Объект исследования – стратегия глобального лидерства США.

Предмет исследования – трансформация стратегии глобального лидерства США в мировом хозяйстве в современных геополитических условиях.

Область исследования соответствует требованиям следующих пунктов паспорта ВАК для специальности 5.2.5 – Мировая экономика: п. 4. Интернационализация и глобализация экономических процессов; п. 20. Экономика зарубежных стран и регионов (экономическое страноведение и регионоведение). Сравнительные исследования национальных экономик в системе мирохозяйственных связей.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационной работы являлся комплекс научных подходов и методов для поставленной цели и решения сформулированных задач, в том числе методы систематизации, сравнения, статистической и логической аналогии, анализа статистических данных, научного синтеза, интерпретации и экономического моделирования.

Информационно-статистической базой для исследования послужили аналитические материалы по выбранной проблематике, статистические данные официальных сайтов и англоязычных источников: законодательство США, новейшие статистические данные Бюро экономического анализа, Бюро

статистики труда, Административно-бюджетного управления, Управления энергетической информации и Национального научного совета США, периодические издания и доклады ООН, ОЭСР, МВФ, группы Всемирного Банка и других международных финансовых институтов, в том числе Human Development Report, Doing Business Report, Global Competitiveness Report, World Economic Outlook и World Investment Report, а также исследования и результаты экспертных слушаний Народного банка Китая и Палаты представителей США.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании природы и специфики американской экономической политики, а также определении условий, ресурсов, факторов ее развития и механизмов обеспечения глобального лидерства США в первой трети XXI в.

Положения, выносимые на защиту, содержащие элементы научной новизны:

1. **Уточнено** понятие глобализации на основе плюралистического подхода, который является результатом сравнительного анализа существующих теорий, распределенных по следующим категориям: мирсистемные теории, теории глобального капитализма; сетевые, пространственные теории глобализации; теории транснациональности; нормативные теории глобализации. Глобализация определяется как процесс увеличения количества и интенсификации экономических взаимосвязей между экономическими институтами и акторами в разрезе пространства и времени, усугубляет их взаимозависимость и тем самым принуждает институты и акторов к адаптации национальной экономической политики в соответствии с новой структурой экономической взаимозависимости.

На основе обобщения и систематизации эффектов глобализации по группам (сетевые эффекты, связанность экономических акторов, конвергенция и гетерогенность, динамика экономического взаимодействия) **разработана** Карта распределения теорий глобализации по степени влияния глобализации на национальное экономическое развитие. Ранжированы теории

глобализации по уровню измерения глобализации и интенсивности ее процессов.

2. Доказано, что процесс глобализации имеет циклический характер с четко определяемыми фазами в развитии, исходя из ее прямого воздействия на процессы и мирохозяйственные связи. **Выявлено**, что с середины десятых годов XXI в. наступила новая фаза глобализации, характеризующаяся, с одной стороны, устойчивой (поступательной) тенденцией регионализации и замедления процесса глобализации, усиливающейся международным экономическим и военным противоборством, с другой стороны, информационной революцией и цифровизацией, стирающей национальные границы.

Происходит закономерный переломный этап с точки зрения теории циклов глобализации, выражющийся в последовательном изменении позиций стран в глобальной системе мирохозяйственных связей, определения стратегических целей и задач социально-экономического развития, выбора подходов к обеспечению темпов экономического роста, укрепления научно-технологического потенциала и национальной безопасности.

Расширен научно-понятийный аппарат теории глобализации, **введено в научный оборот** понятие «гипоглобализации» как центробежного процесса, характеризующегося увеличением барьеров во всех формах международных экономических отношений, ослаблением соразвития национальных экономик на фоне формирования новой системы мировой торговли, международной финансовой системы и в целом нового мирового экономического порядка на базе принципа многополярности в условиях возрастающей турбулентности мировой экономики.

3. **Показано**, что главным внешним вызовом американской стратегии глобального лидерства в рамках усиливающегося международного экономического противостояния является усиление позиции Китая в мировой экономике в долгосрочной перспективе. **Дана характеристика** стратегий экономического развития стран-лидеров США и КНР и их реализации.

Обоснована гипотеза автора о долгосрочном влиянии противоборства двух супердержав и моделей их экономического развития на будущее мировой экономики в контексте декомпозиции американо-китайского противостояния, приведшего к превращению КНР из статуса конкурирующего партнера США в его geopolитического и экономического соперника.

Доказано, что усиление конкурентных позиций Китая на мировой арене, дедолларизация мировой экономики, цифровизация привели к трансформации экономической стратегии США в ее агрессивную версию с наступательными действиями во внешнеэкономической и внешнеполитической сферах.

4. На основе комплексного анализа структуры американской экономической модели **обозначены** ее особенности, в основе которых лежит совокупность устойчивых системообразующих элементов, определяющих уровень социально-экономического развития и степень экономической свободы субъектов хозяйствования.

Выявлены основные элементы экономической стратегии США, которые в наибольшей степени влияют на международную конкурентоспособность и роль США как глобального лидера в мировой экономике: нормативно-правовое регулирование, финансовая, энергетическая, научно-техническая и социальная политики. **Определена** концептуальная модель американской экономики с учетом внешних и внутренних эффектов мировой экономики в первой трети XXI в. Ядром концептуальной модели являются фундаментальные научные теории, определяющие основные направления экономического развития (1-й контур модели): денежно-финансовая, энергетическая, научно-технологическая (включая военную) и социальная сферы, экология. 2-й контур включает деятельность по обеспечению национальной безопасности и технологического суверенитета (в том числе информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность), реализуемую за счет 1-го контура. 3-й контур модели представляет собой набор практических инструментов государственного воздействия на экономику, который

находится под воздействием экзогенных и эндогенных факторов и направлен на их корректировку.

5. Выявлены основные внутренние структурные проблемы американской стратегии глобального лидерства. **Показано**, что основными внутренними структурными проблемами американской экономической модели являются в первую очередь социальные проблемы – такие, как социально-экономическая дифференциация по расовому и половому признакам, проблема доступа к образованию и здравоохранению, что в совокупности в значительной степени способствует ослаблению глобального экономического лидерства и повышает риски возникновения очагов напряженности.

6. На основе анализа американской модели государственного регулирования в чрезвычайных условиях распространения вируса COVID19 **показано**, что несмотря на негативное влияние пандемии на мировую экономику как на микро-, так и на макроуровне, США удалось первыми выйти на допандемийные показатели экономики, в первую очередь за счет активных государственных мер поддержки населения и бизнеса, программ дефицитного бюджетного финансирования, реализации кейнсианского подхода к преодолению кризисов. **Доказано**, что отрицательное сальдо платежного баланса является неотъемлемой характеристикой текущего положения США и не оказывает существенного влияния на их лидирующие позиции.

7. **Показана** роль государственного регулирования в развитии энергетического сектора, в стимулировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок для обеспечения глобального лидерства США. **Доказано**, что стимулирование создания и освоения новых технологий изменило позиции США на мировом энергетическом рынке, превратив страну из нетто-импортера в нетто-экспортера минеральных ресурсов, а также позволяет ей сохранить лидирующие позиции на рынке высоких технологий, что в свою очередь усиливает международную конкуренцию и конфликтность.

8. Выявлено, что долгосрочными векторами развития экономической политики США с целью сохранения глобального лидерства являются: формирование стратегии развития информационно-коммуникационных технологий; превалирование политических и геоэкономических инструментов глобализации над рыночными механизмами; финансирование, продвижение и разработка новых методов конкурентной борьбы (проведение санкционной политики, введение новых видов нетарифного регулирования, провоцирование военных конфликтов, применение технологий макроманипулирования); усиление экономического, политического, информационного международного противостояния, в том числе посредством гибридных войн; укрепление научно-технического потенциала на основе распространения систем искусственного интеллекта и развития информационно-коммуникационных технологий. **Определен** многопараметрический инструментарий американской экономической политики, отражающий основные меры и способы воздействия по ключевым направлениям экономической политики первой трети XXI в.

Обоснованность и достоверность научных результатов, положений и выводов, содержащихся в диссертационной работе, обеспечивается применением комплекса разнообразных методов общенациональных и экономических исследований, которые соответствуют цели и задачам исследования, использованием обширной теоретико-методологической базы по вопросам экономики США, глобализации и стратегий лидерства, формулировкой выводов и рекомендаций на основании изучения, обработки и интерпретации большого объема данных, отчетных документов, аналитических исследований международных организаций и статистической информации.

Теоретическая значимость результатов диссертационной работы определяется полученными по итогам исследования научными выводами и результатами, которые обобщают, развивают и дополняют существующие научные представления и теории мирового экономического развития,

мирохозяйственных связей и стратегий лидерства ведущих мировых экономик. Разработанные теоретические положения позволяют уточнить и дополнить понятийный аппарат в области мировой экономики и глобализации экономических процессов, выявить основные тенденции и векторы развития национальной экономики США.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанные выводы могут быть использованы Правительством Российской Федерации, Министерством иностранных дел РФ, при разработке стратегии внешнеэкономической деятельности Российской Федерации, государственных программ и законопроектов в области сотрудничества с зарубежными странами.

Материалы диссертационного исследования могут применяться в образовательном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий в рамках дисциплин, затрагивающих вопросы мировой экономики, международных экономических отношений, экономики США и КНР, цифровой экономики и экономики данных, а также в рамках подготовки и повышения квалификации кадров высшей квалификации.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были апробированы в монографических научных работах, а также опубликованы в качестве научных статей в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в отечественных и международных библиометрических системах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России и входящих в Перечень научных изданий РУДН.

Наиболее значимые результаты работы были представлены автором на российских и международных конференциях, симпозиумах, открытых выступлениях, в том числе: конференция «Цифра в науке о международных отношениях» (в рамках международной выставки-форума «Россия»; Москва, 2024), III Межрегиональный форум развития институтов гражданского общества (организован Общественной палатой Московской области; Москва, 2023), Международная научная конференция VI Ливенцевские чтения

«Современная система международных экономических отношений: между глобализацией и фрагментацией» (Москва, 2023), II Международная научно-практическая конференция «Цифровые международные отношения 2023» (Москва, 2023), Всероссийская научно-практическая конференция «Новый экономический миропорядок» (Москва, 2023), Всероссийская научно-практическая конференция «Управление активами – 2023» (Москва, 2023), XIV Конвент Российской ассоциации международных исследований «Мир. За пределами привычного» (Москва, 2022), марафон «Россия в мире» (на базе Российского общества «Знание»; Москва, 2022), Международная научно-практическая конференция «Цифровые международные отношения 2022» (Москва, 2022), V Ливенцевские чтения «Глобальные экономические тренды и Россия» (Москва, 2022), XIII Конвент РАМИ «Измерения национальной и международной безопасности в современном мире: новые подходы и реалии» (Москва, 2021), IV Ливенцевские чтения «Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России» (Москва, 2020), III Ливенцевские чтения «Трансформация системы современных международных экономических отношений в условиях постбиполярности» (Москва, 2019).

Отдельные практические результаты диссертационного исследования были внедрены в практику деятельности ФГАОУ «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» при подготовке бакалавров по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика» по дисциплинам «Мировая экономика» (на английском языке), «Экономическая политология», «Экономическая политика России», «Международные экономические отношения», «Финансы», «Теория международной экономики», «Международные валютно-кредитные отношения», «Мировой финансовый рынок», «Цифровая трансформация мировой экономики», «Актуальные проблемы глобальной экономики», «Внешнеэкономическая политика», «Международная конкурентоспособность государств»,

«Региональная интеграция в глобальной экономике», «Современные тенденции развития МЭО», практикум «Школа лидеров цифровой экономики», «Экономические стратегии современной России», «Экономическая безопасность», «Экономика постсоветского пространства и стран Евразии». Также результаты исследования используются в ряде дисциплин при подготовке магистров по направлению подготовки 38.04.01 «Экономика»: «Экономическая политика индустриальных и постиндустриальных стран», «Глобализация и регионализм», «Цифровизация экономических процессов», «Глобальная система содействия международному развитию», «Глобальные системы экономического регулирования», «Инвестиционные проекты в ТЭК» и 38.04.08 «Финансы и кредит»: «Международные финансы», «Международные валютные отношения», «Международная финансовая политика», «Денежно-кредитная политика в условиях глобализации».

Некоторые положения диссертационного исследования используются в работе федерального учебно-методического объединения высшего образования по укрупненным группам специальностей и направлений (ФУМО ВО по УГСН) 38.00.00 «Экономика и управление» в составе секции «Экономика» (приказ ФУМО ВО по УГСН от 22.12.2020 № 1244), рабочей группы «Универсальные компетенции», рабочей группы «Методики и технологии преподавания, обучения» (приказ ФУМО ВО по УГСН от 30.12.2020 № 1291), рабочей группы «Методики преподавания в гибридном формате» (приказ ФУМО ВО по УГСН от 23.11.2022 № 1230), а также при разработке проекта федерального государственного образовательного стандарта четвертого поколения «Экономика, бизнес и управление» в рамках работы ФУМО ВО по УГСН 38.00.00 «Экономика и управление».

Публикации по теме исследования. По теме исследования опубликовано 36 научные работы общим объемом 58,58 п.л., в том числе 13 в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России и перечнем РУДН им.Патриса Лумумбы (общим объемом 5,65 п.л.), 4 в изданиях индексируемых

в международных базах данных Scopus и Web of Science (общим объемом 1,8 п.л.) и 5 монографий и глав в монографиях (общим объемом 39,2 п.л.). Общий объем публикаций 58,58 печ. л., авторский вклад 76%.

Структура диссертационной работы определена логикой исследования, его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения. Основной текст изложен на 320 страницах и в 4 приложениях. Список литературы включает 236 наименования. Цифровой и графический материал представлен в 51 рисунке и 16 таблицах.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА США В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XXI ВЕКА

1.1. Теоретический подход к анализу процесса глобализации как фактора, влияющего на стратегию глобального лидерства в условиях изменений в мировой экономике

Вопрос глобализации за последние 30 лет оказал значительное влияние на восприятие мировых процессов на трансдисциплинарном¹ уровне: как в вопросах международных экономических отношений и мировой экономики, так и в разрезе политических, культурологических, социальных и правовых исследований². Соответственно, исследователи процессов глобализации концентрируются на следующих измерениях предмета: новые системы производства, финансовой организации, потребления и мировой экономической интеграции – для экономического измерения; становление и развитие транснациональных институтов и практик поведения, становление глобального управления, глобальные политические процессы – для правового и политического измерения; многосторонние миграции людей по всему миру, включая формирование новых идентичностей, – для культурологического и антропологического измерения; формирование новых социальных иерархий, форм неравенства и устойчивых отношений в мире – для социального измерения.

Несмотря на то, что только первое измерение напрямую относится к экономическому дому, все «уровни» глобализации оказывают влияние на глобальные процессы, следовательно, также определяют экономическую политику отдельных стран и регионов.

---

¹ Под трансдисциплинарностью здесь понимается охват темы по широкому ряду дисциплин как каждой в отдельности, так и в их совокупности; это определение отличается от понятия «междисциплинарности», часто подразумевающего конвергенцию вопросов и методов различных научных направлений и дисциплин.

² Appelbaum, R. and Robinson, W.I. 2005. Critical Globalization Studies. New York: Routledge.

Большое разнообразие литературы, посвященной изучению глобализации, объясняется шириной, охватом и трансдисциплинарностью вопроса изменений процессов как мирового хозяйства, так и деятельности человека в целом. Можно условно разделить исследования глобализации на две категории: исследование отдельных проблем глобализации и исследование глобализации как концепта, составляющего теоретические основания феномена.

Учитывая неопределенность понятия глобализации, представляется разумным сначала определить сущность и критерии глобализации, а затем выявить влияние глобализационных процессов на экономическую политику некоторых стран и регионов.

В экономическом разрезе на теорию глобализации особенное влияние оказал ряд теорий, относящихся к марксистской и классической школам.

Мир-системная теория

Одна из самых известных постмарксистских теорий глобализации была разработана и развита Иммануилом Валлерстайном. Мир-системная теория (world-system theory) во многом опирается на исторический детерминизм экономического развития стран, ключевым драйвером которого выступает капитализм как форма экономического устройства страны³. Некоторые исследователи определяют теорию Валлерстайна как предтечу концептуализации глобализации, так как первый том его исследований 1974 года на 15 лет опередил популяризацию дискурса о сущности и причинах глобализации⁴. Соответственно, Валлерстайн не относит глобализацию к явлениям XXI и даже XX века, а дает отсчет началу процессов глобальных мирохозяйственных связей с момента зарождения «мирового капитализма» около 1500 г. н.э. Капитализм стал движущей силой глобализации за счет своего постоянного экспансионаизма, наблюдающегося последние 500 лет.

---

³ Wallerstein, I. 1974. The Modern World System, vol. I. New York: Academic Press.

⁴ Arrighi, G. 2005. Globalization in world-systems perspective. In R. Appelbaum and W.I. Robinson (eds.), Critical Globalization Studies, 33–44. New York: Routledge. 33–44 pp.

Ключевая особенность теории Валлерстайна заключается в том, что, по его мнению, глобализация определяется не классами, государствами или институтами, а постоянно меняющейся исторической экономической системой, которая включает в себя все вышеуказанные категории. Капиталистическая система на протяжении веков включалась в локальные мини-системы и мир-империи, устанавливая стандартизованные рыночные отношения и производственные сети, что в итоге сплотило весь мир в единую системную структуру. Соответственно, к текущему времени сформировалась единственная капиталистическая система, стягивающая мир-систему в «глобальную корпорацию»⁵.

Структурно капиталистическая мир-система поделена на три географически и иерархически обусловленных региона. Первый регион – ядро, развитые страны, включая Западную Европу, Северную Америку и Японию. Второй регион – периферия, включающая страны, которые были насилием присоединены к капиталистической системе через колониализм или другими способами, в период формирования капиталистической мир-системы, это страны Латинской Америки, Африки, Азии, Ближнего Востока и Восточной Европы. Третий регион – полупериферия, включающая страны, ранее относившиеся к ядру, но потерявшие часть экономического влияния, или же страны периферии, наращивающие свой экономический потенциал. Ресурсы распределяются от периферии к полупериферии и затем к ядру, формируя иерархию разделения труда и объясняя экономическое неравенство.

Динамика мир-системы задается внутригосударственным соперничеством за производство товаров и услуг и циклическими ритмами роста и кризисов, возникновением и борьбой с «антисистемными» силами, перерастающей в региональные и мировые конфликты.

Сам Валлерстайн отвергает концепт глобализации как таковой, относя его сущность к имманентным мировой экономике процессам в историческом

---

⁵ Wallerstein, I. 2000. Globalization or the age of transition? International Sociology, 15 (2), 249–265.

контексте. При этом, учитывая значительные изменения в экономической структуре азиатских стран, теоретик предсказал изменение мир-системы к 2050 г.⁶

Теории глобального капитализма

Эта группа теорий также рассматривает капитализм в качестве драйвера глобализации, однако, в отличие от мир-системной теории, определяет глобализацию как новое явление, изменившее мировую экономику за счет становления новой глобальной системы производства и глобальной финансовой системы, которые поменяли предыдущий характер капиталистических отношений. Эти процессы не встраиваются в старые концепции нации-государства (nation-state) за счет формирования наднациональных процессов.

Лесли Склер разработал неограмшистскую теорию «глобальной системы», в основе которой лежат «транснациональные практики», которые и определяют степень глобализации⁷. «Транснациональные практики» – это процессы, формирующиеся за счет действий негосударственных акторов (в первую очередь транснациональных корпораций) на международном уровне. «Глобальная система» формируется за счет трех основных факторов: экономического – формирование и движение транснационального капитала; политического – формирование и развитие транснационального капиталистического класса; культурно-идеологического – культурные элиты, распространяющие идеи капитализма⁸. Соответственно, экономическим драйвером выступают транснациональные корпорации, политическим – транснациональный капиталистический класс, культурно-идеологическим – консьюмеризм как новая экономическая культура. Эти практики можно достаточно четко обозначить рядом соответствующих институтов, наличие

---

⁶ Там же.

⁷ Sklair, L. 2000. The Transnational Capitalist Class. London: Blackwell.

⁸ Sklair, L. 2002. Globalization: Capitalism and Its Alternatives. New York: Oxford.

которых и предлагается использовать для измерения уровня глобализации стран и регионов.

Вильям Робинсон разработал относительно схожую теоретическую модель капитализма, основанную на трех уровнях изменений: транснациональное производство, транснациональные капиталисты и транснациональные государства. По его мнению, точкой изменения системы стал переход от мировой экономики (как взаимодействия стран) к глобальной экономике (как взаимозависимости стран). В эпоху мировой экономики каждая страна развивала национальную экономику, которая была связана с другими национальными экономиками через торговлю и финансы в рамках международного рынка. Глобальная же экономика подразумевает глобализацию самого производства, разбивая цепочки создания стоимости по различным странам и регионам. На этой основе возникает транснациональный капиталистический класс, управляющий глобальными экономическими процессами, расцвет которых пришелся на 1980–1990 гг.⁹ В отличие от Склера, который практически отрицал влияние международных политических и экономических организаций, Робинсон выделяет такие организации (например, Всемирный экономический форум, «Группа семи», «Группа двадцати») в качестве хабов экономической глобализации, процессы внутри которых внедряются в национальную экономическую политику и создают наднациональный уровень экономической политики (*supranational economic institutions*). Формируется диктат экономической повестки этих институтов, принуждающий следовать ему всех желающих встроиться в международные экономические отношения.

Антонио Негри и Майкл Хардт в своих постмарксистских работах «Империя»¹⁰ и «Множество»¹¹ в исследовании глобализации соединили идеи Карла Маркса и концепции биополитики Мишеля Фуко. По их версии,

---

⁹ Robinson, W.I. 2004. A Theory of Global Capitalism: Production, Class and State in a Transnational World. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.

¹⁰ Hardt, M. and Negri, A. 2000. Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press.

¹¹ Hardt, M. and Negri, A. 2004. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: Penguin.

следующим шагом экономической глобализации станет развитие стабилизированной и децентрализованной империи, в которой отсутствуют как географические, так и политические, экономические и, со временем, культурные границы. При этом не предусматривается единый центр принятия решений: он будет замещен общим и единым рационализмом всех экономических и политических акторов.

Сетевые теории глобализации

Ключевым и самым популярным теоретиком сетевой глобализации является Мануэль Кастельс со своей ставшей уже классической трехтомной работой *The Rise of the Network Society*¹², внедривший технологический подход к определению и измерению глобализации. Согласно Кастельсу, технологические изменения являются причинами постепенной взаимосвязи и взаимозависимости глобальных процессов. Соответственно, новая «информационная эпоха» с информационным обществом знаменует стремительное развитие глобализации. Капиталистическая система перестроилась под влиянием технологической революции информационно-коммуникационных технологий в XX в. и перешла в эпоху «новой экономики», которая определяется следующими факторами: знания как ключевая ценность; глобальность производства; сетевое участие в экономике. Кастельс определяет глобальную экономику как «экономику, в которой каждая экономическая единица может работать самостоятельно в режиме реального времени, или же выбирать время работы, в масштабе мира», что обеспечивается глобальными финансовыми рынками, глобализацией торговли, распространением международных сетей производства, а также частичной глобализацией науки и технологий. Ключевым драйвером «новой экономики» выступает «сетевое предприятие», основанное на новой организационной логике сетевой структуры вкупе с новым технологическим укладом.

---

¹² Castells, M. 1996. *The Rise of the Network Society*. Vol. I of *The Information Age: Economy, Society, Culture*. Oxford: Blackwell.

Кастельс приводит новый стандарт политэкономии, отказываясь от вертикально интегрированных корпораций фордистской эпохи и провозглашая доминацию горизонтальных гибких структур в экономике, которые заменят прежних драйверов глобализации – транснациональные корпорации. Вместо них возникнут международные сети малых и средних предприятий.

Пространственные теории глобализации

Очевидно, что теоретики не могли оставить без внимания географический фактор процессов глобализации. Энтони Гидденс определяет сущность глобализации как «пространственно-временную протяженность», которая, в свою очередь, является фактором интенсивности человеческих отношений (в том числе хозяйственных) во всех пространственных точках планеты¹³. Чем интенсивнее такая связь в пространственно-временном измерении, тем больший эффект события в одной точке оказывает на события в других точках.

Географ-марксист и автор концепта «радикальной географии» Дэвид Харви в своей работе «Состояние постмодерна» утверждает, что глобализация выступает фактором сжатия пространства-времени за счет развития капитализма¹⁴. Однако если Гидденс рассматривает капитализм как позитивный фактор глобализации, то марксистская теория Харви рассматривает его как фактор дисбалансов: каждый экономический кризис, начиная с 1970-х гг., частично решался посредством социально-экономического переустройства и развития технологий.

Более радикальная теория глобализации Саскии Сассен определяет крупнейшие и важнейшие города как ключевые точки глобализации. В своей работе «Глобальный город» она характеризует города с развитыми международными институтами финансов, производства и коммуникаций (в оригинальной работе – Нью-Йорк, Лондон и Токио) как хабы международного

---

¹³ Giddens, A. 1990. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press.

¹⁴ Harvey, D. 1990. The Condition of Post-Modernity. London: Blackwell.

разделения труда¹⁵. Тем самым теория «схлопывает» глобальное пространство до нескольких ключевых городов-мегаполисов, отличающихся следующими характеристиками: высокая концентрация центров принятия экономических решений; наличие ключевых офисов транснациональных финансовых организаций; расположение штаб-квартир ключевых инновационных компаний и поставщиков услуг; города выступают также в качестве потребителей инновационных товаров и услуг.

Глобальные города становятся точкой создания высокомаржинальных услуг (финансы, НИОКР, стратегическое управление и т.д.) и соответствующего социального класса с высокими доходами и образом жизни. В свою очередь, интенсивное потребление этого класса требует соответствующее количество услуг и обслуживания, что привлекает большое количество менее квалифицированной и гораздо хуже оплачиваемой рабочей силы из других регионов; это формирует сильную поляризацию доходов и, соответственно, экономическое неравенство населения. Таким же образом происходит специализация регионов: высокомаржинальные услуги концентрируются в глобальных городах, менее маржинальное производство товаров – в регионах (вкупе с привлечением рабочей силы из менее развитых территорий). Также происходит иерархизация территорий: глобальные города работают в связке с менее глобализованными (их можно условно назвать «региональными») городами: например, Гонконг, Мехико или Берлин, которые обладают своими производственными регионами-спутниками. Таким образом формируется иерархизированная глобальная система экономических связей.

Эту теорию логично дополняет концепция глокализации Рональда Робертсона. По Робертсону, глобализация лишь является манифестом современного этапа локализации. Глокализация подразумевает, что важность локального осознается и распространяется по всему миру; закрепляя это

---

¹⁵ Sassen, S. 1991. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press.

убеждение, регионы мира связываются через эту идею, называемую транслокальностью¹⁶. Глобальные процессы, в свою очередь, по-разному влияют на каждый регион. Социолог Майкл Буравой даже вводит термин глобальной этнографии для изучения поведения отдельных обществ (включая экономическое) под влиянием глобализации¹⁷.

Также Робертсон ввел одно из самых популярных определений глобализации как «концепта, включающего как сжатие мира, так и усиление осознания мирового сообщества как самоцельного; как четкую глобальную взаимозависимость, так и осознание цельности мира как единого»¹⁸.

Теории транснациональности

Отдельно в вопросе определения сущности глобализации стоят теории транснациональной коммуникации и транснационализма как элемента экономической политики. По сути, вопросы транснациональности сводятся к вопросу эффектов и политики международной и региональной миграции.

Теория глобальных городов уже частично показала воздействие миграции на процессы глобализации, однако теории транснационализации не ограничиваются региональным разделением труда. За счет возможности сверхбыстрых и дешевых (в сравнении с прошлыми веками) пассажирских и грузовых перевозок мигранты долгое время сохраняют социальные и экономические связи с родиной, одновременно формируя такие же связи в новом регионе проживания, что создает новое качество связей. Исследователь вопросов миграции из Гарвардского университета Пегги Левитт дала этому явлению название «транснациональная деревня»¹⁹, противопоставляя его концепции «глобальной деревни» Маршалла Маклюэна²⁰. Это явление

---

¹⁶ Robertson, R. 1995. ‘Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity’. In M. Featherstone, S. Lash and R. Robertsom (eds.), Global Modernities, 25–44. London: Sage.

¹⁷ Burawoy, M., Blum, J.A., George, S. et al. 2000. Global Ethnography: Forces, Connections, and Imaginations in a Postmodern World. Berkeley, CA: University of California Press.

¹⁸ Robertson, R. 1992. Globalization: Social Theory and Global Culture. Thousand Oaks, CA: Sage.

¹⁹ Levitt, P. 2001. The Transnational Village. Berkeley, CA: University of California Press. Marcuse, P. and van Kempen, R. 2000. Globalizing Cities: A New Spatial Order? Oxford: Blackwell.

²⁰ McLuhan, Marshall (1975). Understanding media : the extension of man. Routledge & Kegan Paul. ISBN 0-7100-1819-3. OCLC 466356265

приводит к стиранию привычных дихотомий «внешнее – внутреннее», «донор – реципиент», «местный – чужестранец», создавая интенсивные пересекающиеся взаимные связи между ними.

При этом гражданство становится значимым фактором возможностей глобального движения труда и капитала на индивидуальном уровне, оказывая значимое влияние на глобальное экономическое неравенство²¹. Это сильное влияние гражданства на неравенство исследователи иногда относят к новому витку проблем постколониализма²².

Отдельно рассматривается вопрос гендера в миграционных процессах и его влиянии на глобализацию. Рейчел Парреньяс разработала теорию «международного распределения репродуктивного труда», исследовав эффекты влияния женской миграции на экономику и глобализацию. Согласно ее теории, женщины из более бедных стран мигрируют в развитые страны, где наблюдается повышенное предложение низкооплачиваемой работы (преимущественно работа по дому, обслуживание в магазинах и подобные услуги). Женщины более склонны оседать в стране миграции и создавать семью, формируя национальный «репродуктивный капитал» и порождая устойчивые международные связи²³.

Арджун Аппадураи приводит экстремальную теорию транснациональности глобализованного мира²⁴, который условно поделен пятью измерениями: этническое (*ethnoscape*), медиакоммуникационное (*mediascape*), техническое (*technoscape*), финансовое (*financescape*) и идеологическое (*ideoscape*). Соответственно, чем большее влияние страна или регион оказывает на каждое из пяти измерений, тем вероятнее она может претендовать на роль глобального трендсеттера. Если эти измерения задаются

²¹ Espiritu, Y.L. 2003. *Home Bound: Filipino American Lives across Cultures, Communities, and Countries*. Berkeley, CA: University of California Press.

²² Wai, C.Y. 2002. Postcolonial discourse in the age of globalization, *Social Analysis*, 46 (2), 148–58.

²³ Parreñas, R.S. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford: Stanford University Press.

²⁴ Appadurai, A. (1997). *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

общими усилиями, а не под влиянием одной страны или региона, то можно говорить о формировании тенденций глобального общества.

Нормативная теория глобализации

Отдельно стоит выделить необычную, но важную для более глубокого понимания широты глобализационных процессов нормативную теорию глобализации Джорджа Ритцера, развивающую концепт «макдональдизации» (McDonaldization) экономики и общества²⁵. Под «макдональдизацией» понимается рационализация деловых процессов, сводящаяся к предельно доступной на данный момент эффективности, однозначности и универсальности. Подобно бизнес-концепции McDonald's, все мировые бизнес-процессы (цепочки создания стоимости) разбиваются на минимально возможные универсальные блоки, тем самым формируя универсально доступный международный (а затем и глобальный) рынок, в цепочки которого может без серьезных проблем и издержек включиться любой производитель товаров и услуг, если он привел свои процессы к приемлемым и понятным на международном уровне стандартам. Универсально понятные, регламентированные, эффективные и предсказуемые процессы становятся инструментом глобализации, превращающими локальные экономические в потенциально глобальные.

Российские ученые в определении глобализации

Российская экономическая школа рассматривает глобализацию как процесс трансформации мировой экономики в единую зону хозяйственной деятельности благодаря обеспечению беспрепятственного трансграничного перемещения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, информации и других ресурсов. В процессе глобализации происходит объединение мира в единую систему глобальных масштабов. В наше время глобализация не ограничивается сферой экономики, а воздействует на все ключевые сферы

---

²⁵ Ritzer, G., (1996). The McDonaldization of Society: An Investigation into the Changing Character of Contemporary Society. Thousand Oaks, Calif: Pine Forge Press.

жизни общества: идеологию, культуру и политику. По мнению многих ученых и общественных деятелей, этому явлению предназначена центральная роль в мировой экономике нового века, а также в формировании обновленной мировой системы отношений в политике, культуре и других сферах жизни общества. Данная позиция характерна для отечественных институтов государственного регулирования и крупных исследовательских центров²⁶.

Российские ученые не ограничиваются экономическими аспектами и рассматривают глобализацию как многоплановый процесс изменений, которые происходят в разных сферах общественной жизни при главенстве процессов экономической взаимозависимости, формирующих общее мировое хозяйство. Поскольку процессы глобализации затрагивают многие стороны общественной жизни, они сопровождаются большим набором мероприятий государственного регулирования. Соответственно, кроме чисто экономических аспектов здесь имеют место аспекты политические. Поэтому описание и анализ глобализации непременно носит экономико-политический характер, целесообразность применения которого обосновывает в своих работах отечественный экономист С.А. Афонцев: «Проблема государственного регулирования в отличие, например, от проблем индивидуального выбора или инвестиционного поведения фирмы носит не чисто экономический, но экономико-политический характер, поскольку на нее в решающей степени влияет процесс принятия решений в политической сфере с присущими ей конфликтами интересов, специфическими институтами принятия решений и т. д.²⁷».

В российской экономической науке существует достаточно сильное направление исследований процессов интернационализации хозяйственной жизни, которое трактует глобализацию, как определенный этап зрелости этого процесса, обозначившийся в середине XX в. Среди многих работ на эту тему

²⁶ Мировая глобализация / Международная торговая палата. 11 ноября 2016 г. // URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/mirovaya-globalizatsiya-i-vzaimodeystvie-sovremennoy>

²⁷ Афонцев С.А. Методологические основы современного экономико-политического анализа. / Экономика, социология, менеджмент. Москва, ГУ ВШЭ, 1998. –С. 75.

представительное значение принадлежит трудам Ю.В. Шишкова²⁸. На наш взгляд, Ю.В. Шишков сформулировал емкое определение глобализации: «Глобализация – это качественно новая ступень развития давно идущего процесса интернационализации (транснационализации) экономических, политических, культурных, правовых и других аспектов общественной жизни, когда взаимозависимость национальных социумов достигла такого уровня, что начались кардинальные перемены в жизни всего мирового сообщества, превращающегося постепенно в целостный общественный организм²⁹».

Таким образом, взаимозависимость приводит к превращению стран в единую систему в рамках одного экономического организма. Более того, глобальная экономика и международные экономические отношения начинают доминировать над отношениями внутри стран. В то же время государство теряет контроль в части своих регулирующих функций и защиты национальных интересов.

Процессы глобализации не отменяют основных законов экономического развития, в частности – закон конкуренции. Применительно к глобализации речь идет о конкуренции между странами, оборотной стороной которой выступает закон неравномерности экономического развития. В рамках современного мирового интеграционного процесса конкуренция между его участниками выражается в постоянном взаимодействии таких явлений, как лидерство, партнерство и догоняющее развитие.

Таким образом, глобализация стала одним из основных направлений, определяющих условия для развития международных экономических отношений и охватывающих не только сферу экономики, но и социальную, политическую и духовную сферы.

Понимание глобализации как определенного этапа зрелости экономико-политического процесса взаимного сближения и переплетения национальных

---

²⁸ Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? – М.: НП «III тысячелетие». 2001. 478 с.

²⁹ Шишков Ю.В. Глобализация и антиглобализм в современном мире. / Россия в окружающем мире: 2003 (Аналитический ежегодник). – М.: Изд-во МНЭПУ, 2003. С. 63.

хозяйств в ходе их развития в наибольшей степени соответствует реально протекающим процессам мирового развития. Движущей силой этого процесса является рыночная экономика, в то время как государство придает ему организованный характер. Однако для успеха государственного регулирования и мирового интеграционного процесса в целом принципиально важное значение имеет вектор действия государства, а именно в русле рыночного процесса, для придания ему оформленного характера и устранения помех и препятствий на пути сил развития.

Концептуализация глобализации

На основе рассмотренных ключевых теорий глобализации представляется целесообразным следующая категоризация:

- мир-системная теория и ее развитие;
- теории глобального капитализма;
- сетевые теории глобализации;
- пространственные теории глобализации;
- теории транснациональности;
- нормативная теория глобализации.

Дэвид Хэлд укрупнил категории теорий глобализации до 3-х типов³⁰:

1. Гиперглобалисты: признают более раннее формирование некоторых предпосылок глобализации, однако ее окончательное формирование как нового концепта и все ее соответствующие эффекты относят к периоду последних 30–35 лет; конечной точкой глобализации видят стирание границ государств-наций и формирование системы единственного глобального управления, а также глобальных (а не международных) финансовых рынков и цепочек создания стоимости, тотальную стандартизацию процессов.

2. Скептики: считают, что глобализация не является новым процессом, а присутствует в международных экономических отношениях последние 1000–500 лет. Масштаб изменений глобальных процессов определяется

---

³⁰ Held, D., McGrew A., Goldblatt, D., & Perraton, J., (1999), Global Transformations: politics, economics and culture. Cambridge: Polity Press.

накопившимися связями в мире, которые также формировались на протяжении долгого времени. Отрицается утрата роли государства, а также отрицаются какие-либо драйверы за исключением глобальных концепций вроде капитализма.

3. Трансформационалисты: разделяют взгляды гиперглобалистов в отношении революционного влияния глобализации на общество и экономику, но, тем не менее, отстаивают сохраняющееся влияние государств на глобальные экономические процессы. Глобальные процессы проникают в государственную экономическую политику и влияют на нее, но не могут стать главенствующими по отношению к суверенным решениям, особенно в периоды кризисов.

Усиление geopolитической напряженности и процессы, происходящие в международных экономических отношениях в первой трети XXI в., обусловили изменение взглядов авторов современных теорий глобализации, что предопределило актуальность сравнения теорий и позволило проранжировать их по уровню измерения глобализации и интенсивности ее процессов (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Сравнительный анализ теорий глобализации

	Гиперглобалисты	Скептики	Трансформационалисты
Теоретическая новелла	Создание глобального целого вместо национального	Увеличение количества и интенсификация экономических связей, формирующих взаимное влияние	Рекордный в истории уровень глобальной взаимозависимости
Ключевые признаки	Глобальный капитализм и глобальное управление	Сокращение экономической независимости государств за последние столетия	Одновременная экстенсивная и интенсивная экономическая глобализация
Влияние государственных институтов	Постепенное замещение национальных институтов международными	Усиление государственных институтов	Пересмотр функций государственных институтов

Движущие силы глобализации	Капитализм и технологии	Национальные правительства и рынки	Совокупность всех акторов и инструментов современной экономики
Архитектура стратификации	Разрушение старых иерархий	Развитие проблемы «Север – Юг»	Новый миропорядок
Доминирующий мотив	Стандартизация процессов, глобальные цели	Национальные интересы	Пересмотр международных экономических отношений
Концепция	Пересмотр концепции экономического взаимодействия	Интернационализация и регионализация	Пересмотр региональных экономических отношений и региональное взаимодействие
Историческая траектория	Глобальный рынок	Региональные рыночные блоки	Одновременные процессы глобальной экономической интеграции и рыночной фрагментации – экономическая глокализация
Ключевой аргумент	Конец эпохи государств-наций	Интернационализация зависит от стремлений ключевых государств-наций	Глобализация изменяет структуру экономической власти и принципы экономической политики

Источник: составлено автором.

На основе обобщения и систематизации эффектов глобализации по группам (сетевые эффекты, связанность экономических акторов, конвергенция и гетерогенность, динамика экономического взаимодействия) разработана Карта распределения теорий глобализации по степени влияния глобализации на национальное экономическое развитие (см. рис. 1.1).

Рисунок 1.1. Карта распределения теорий глобализации.

Источник: составлено автором.

Рассмотрев современные теории экономической глобализации, систематизировав и классифицировав их, в рамках данного исследования экономическую глобализацию можно представить как процесс увеличения количества и интенсификации экономических взаимосвязей между экономическими институтами и акторами в разрезе пространства и времени, формирующих взаимозависимость и тем самым принуждающих институты и акторов к изменению национальной экономической политики в соответствии с новой структурой экономической взаимозависимости.

Исходя из выведенного определения, операционализация³¹ понятия экономической глобализации сводится к следующим факторам (табл. 1.2):

³¹ Под операционализацией здесь понимается сведение теоретического суждения к эмпирически определяемым признакам.

- приведение институтов в соответствие с принципами работы зарубежных институтов;
- транснациональные миграционные процессы, превышающие ранние периоды;
- денежно-кредитная политика, основанная на анализе глобального и международных рынков;
- рост количества торговых соглашений;
- сокращение издержек на транспортировку товаров, пассажиров и снижение стоимости транспортировки;
- снижение таможенных барьеров и пошлин.

Таблица 1.2. Обобщенное представление основных эффектов глобализации

Сетевые эффекты	Увеличение количества международных рынков
	Больший объем товаров и услуг на рынках
	Трансграничное распределение информации
	Повышение мобильности труда
Связанность экономических акторов	Интенсификация связей между рынками
	Усложнение и разделение цепочек создания стоимости
	Повышение доступности информации
Конвергенция и гетерогенность	Неравное распределение ресурсов
	Увеличение разнообразия торгуемых товаров и услуг
	Неравный доступ к информации
	Пространственно обусловленные макроэкономические эффекты воздействия
Динамика экономического взаимодействия	Увеличение количества взаимодействий в существующих сетях
	Ускоренное производство товаров и услуг
	Повышение плотности информационного охвата
	Трансграничное распространение знаний и результатов НИОКР
	Разноускоренное распространение знаний и информации

Источник: составлено автором на основе Jan Arpe, Globalization and its Complexity Challenges to Economic Policy, Bertelsmann Stiftung, "Shaping Sustainable Economies" program.

Условно мнения исследователей влияния глобализации на экономическую политику государств можно поделить на два направления.

Первое направление относится к школе скептиков, полагающих, что глобализация по сути является экспансией экономической модели доминирующей страны или региона. Например, Антонио Раппа считает, что драйвером и источником процессов глобализации выступает экономическая политика США³², понуждая остальные регионы мира равняться на ключевые перемены в экономическом поведении Соединенных Штатов.

Второе направление относится к школе трансформационализма и исходит из положений о том, что глобальные процессы существуют наравне с влиянием крупнейших экономик, и в их взаимосвязи формируются новые процессы и вместе с ними вызовы для национальной экономической политики. Отчасти это можно проиллюстрировать определением глобализации Джозефа Стиглица: «интенсивная интеграция государств и народов мира, вызванная постоянным сокращением транспортных и коммуникационных издержек, а также постепенным снятием искусственных барьеров для обмена товарами, капиталом, технологиями и людьми из страны в страну [...], поддерживаемая возникновением новых институтов, которые, наряду с уже существующими, включаются в международные процессы»³³.

Отметим, что глобализация может влиять на экономическую политику нелинейно и на разных промежутках времени. Предполагается, что процессы глобализации идут вместе с процессами локализации, на разных этапах перехватывая инициативу друг у друга. Также развитие процессов глобализации является возвратом к процессам, приостановленным Великой депрессией 1930-х гг. и двумя мировыми войнами³⁴.

---

³² Rappa, Antonio, Globalization: An Asian Perspective on Modernity and Politics in America, January 2006, Edition: Singapore, Publisher: Marshall Cavendish Academic, ISBN: 9812104186, 9789812104182.

³³ Stiglitz J.E. 2003. Globalization and the Growth in Emerging Markets and the New Economy. Journal of Policy Modeling, 25.

³⁴ Bienkowsli W. 2004. Globalization, Integration and Government's Competitiveness Policy, Optimum – Economic Studies, 23(3).

В то же время масштаб и охват современных процессов глобализации привносит значительные изменения. Включение новых развивающихся экономик в глобальные процессы как акторов глобальных процессов меняет экономические тренды глобализации (рис. 1.2). Новые участники глобальной экономики характеризуются большим населением, чем в развитых странах, при значительно более низком уровне ВВП на душу населения. Это различие влияет на перераспределение товаров, капитала и людей в глобальном разрезе, что, выступая факторами влияния на национальные экономики, далее определяет направления национальной экономической политики³⁵.

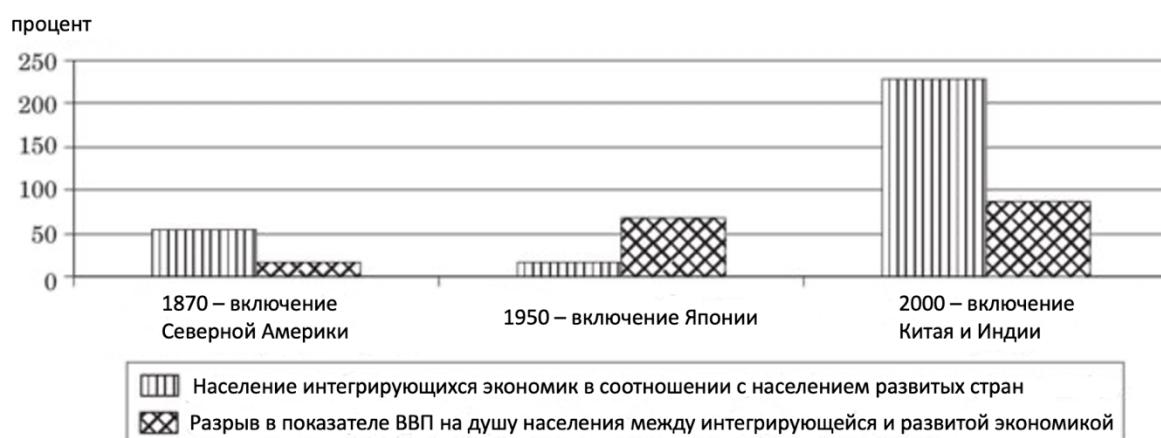

Рисунок 1.2. Различия в масштабах между этапами процесса глобализации.

Источник: OECD Economic Outlook 2007, p. 186.

Хотя глобализация не является новым процессом в истории, на более ранних этапах ввиду ограниченности масштабов и малого количества включенных в международную торговлю экономик она просто не могла оказывать значимое воздействие на международные экономические отношения.

Возвращаясь к утверждениям Д. Стиглица, эмпирически можно заметить, что снижение торговых барьеров и ограничений вкупе с

³⁵ Balcerzak, Adam. (2009). Limitations of the National Economic Policy in the Face of Globalization Process. Olsztyn Economic Journal. 4. 279-290. 10.2478/v10021-009-0024-0.

сокращением транспортных и коммуникационных издержек действительно сходится с динамикой процессов глобализации (рис. 1.3).

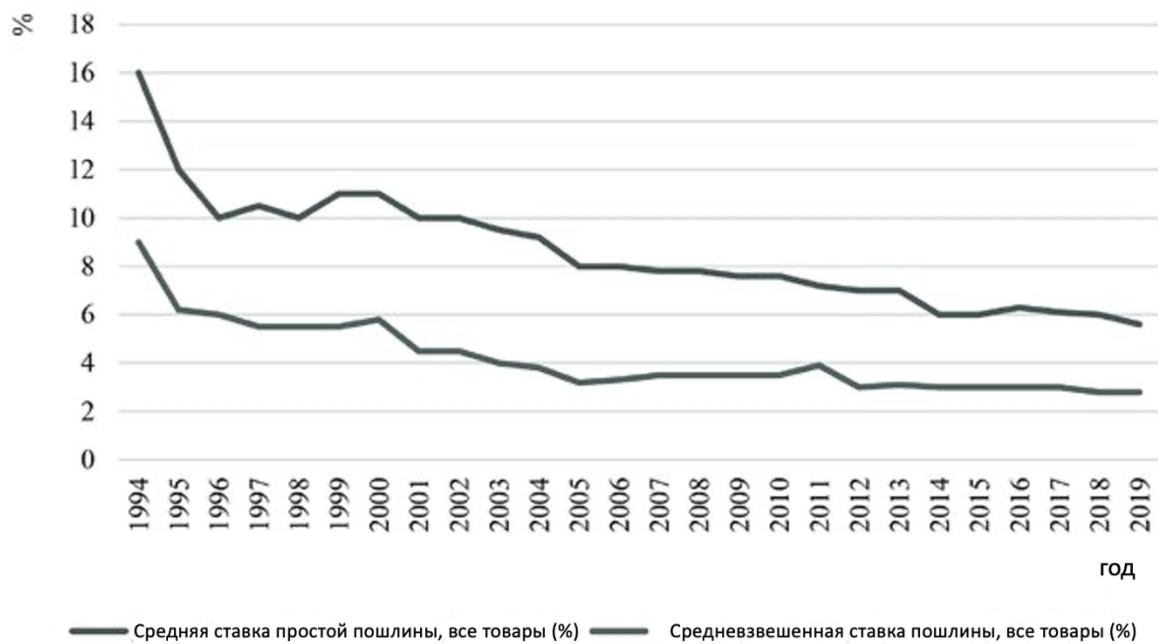

Рисунок 1.3. Динамика простых и средневзвешенных ставок таможенных тарифов, мировые рынки (%).

Источник: Karpenko, Lidia & Pashko, Pavlo & Chunytska, Iryna & Akhlamov, Anatolii & Kostenko, Alisa. (2020). THE ROLE OF CUSTOMS REGULATION IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 10. 219-234. 10.9770/jssi.2020.10.1(16).

Наряду с падением ставок таможенных тарифов, технологический прогресс позволил сократить затраты на международные перевозки (рис. 1.4.), что привело к повышению конкуренции в сфере логистики, интенсификации перевозок и, что закономерно, сокращению стоимости перевозок.

Рисунок 1.4. Стоимость морских перевозок (1974–2016 гг.) и реальные доходы от авиаперевозок (1955–2019 гг.)

Источник: The Transportation-Communication Revolution: 50 Years of Dramatic Change in Economic Development. CATO Institute. URL: <https://www.cato.org/cato-journal/winter-2020/transportation-communication-revolution-50-years-dramatic-change-economic#the-transportation-communication-revolution-and-economic-development>.

По принципу системной обратной связи снижение барьеров и издержек логистики и коммуникации приводит к более плотным и широким сетям контактов предприятий по всему миру, что подстегивает международную торговлю, которая приводит к дальнейшему снижению затрат на ее осуществление (рис. 1.5).

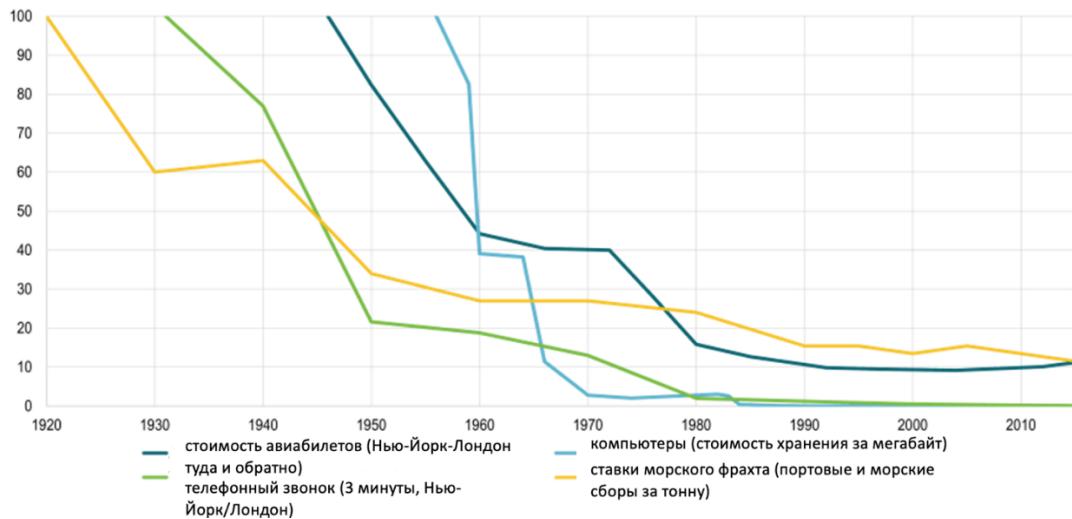

Рисунок 1.5. Показатели затрат на транспорт и связь, 1920–2015 гг.

Источник: *The Geography of Transport Systems. The spatial organization of transport and mobility.* URL: <https://transportgeography.org/contents/chapter1/what-is-transport-geography/transport-communication-costs-index/>

При этом особенно резко сократилась стоимость обработки и передачи информации, что и повлияло на возникновение информационного общества и впоследствии четвертой промышленной революции с цифровой экономикой (рис. 1.6).

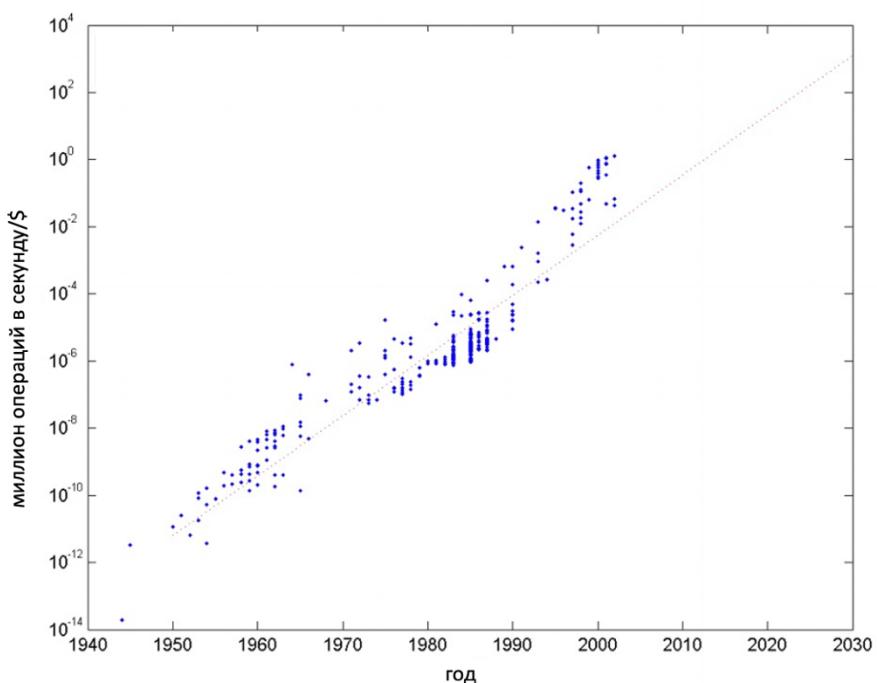

Рисунок 1.6. Доступная вычислительная мощность на доллар с течением времени, измеряемая в миллионах операций в секунду и долларах США базисного 2007 года.

Источник: Trends in the Cost of Computing. URL:
<https://aiimpacts.org/trends-in-the-cost-of-computing/>

Влияние стоимости информационных технологий на процессы глобализации и экономическую политику отмечалось В. Нордхаусом еще в 2001 г., с ежегодной эффективностью инвестиций в вычислительные мощности в 55% после 1940 г.³⁶

Распространение информационных технологий и телекоммуникаций сыграло роль в децентрализации принятия решений через сформировавшуюся и постоянно развивающуюся сеть коммуникаций, которая минимизировала издержки доступа к информации и тем самым позволила искать лучший источник информации в любом регионе с развитой коммуникационной

³⁶ NORDHAUS W.D. 2001. The Progress of Computing. Cowles Foundation Discussion Paper No. 1324, Cowles Foundation for Research in Economics at Yale University.

инфраструктурой. Эти изменения привели к стремительному развитию и децентрализации ТНК и формированию новых мирохозяйственных связей.

Ту же тенденцию демонстрируют глобальные финансовые потоки с поправкой на периоды кризисов и рецессий. Уже к 2000 г. отношение международного финансового капитала к глобальному производству составило 3:1³⁷. Повышение качества и скорости коммуникаций способствовало развитию глобального финансового рынка и проникновения инвестиций в том числе в развивающиеся страны (рис. 1.7).

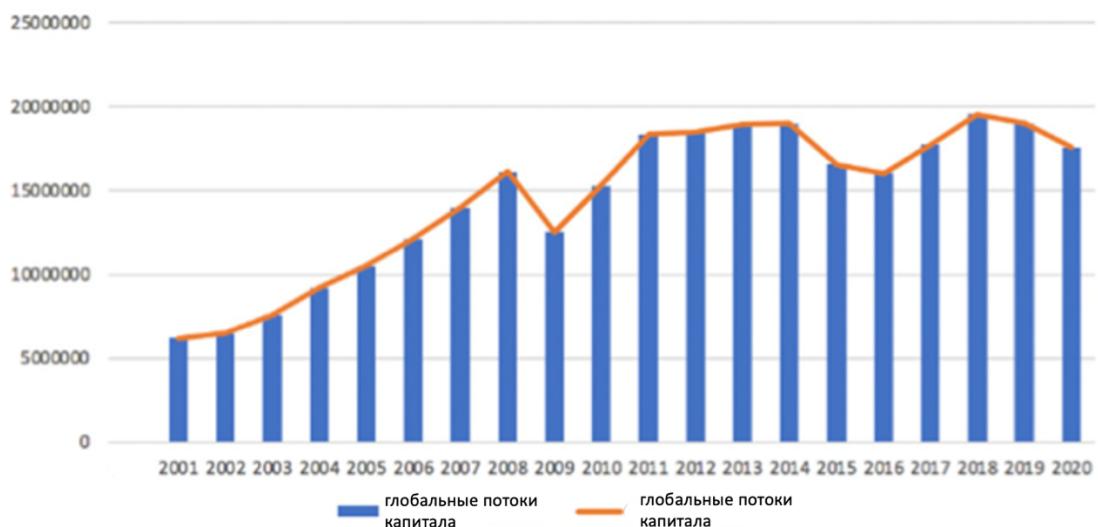

Рисунок 1.7. Объем мировых потоков капитала по годам.

Источник: *Yunxin Yi. An Overview of International Capital Flows and Its Impact on Chinese Financial Market.* URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/51/e3sconf_eilcd2021_01015.pdf

В то же время рост зависимости экономики от глобальных финансовых потоков ограничивает возможности социальной политики, в первую очередь ввиду увеличения количества обращающихся ликвидных активов. Для рынков развивающихся стран с открытой экономикой спекулятивные бумы и

³⁷ World Investment Report 2007. Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. 2007

валютные кризисы формируют экономическую политику, учитывающую потенциал кризисов³⁸.

При этом открытость рынка определяет возможность притока прямых иностранных инвестиций, особенно в сферы инфраструктуры и технологий³⁹.

Соответственно, регулирование воздействия глобализации (в части международных финансов) возможно в настоящее время за счет соответствующей макроэкономической политики, учитывающей влияние состояния зарубежных финансовых рынков и глобальных тенденций. В противовес этому дискретные действия финансовых регуляторов в XXI в. демонстрируют меньшую эффективность.

Также глобализация оказывает влияние на миграцию и, соответственно, занятость (рис. 1.8). Согласно эмпирическим исследованиям⁴⁰, глобализация напрямую влияет на мобильность труда: отмечается сильная зависимость стоимости трудовой миграции от подушевого ВВП страны, что формирует миграционные потоки «Север – Юг» и тем самым оказывает влияние на миграционную политику и экономику труда во всех странах, участвующих в процессе миграции.

Миграция навыков, знаний вкупе с коммуникацией информации и трансграничными финансовыми потоками указывает на сокращающееся влияние национальных регуляторов в вопросах определения экономической политики, заставляя соотносить действия на национальном уровне с глобальными процессами (иногда называемыми мегатрендами).

---

³⁸ Stiglitz J.E. 2004. Capital – Market Liberalization, Globalization, and the IMF. Oxford Review of Economic Policy, 20(1).

³⁹ A New Economy: The Changing Role of Information Technology in Growth 2000

⁴⁰ Erhan Artuc, Daniel Lederman, Guido Porto, A mapping of labor mobility costs in the developing world, Journal of International Economics, Volume 95, Issue 1, 2015, Pages 28-41, ISSN 0022-1996, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2014.10.007>.

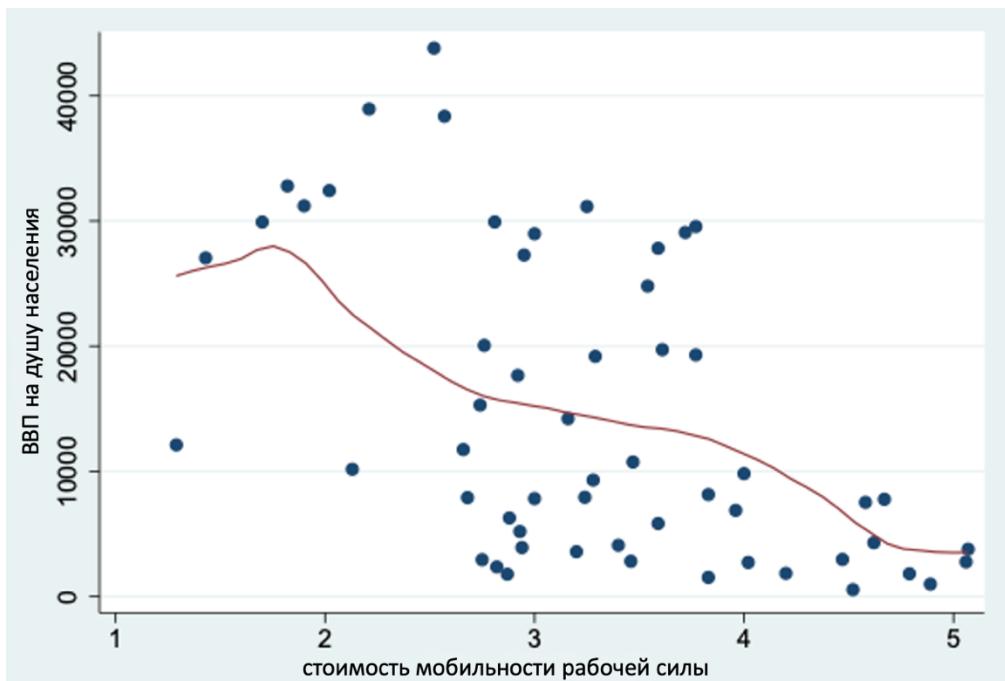

Рисунок 1.8. Издержки мобильности трудового капитала, сравнение издержек мобильности с уровнем подушевого ВВП (1986–2007 гг.).

Источник: Erhan Artuc, Daniel Lederman, Guido Porto, A mapping of labor mobility costs in the developing world, Journal of International Economics, Volume 95, Issue 1, 2015, Pages 28-41, ISSN 0022-1996, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2014.10.007>.

Указанные тенденции составляют лишь направления глобализации, которые получают ответ в виде положений экономической политики страны.

Важнейшими участниками экономической системы являются транснациональные компании. Пол Кругман отмечал⁴¹, что производственный сектор мировых промышленных лидеров претерпевает геопространственные изменения ввиду глобализации: например, промышленный и сельскохозяйственный секторы США демонстрируют развитие на фоне стирания национальных границ производства и создания цепочек стоимости (табл. 1.3).

⁴¹ Krugman P. Growing world trade: Causes and consequences. Brookings Papers on Economic Activity 1995. P. 327–377.

Таблица 1.3. Ключевые факторы экономической деятельности ТНК, влияющие на формирование национальной экономической политики

Фактор	Описание
Аутсорсинг	Заключение соглашения о партнерстве с (местной) фирмой о предоставлении услуг или продуктов
Периферийный аутсорсинг (оффшорный)	Заключение соглашения о партнерстве с (иностранный) фирмой о предоставлении услуг или продуктов
Вертикальные прямые иностранные инвестиции	Инвестиции в создание производственной единицы за рубежом, включенной в единую цепочку создания стоимости
Вертикально интегрированные ТНК	Использование собственных зарубежных дочерних организаций для обеспечения замкнутой цепочки создания стоимости вместо аутсорсинга
Горизонтальная торговая специализация	Использование производственных элементов в цепочке создания стоимости только в рамках одной страны или региона для экспорта
Вертикальная торговая специализация	Разделение цепочки создания стоимости через этапы импорта и экспорта элементов
Релокация производства	Перевод производства на периферию с сохранением в стране базирования штаб-квартиры / функции услуг / НИОКР

Источник: составлено автором.

В то же время офшоринг услуг и НИОКР может привести к полному переводу ключевых элементов создания стоимости в периферию, что оказывает значительное влияние на занятость высококвалифицированной рабочей силы (падение спроса со стороны донора и повышение предложения со стороны страны-реципиента предприятия)⁴² (табл. 1.4).

Таблица 1.4. Изменения и факторы глобализации

Сфера изменений	Факторы
Изменения в секторах экономики	Рост внутриотраслевой торговли
	Зависимость от внешней торговли
	Рост сектора услуг

⁴² Farrell D (2004) Beyond offshoring: Assess your company's global potential. Harvard Business Review, December 82-90

Организационные изменения	Международный аутсорсинг компонентов
	Перевод производства на периферию
	Рост внутрикорпоративных международных транзакций
Пространственные изменения	Вертикальная специализация производителей
	Возникновение стран – торговых лидеров (стран с высоким отношением внешней торговли к национальному ВВП – например, Малайзия, КНР, Бельгия, Ирландия) (supertrading economies по терминологии Пола Кругмана)
	Рост экспорта из стран с низким уровнем подушевого дохода в страны с высоким уровнем
Необходимость макроэкономической корректировки	Повышенная чувствительность к возникающим изменениям на международном рынке
Роль государства в экономике	Межгосударственные экономические отношения как движущая сила ключевых направлений экономической глобализации (сотрудничество или торговые войны)
	Возрастающая роль государства в регулировании последствий экономических шоков и кризисов вследствие экономической интеграции и международной торговли

Источник: составлено автором.

Современные государства формируют свою экономическую политику под влиянием внутриотраслевой торговли, вертикальной специализации фирм, новых торговых лидеров, более тесных торговых связей между странами с низким и высоким уровнем подушевого дохода, офшоризации, большей зависимости от международной торговли товарами и услугами, роста сектора услуг и финансов. Также к этим факторам добавляются политические факторы стремления к региональным интеграциям.

Можно отметить исследование (Felbinger C.L., Robey J.E.)⁴³, где утверждается, что в XXI в. экономическую политику на национальном и региональном уровнях определяют также три новых фактора: размытие экономических границ города и региона; мобильность рабочей силы;

---

⁴³ Felbinger CL, Robey JE (2001) Globalization's impact on state and local policy: The rise of regional cluster-based economic development strategies. Policy Studies Review (Re-view of Policy Research) 18:64-79

возрастающее значение партнерств на уровне регионов и стран. Другое исследование (Rondinelli D.A., Johnson J.H., Kasarda J.D.) приводит еще ряд дополнительных факторов: повышение мобильности факторов производства, которое повышает также зависимость регионов от структурных изменений в экономике; рост технологически емких и наукоемких направлений производства как ключевой фактор конкурентоспособности; возрастающая потребность в рыночной экспансии для предприятий в целях сохранения конкурентоспособности; формирование глобальных корпоративных альянсов и производственных сетей⁴⁴.

Международный валютный фонд (МВФ) провел в 2018 г. исследование эффектов глобализации на национальную экономику и экономическую политику⁴⁵. По результатам регрессионного анализа были эмпирически установлены эффекты воздействия на экономический рост, неравенство, рост доходов, а затем проведено исследование эффективности воздействия мер экономической политики на рассматриваемые эффекты глобализации.

Согласно разработанному экономистами МВФ индексу глобализации (представлен в измерении от 0 до 100), при достижении показателя глобализации уровня 77 пунктов (на данный момент это показатель таких стран, как Канада, Чили и Норвегия) соответствующий уровень роста доходов перестает значительно увеличиваться. Для стран, демонстрирующих более низкий уровень глобализации, эффект роста доходов остается значимым. Для страны со средним уровнем дохода следует ожидать рост доходов на 1,8% за 5-летний период на каждый пункт индекса. Соответственно, от глобализации выигрывают только менее глобализованные (менее 41 пункта по индексу МВФ) на данный момент страны с невысокими доходами на душу населения. При этом же для всех стран наблюдается корреляция роста неравенства с

---

⁴⁴ Rondinelli DA, Johnson JH, Kasarda JD (1998) The changing forces of urban economic development: Globalization and city competitiveness in the 21st century. *Cityscape* 3:71-105.

⁴⁵ IMF Working Paper, Strategy, Policy, and Review Department, The Distribution of Gains from Globalization, Prepared by Valentin F. Lang and Marina Mendes Tavares, Authorized for distribution by Rupa Duttagupta, March 2018.

глобализацией (рис. 1.9). Самым примечательным результатом исследования МВФ стало то, что глобализация не оказывает прямого эффекта на объем внешней торговли стран, а прямые иностранные инвестиции влияют на рост неравенства ввиду того, что бенефициарами таких инвестиций становится высококвалифицированная рабочая сила⁴⁶. Большая открытость иностранному капиталу усиливает неравенство в доступе к финансовому капиталу и повышает вероятность финансовых кризисов, которые, в свою очередь, повышают экономическое неравенство⁴⁷. Соответственно, в выигрыше от глобализации остаются топ-10 (в измерении по уровню дохода) населения страны⁴⁸.

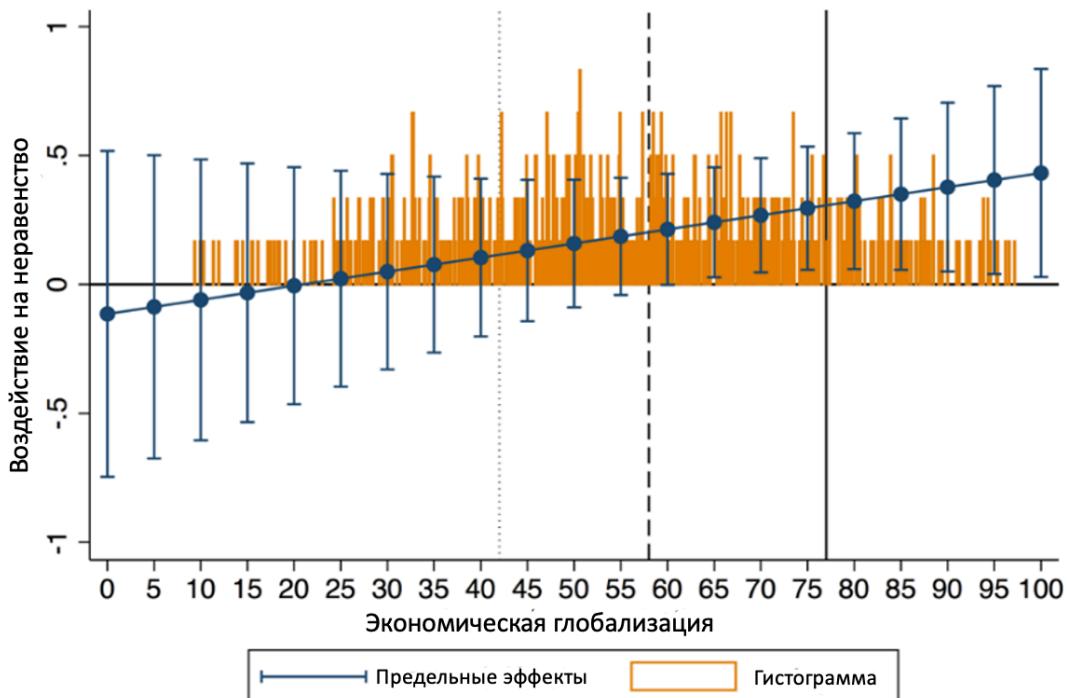

Рисунок 1.9. Глобализация и неравенство.

Источник: *IMF Working Paper, Strategy, Policy, and Review Department, The Distribution of Gains from Globalization, Prepared by Valentin F. Lang and*

⁴⁶ Furceri, D., & Loungani, P. (2018). The distributional effects of capital account liberalization. *Journal of Development Economics*, 130, 127–144.

⁴⁷ Furceri, D., Loungani, P., & Ostry, J. D. (2017). The Aggregate and Distributional Effects of Financial Globalization: Evidence from Macro and Sectoral Data. Paper presented at the Eighteenth Jacques Polak Annual Research Conference.

⁴⁸ Piketty, T., Saez, E., & Zucman, G. (2016). Distributional national accounts: methods and estimates for the United States. NBER Working Paper, 22945.

Рассматривая эффекты глобализации на экономическую политику стран, можно выделить два ключевых направления действий регуляторов: перераспределение доходов и развитие образования.

Исходя из эмпирически установленного факта роста неравенства в условиях глобализации, более глобализованные страны перераспределяют доходы посредством налогообложения и трансфертов⁴⁹. При этом если исследовать отдельно страны со средними и низкими подушевыми доходами населения с относительно высоким уровнем глобализации, наблюдается направление экономической политики в сторону увеличения налогообложения в части роста как количества налогов, так и самих налогов, в отличие от развитых стран, которые уже применили и развили данное направление экономической политики⁵⁰. Соответственно, от глобализующихся стран следует ожидать увеличения перераспределения доходов в целях (частичной) компенсации эффектов глобализации.

Учитывая также эмпирически установленный факт, что от глобализации выигрывают преимущественно высококвалифицированные работники, повышение человеческого капитала является еще одним популярным способом корректировки экономической политики для снижения негативных эффектов глобализации⁵¹. Соответствующее эмпирическое доказательство представлено МВФ в виде сравнения повышения расходов государства на образование и изменения коэффициента Джини. Установлено, что, если для развитых стран повышение инвестиций в образование не влияет существенно на изменение уровня неравенства, для стран с расходами на образование на

---

⁴⁹ Walter, S. (2010). Globalization and the welfare state: Testing the microfoundations of the compensation hypothesis. *International Studies Quarterly*, 54(2), 403–426.

⁵⁰ Adsera, A., & Boix, C. (2002). Trade, Democracy, and the Size of the Public Sector: The Political Underpinnings of Openness. *International Organization*, 56(2), 229–262.

⁵¹ Checchi, D., & van de Werfhorst, H. G. (2014). Educational Policies and Income Inequality. *IZA Discussion Paper*, 8222.

уровне ниже 3% ВВП данная мера экономической политики остается эффективной (рис. 1.10).

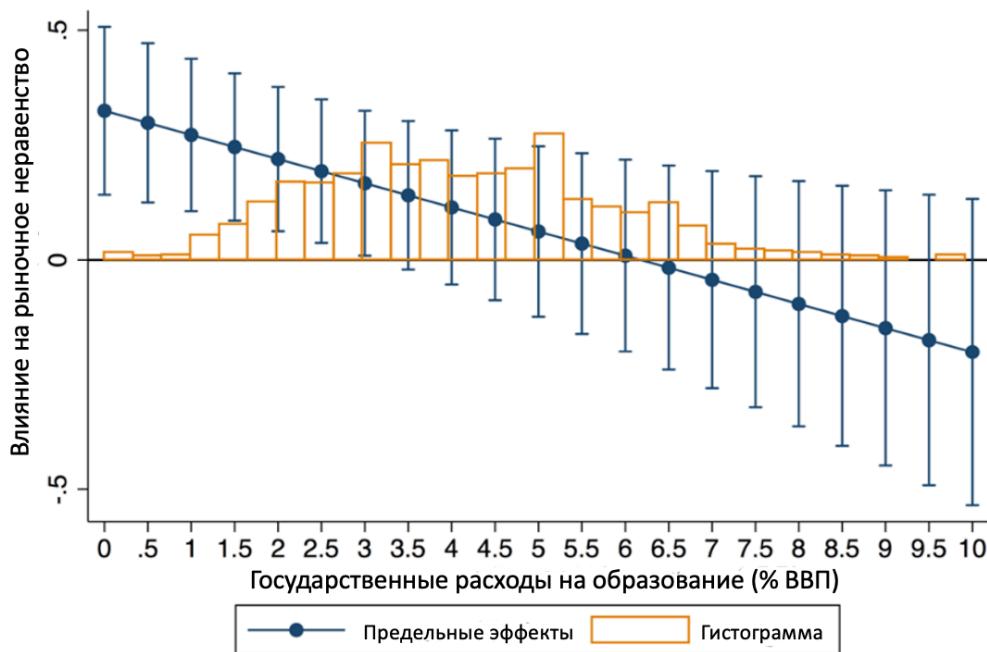

Рисунок 1.10. Глобализация, неравенство и расходы на образование.

Источник: IMF Working Paper, Strategy, Policy, and Review Department, *The Distribution of Gains from Globalization*, Prepared by Valentin F. Lang and Marina Mendes Tavares, Authorized for distribution by Rupa Duttagupta, March 2018.

Таким образом, экономическая политика государств адаптируется под влияние глобализации в двух измерениях.

Во-первых, на горизонтальном межстрановом уровне степень глобализации национальной экономики определяет темпы экономического роста и, соответственно, приток прямых иностранных инвестиций, что влияет на планирование инфраструктурного развития и программы международного сотрудничества.

Во-вторых, на вертикальном внутреннем уровне глобализация оказывает эффект на рост уровня неравенства, что приводит к изменению

налогово-бюджетной политики стран и пересмотру программ социального развития⁵².

Одним из важнейших инструментов глобализации, как процесса увеличения количества и интенсификации экономических взаимосвязей между экономическими институтами и акторами, является снижение барьеров в сфере международных экономических отношений. Движущими силами такого снижения выступают объективные причины (прежде всего – научно-технический прогресс) и субъективные (национальные интересы государств, в первую очередь лидеров мировой экономики, интересы их транснациональных корпораций и созданные ими международные институты). При этом процессы глобализации не отменяют основных законов экономического развития, в частности – закон конкуренции, конкуренции между странами, оборотной стороной которой выступает закон неравномерности экономического развития. Именно наличие конкуренции предопределило появление такого явления, как циклы глобализации.

Становление Британской империи как глобального экономического лидера явилось результатом промышленной революции и расцвета протекционизма. Обретя на этой основе статус безусловного мирового лидера, Британская империя стала продвигать идеи свободной торговли, движения капитала и т.д. В результате к середине XIX в. сформировался мировой рынок, произошло массовое расширение потоков торговли, капитала и технологий, взрыв миграции и коммуникаций, прорывы в транспортных технологиях открыли национальные экономики для торговли и инвестиций способами, которые радикально отличались от того, что было раньше. С середины 1800-х годов население мира выросло примерно в шесть раз, мировое производство, по разным оценкам, – в 60 раз, а мировая торговля – более чем в 140 раз. Степень взаимозависимости стран усилилась многократно. Однако одновременно с этим усилилась и конкуренция между лидером –

---

⁵² Rodrik, D. (2011). The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. Norton.

Великобританией и претендентом на мировое лидерство – Германией, что в итоге привело Первой и Второй мировым войнам и практически к остановке процесса глобализации. Таким образом, с начала XIX в. глобализация прошла 3 фазы: становление глобализационных процессов – глобализация (1820-е – 1850-е годы); ускоренное развитие глобализационных процессов – гиперглобализация (1850-е гг. – 1913 г.); период замедления и спада глобализационных процессов – гипоглобализация (1913 г. – конец 1940-х гг.).

Фаза спада глобализации (в работе названа «гипоглобализация») – это ослабление глобализационных процессов, взаимозависимости национальных экономик на фоне формирования нового мирового экономического порядка в условиях возрастающей турбулентности мировой экономики. На этапе гипоглобализации происходит переломный этап с точки зрения позиционирования стран в глобальной системе мирохозяйственных связей, определения стратегических целей и задач социально-экономического развития, выбора подходов к обеспечению темпов экономического роста, укрепления научно-технологического потенциала и национальной безопасности. Данный этап характеризуется усилением и обострением борьбы за глобальное лидерство, что определяет изменения в стратегии и тактических действиях страны-лидера и стран-претендентов. Это, в свою очередь, повышает уровень конфликтности в мировой экономике и расширяет спектр используемых инструментов и методов воздействия на конкурентов, вплоть до вооруженных конфликтов.

Три последовательно сменяющие фазы: начало глобализационных процессов, гиперглобализация и гипоглобализация – составляют вместе полный цикл глобализации.

Следующий цикл глобализации начался с 1950-х годов XX в., когда запустился процесс восстановления мировой экономики после фазы гипоглобализации предыдущего цикла, но уже в формате двуполярного мирового устройства и с другими глобальными лидерами – Советским Союзом и Соединенными Штатами. Только к началу 1950-х годов объем

мировой торговли достиг объемов 1913 г., а объем движения капитала восстановился до значений 1913 г. лишь к началу 1960-х. Бурное развитие транснационализации, появление региональных интеграционных объединений, международных экономических организаций и т.д. в совокупности с научно-техническим прогрессом предопределили начало фазы гиперглобализации, а с распадом Советского Союза гиперглобализация получила дополнительный импульс. Однако с середины десятых годов XXI в. гиперглобализацию сменяет гипоглобализация, которая характеризуется, с одной стороны, устойчивой (поступательной) тенденцией замедления процесса глобализации, усиливающимся международным экономическим и военным противоборством, а с другой – информационной революцией и цифровизацией. Происходит закономерный с точки зрения развития циклов глобализации переломный этап, выражющийся в последовательном изменении позиций стран в глобальной системе мирохозяйственных связей, определении стратегических целей и задач социально-экономического развития, выборе подходов к обеспечению темпов экономического роста, укреплению научно-технологического потенциала и национальной безопасности.

Усиливающаяся международная конкуренция между глобальным лидером и претендентами на глобальное лидерство привела к увеличению количества экономических санкций и числа стран, к которым они применяются; увеличению числа вторичных санкций; увеличению военных расходов ведущих мировых игроков; увеличению числа интеграционных объединений как попытки регионального решения глобальных проблем; незавершенности Доха-раунда переговоров ВТО; дискредитации системы международных организаций ООН и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время мировая экономика полностью вошла в fazu гипоглобализации – последнюю fazu очередного цикла глобализации.

1.2. Трансформация экономической политики государств под влиянием процессов глобализации: на примере США и КНР

После распада двухполлярного мирового устройства, которым характеризовалась первая фаза глобализации второго цикла, ему на смену пришло однополярное с безусловным глобальным лидером в лице Соединенных Штатов. Однако процессы гиперглобализации привели к формированию конкурентов, которые в первой трети XXI в. стали представлять серьезную угрозу американскому глобальному лидерству. Первым из них стала Япония, которая была нейтрализована финансовым кризисом 1991 года, лишившим страну даже возможности претендовать на статус американского конкурента. Европейский Союз, как интеграционное образование, в целом также до недавних пор был одним из ведущих экономических конкурентов и претендентов на статус глобального лидера: по численности населения, количеству ТНК, в том числе финансовых, социально-экономическим показателям мог сравняться, а по отдельным параметрам превосходил США. Однако мировой финансовый кризис 2008 года, последовавшие за ним кризис еврозоны, миграционный кризис, пандемия COVID-19 и военные действия на Украине окончательно нейтрализовали ЕС.

Попытка этими же инструментами воздействовать на Китай пока не увенчалась успехом. Экономические санкции против Китая, разжигание конфликта с Тайванем и создание напряженности в районе Суэцкого канала и т.д. пока не привели к сколько-нибудь значимым результатам, и сегодня КНР является главным экономическим конкурентом США (табл. 1.5).

Таблица 1.5. Показатели социально-экономического развития США и Китая

	США		Китай	
	2000	2022	2000	2022
Макроэкономические показатели				
Доля в мировом ВВП (текущие цены)	30,1	25,1	3,5	17,7
Доля в мировом ВВП (по паритету покупательной способности)	20,8	15,5	7,4	18,5
Доля в мировом экспорте товаров	12,1	8,3	3,9	14,4
Доля в мировом импорте товаров	18,9	13,2	3,4	10,6
Доля в мировом экспорте услуг (2005 и 2022)	14,1	13,03	2,9	5,95
Доля в мировом импорте услуг (2005 и 2022)	11,9	10,6	3,2	7,0
Доля в мировом экспорте ИКТ (2005)	6,8	6,1	1,4	9,1
Торговый баланс (млрд долл.)	-369,69	-951,19	28,87	576,33
Количества ТНК, входящих в ТОП 500 крупнейших корпораций мира	174	121	10	132
Инфляция (%)	3,4	8,0	0,3	2,0
Доля в мировом экспорте высокотехнологичной продукции (2011)	7,7	4,8	25,1	22,3
Доля в мировых поступлениях от продажи прав на интеллектуальную собственность	16,2	28,6	1,4	9,7
Доля в мировых платежах за интеллектуальную собственность	21,51	9,8	1,7	8,1
Баланс торговли правами на интеллектуальную собственность (млрд долл.)	-2,84	74,75	-0,12	-0,99
Доля национальной валюты в мировой торговле	70	52	0	2,7
Золотовалютные резервы (трлн долл.)	0,128	0,706	0,171	3,31
Расходы НИОКР в % от ВВП	2,62	3,46	0,89	2,43
Военные расходы в % от ВВП	3,1	3,5	1,8	1,6
Рост ВВП (в % в год)	4,1	1,9	8,5	3,0
Доля исходящих ПИИ в мировом объеме (в %)	12,27	25,04	0,08	9,83
Доля исходящих накопленных ПИИ в мировом объеме (в %)	36,36	20,19	0,38	7,36
Доля входящих ПИИ в мировом объеме (в %)	12,27	25,04	0,08	9,83
Доля входящих накопленных ПИИ в мировом объеме (в %)	36,36	20,19	0,38	7,36
Показатели социального развития				
ВВП на душу населения (долл.)	36330	76329,6	959,4	12720,2
Безработица, общая (% от общей численности рабочей силы)	4	3,6	3,3	4,9
Коэффициент численности бедных на уровне \$2,15 в день (% населения)	0,7	0,2 (2021)	36,5 (2002)	0,1 (2020)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, всего (лет)	77	76 (2021)	72	78 (2021)
Численность населения, млрд чел.	0,282	0,333 (2022)	1,26	1,41
Рост численности населения (% в год)	1,1	0,4 (2022)	0,8	-0,0
Индекс человеческого капитала (HCI) (шкала 0–1)	0,7 (2010)	0,7 (2020)	0,7 (2017)	0,7 (2020)
Лица, пользующиеся Интернетом (% населения)	43	92 (2021)	2	76
Умышленные убийства (на 100 000 чел.)	6	7 (2021)	2 (2002)	1 (2020)

*Источник: Составлено автором по данным World Bank
<https://data.worldbank.org/indicator/>*

Как видно из таблицы, экономика Китая в первой трети XIX в. стремительно развивается и по некоторым показателям уже опережает США, например, по росту ВВП, по ВВП по паритету покупательной способности, по доле в мировом экспорте товаров и высокотехнологичного экспорта, по количеству ТНК и торговому балансу, который в Китае составляет 576 млрд долл., а в США он отрицательный и составляет минус 951 млрд долл., и т.д.

Высокая доля в мировом экспорте высокотехнологичных товаров говорит о том, что Китай сохраняет за собой лидерство как производитель, однако стоит обратить внимание на то, что доля Китая в поступлениях от прав на интеллектуальную собственность составляет в 2022 году 9,7% (в 2000 году она равнялась 1,4%), в то же время этот показатель у США в 2000 году составлял 16,2%, а в 2022 году – 28,6%. Таким образом, пока главным поставщиком и разработчиком новейших технологий с большим отрывом остается США. Хотя по доле в мировом экспорте информационно-коммуникационных технологий Китай опережает США. В настоящее время Китай реализует программу технологического лидерства «Сделано в Китае 2025», и, как видно из таблицы, расходы на НИОКР страна за последние 20 лет увеличила практически в 3 раза. Именно результативность китайских государственных программ вынуждает крайне внимательно отнестись к данному факту, который в дальнейшем может самым серьезным образом трансформировать мировой рынок технологий. Именно по этому США также вынуждены увеличивать свои расходы на НИОКР.

Роль доллара в мировой экономике по-прежнему велика. И если доля доллара в мировой торговле снижается (хотя и остается доминирующей: в 2022 году она составляла 52%, при том, что доля США в мировой торговле около 10% (см. табл. 2)), то на мировом валютном рынке доллар был задействован почти в 90% мировых валютных операций, что делает его единственной наиболее торгуемой валютой на валютном рынке. При этом

доминирование доллара фиксируется по всем валютным инструментам и контрагентам. Около половины всех международных долговых ценных бумаг и трансграничных займов, выданных на офшорных рынках финансирования, номинированы в долларах. По состоянию на конец 2022 года сумма долга и займов, номинированных в долларах, где ни заемщик, ни кредитор не являются резидентами США, оценивается в 88% от общего объема международного долга, деноминированного в долларах, и 65% от общего объема международных банковских кредитов в долларах США⁵³. Еще одной областью, где роль доллара в некоторой степени снижается, являются официальные валютные резервы, хотя он остается основной резервной валютой. По состоянию на конец 2022 года на долю доллара приходилось менее 60% официальных валютных резервов. Это один из самых низких показателей за последние 20 лет, что явно не может не беспокоить Соединенные Штаты.

При этом роль юаня растет. Еще в 2000 году юань практически не использовался в международной торговле, в 2023 году его доля составила 2,7%, и это пока не идет ни в какое сравнение с американскими 52%, однако Китай продолжает работу над усилением роли своей национальной валюты. Так, созданные в противовес Международному валютному фонду и Всемирному банку Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (банк проекта «Пояс-Путь») и Новый банк развития (БРИКС) выпускают облигации и выдают часть кредитов в юанях. В 2016 году китайский юань был включен в корзину СДР.

Растущие глобальные амбиции Китая вызывают все большее противодействие со стороны США. В результате КНР из конкурирующего партнера США стала серьезным геополитическим соперником, несмотря на то, что долгое время обе страны получали значительные выгоды от торгово-

---

⁵³ https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2212x.htm#a1

экономического симбиоза и глубокой интеграции на производственном и финансовом уровнях.

Тем не менее размежевание двух экономик и нарастание противостояния продолжается, перекинувшись на технологическое и политico-идеологическое поля. США делают упор на построение в обход КНР многосторонних структур с привлечением союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе, наращивание глобальных инвестиций и опережающее развитие зеленой экономики, а также продолжают обвинять Китай в применении политики «инновационного меркантилизма», инвестиций социального воздействия, в нарушениях прав человека в Гонконге и Синьцзяне. Параллельно усиливается давление на Пекин по климатической проблематике с целью ускорить болезненный для китайской экономики переход на возобновляемые источники энергии. То есть в настоящее время Соединенные Штаты делают ставку не на открытый изоляционизм, а на взаимодействие с надежными союзниками на основе многосторонних подходов. В противовес мегапроекту Китая «Один пояс – один путь» объявлено о запуске глобальной инфраструктурной программы «Восстановить мир лучше прежнего» (Build Back Better World), основанной на «демократических ценностях» и предусматривающей инвестиции не только в инфраструктуру развивающихся стран в различных сферах, но и в «климатическую справедливость», здравоохранение, гендерное и социальное равенство.

Таким образом, влияние противоборства двух супердержав и моделей их экономического развития на будущее мировой экономики сохраняется и усиливается, но говорить об однозначной смене мирового лидера преждевременно – скорее можно рассуждать о развитии процесса формирования многополярного мира в фазе гипоглобализации.

После исследования сущности глобализации и ее влияния на экономическую политику в глобальном масштабе представляет интерес рассмотреть государственные меры по адаптации национальной

экономической политики к эффектам глобализации. Реальные меры регуляторов могут расходиться с теоретическими и прикладными (эконометрическими) исследованиями, что позволит выявить разнотечения в моделируемом (*de jure*) поведении регуляторов с их реальными программами и действиями (*de facto*).

В исследовании экономической политики КНР под влиянием процессов глобализации можно опираться на соответствующее программное заявление Народного банка Китая (НБК), в котором изложено официальное видение эффектов глобализации и предпринимаемых ответных мер экономической политики: «глобализация – обоюдоострый меч, особенно для развивающихся экономик. С одной стороны, глобализация повышает национальный доход, развивает торговлю и инвестиции и обеспечивает устойчивое развитие экономики Китая. С другой стороны, глобализация также привела к неравенству доходов в Китае и усилила давление на трансграничные потоки капитала. В качестве ответов на эти вызовы, как и другие развивающиеся страны, Китай проводит соответствующую вызовам макроэкономическую политику и продвигает структурные реформы в целях создания устойчивой макроэкономической среды»⁵⁴.

НБК выделяет следующие эффекты воздействия глобализации на национальную экономику.

Глобализация способствовала экономическому развитию Китая, который в свою очередь принимает меры по дальнейшему углублению глобализации национальной экономики.

НБК считает, что присоединение к ВТО способствовало диффузии инноваций и знаний, повысило конкуренцию и, в итоге, совокупную факторную производительность и экономический рост. ВВП вырос с 189 млрд долл. в 1980 г. до 14,72 трлн долл. в 2020 г., составляя 18,8% мирового ВВП⁵⁵.

---

⁵⁴ How Globalization has Affected China and Related Policy Issues. The People's Bank of China. URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap100_f.pdf

⁵⁵ China's Rise to Economic Superpower. Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/27688/chinas-share-of-global-gdp-vs-the-us-and-the-eu/>

По подсчетам НБК, пик значимости экономики КНР для глобального экономического развития пришелся на 2012–2016 гг.: в этот период 30% глобального экономического роста пришлось на Китай⁵⁶. Эти факторы привели к синхронизации национальных бизнес-циклов с глобальными, что сказалось на большей чувствительности национальной экономики к внешним экономическим шокам: например, к азиатскому финансовому кризису 1997 г. и финансовому кризису 2007–2009 гг.

Глобализация стимулирует торговлю и инвестиции, вовлекая страну в международные потоки капитала, подвергая страну внешнеэкономическим шокам. Совокупный объем импорта и экспорта составил 4,5 трлн долл. в 2019 г.⁵⁷ против 40 млрд долл. в 1980 г., объем входящих ПИИ превысил 2 трлн долл., а исходящие ПИИ в 2022 г. составили 2,58 трлн долл.⁵⁸ Наблюдается постоянный рост трансграничного оборота капитала с момента вступления страны в ВТО в 2001 г. В 2016 г. отток иностранного капитала из страны составил 6,1 трлн долл., что в 16 раз выше показателя кризисного 1997 года; 60% этого объема приходится на краткосрочный капитал, а коэффициент корпоративной долговой нагрузки китайских предприятий вырос с 96% в 2006 г. до 272,5% в 2021 г.⁵⁹, что превышает показатели США, Японии и Республики Кореи.

Глобализация влияет на мобильность труда в КНР. За последние 30 лет в стране отмечается устойчивый рост внутренней миграции. К 2016 г. внутренняя миграция составила 245 млн чел. Это объясняется тем, что за это время индустриализации подверглись преимущественно прибрежные регионы страны, что стало привлекать рабочую силу в эти регионы, в том числе из

---

⁵⁶ How Globalization has Affected China and Related Policy Issues. The People's Bank of China. URL: https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap100_f.pdf

⁵⁷ China Trade. World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/CHN/textview>

⁵⁸ China Outward Direct Investment: accumulation. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment/outward-direct-investment-accumulation>

⁵⁹ The Rise in China's Macro Leverage Ratio is Stable Overall. The People's Bank of China. URL: <http://www.pbc.gov.cn/WZWSREL2VuLzM2ODgxMTAvMzY4ODE3Mi80NDM3MDg0LzQ1MDkwMDEvaW5kZXguaHRtbA==>

сельской местности. Возникла проблема миграции рабочей силы из менее развитых регионов в индустриализованные, усугубляя ситуацию для регионов со сложной экономической ситуацией.

Глобализация привела к росту доходов населения, однако одновременно повысила неравенство доходов. Экономическая открытость и продолжающаяся рыночная интеграция привели в том числе к тому, что доля сельского населения, находящегося за чертой бедности, сократилась с 96% в 1980 г. до 1% в 2019 г.⁶⁰ В то же время неравенство значительно выросло: индекс Джини вырос с 0,29 в 1980 г. до 0,47 в 2020 г., с пиковым значением 0,49 в 2008 г. Существенная разница в доходах отмечается как между городскими и сельскими агломерациями, так и между провинциями страны. Усугубили ситуацию отстающие меры по реформированию экономики, концентрация экономической активности на прибрежных территориях, а также возникновение отраслевых монополий. К 2014 г. доходы верхнего квинтиля жителей Пекина в 4 раза превысили доходы нижнего квинтиля, наиболее заметна разница доходов между топ-менеджерами и линейными сотрудниками отраслевых монополий в секторах телекоммуникаций и нефтехимии⁶¹.

НБК приводит следующие меры экономической политики, которые должны способствовать сглаживаю негативных факторов и усилиению позитивных.

Продвижение структурных реформ. Реформирование государственных корпораций и устранение избыточных мощностей и «предприятий-зомби» направлено на оптимизацию секторов экономики. Инвестиции в НИОКР и образование должны повысить человеческий капитал и факторную

---

⁶⁰ Rural Poverty Reduction and Economic Transformation in China: A Decomposition Approach. World Bank Group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36602>

⁶¹ China Needs Cut to Inequality for Common Prosperity: PBOC's Cai. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-29/china-needs-cut-to-inequality-for-common-prosperity-pboc-s-cai>

производительность. Повышение налогообложения собственности, земли и ресурсов должны помочь более равному перераспределению доходов.

Борьба с бедностью и субсидирование сельскохозяйственного сектора экономики. НБК намерен изменить налогово-бюджетную политику для финансирования сельскохозяйственной отрасли и регионов, в том числе через инфраструктурные инвестиции, которые помогут сгладить региональные диспропорции, вызванные глобализацией.

Контроль трансграничных потоков капитала и управление рисками биржевой торговли. Макропруденциальные меры должны обеспечить соответствие трансграничных финансовых потоков текущей макроэкономической ситуации в целях обеспечения устойчивости экономики.

Исходящие ПИИ КНР обеспечиваются во многом программой «Один пояс – один путь», которая должна повысить доходность финансового сектора страны, а также обеспечить необходимый уровень конкуренции на рынке.

Также в 2020 г. правительством была представлена программа переориентации роли Китая в глобальной экономике до 2035 г. под названием «Стратегия двойной циркуляции» (рис. 1.11), направленная на приоритизацию внутреннего потребления (внутренняя циркуляция) при сохранении открытости экономики для внешней торговли (внешняя циркуляция)⁶².

---

⁶² Course correction: China's shifting approach to economic globalization. Mercator Institute for China Studies. URL: <https://merics.org/en/report/course-correction-chinas-shifting-approach-economic-globalization>

Китай стремится стимулировать экономический рост за счет инноваций и потребления
Сравнение стратегии большой международной циркуляции и стратегии двойной циркуляции

Рисунок 1.11. Стратегия двойной циркуляции КНР.

Источник: Course correction: China's shifting approach to economic globalization. Mercator Institute for China Studies. URL: <https://merics.org/en/report/course-correction-chinas-shifting-approach-economic-globalization>

В начале XXI в. США столкнулись с целым рядом вызовов своему мировому экономическому лидерству, которое считалось властями, деловыми кругами и широкими слоями населения страны неоспоримым в течение многих десятилетий после Второй мировой войны. Одним из отмеченных вызовов стало испытание приверженности США концепции глобализации как способа современного экономического развития.

Оценку эффектов влияния процессов глобализации на национальную экономическую политику можно провести на основе анализа официальных исследований государственных органов. В 2021 году комитетом Палаты представителей был выпущен меморандум с комплексной оценкой влияния процессов глобализации на национальную экономику и предлагаемые меры

экономической политики, направленные на снижение негативных эффектов и усиление позитивных: «с окончания Второй мировой войны США выступали лидерами в процессе создания нового глобально взаимосвязанного экономического порядка. Развитие глобализации, выраженное в свободном перемещении людей, товаров и услуг через национальные границы, открыло доступ к глобальным цепочкам поставок, повысило доступность зарубежных рынков и сократило потребительские цены. Глобализация одновременно способствовала переходу экономики США от модели преимущественного производства товаров к производству услуг, сократив рабочие места для рабочих в США и создав очаги экономической депрессии в отдельных регионах и демографических группах. Несмотря на разработку специальных программ поддержки рабочих в переходе к новой экономической модели, неравенство доходов по стране в наиболее чувствительных секторах лишь увеличилось»⁶³.

Одним из первых официальных программно-юридических стимулов глобализации экономики США стало подписание ГАТТ в 1947 году, а затем создание ВТО в 1995 г. в целях продвижения международной торговли через сокращение торговых барьеров для товаров, а затем услуг и интеллектуальной собственности. На момент подписания ГАТТ внешнеторговый оборот США составлял 309 млрд долл. (в долларах США 2020 г.) (10,7% ВВП), а к 2020 г. он уже превысил 5 трлн долл. (23,4% ВВП)⁶⁴. Согласно исследованию ОЭСР, большая свобода перемещения товаров и труда привела к росту международной конкуренции между фирмами и сотрудниками, распространению глобальных цепочек поставок и, наконец, к перетоку рабочих мест и факторов производства в географические регионы с более выгодными для участников торговли ценами⁶⁵.

---

⁶³ Memorandum The Select Committee on Economic Disparity and Fairness in Growth “The Interconnected Economy”. URL: <https://fairgrowth.house.gov/sites/democrats.fairgrowth.house.gov/files/documents/9.28.21%20Hearing%20Memo%20on%20The%20Interconnected%20Economy%20-%20The%20Effects%20of%20Globalization%20on%20US%20Economic%20Disparity.pdf>

⁶⁴ Federal Reserve, Economic Data. URL: <https://fred.stlouisfed.org/graph/?g=H3nZ>

⁶⁵ OECD Economic Outlook, Chapter 2, How to Make Trade Work For All, Volume 2017 Issue 1, Box 2.2, 2017.

Глобализация привела к серьезной зависимости американских рабочих мест от международной торговли. В 2018 году 20% рабочих мест (40 млн) в стране зависели от международной торговли (в 1992 г. зависимость отмечалась только для 25 млн рабочих мест)⁶⁶. В 2016 г. около половины всех рабочих мест (6,3 млн) в производственном секторе зависело от внешней торговли⁶⁷, большое значение внешнеторговых отношений также справедливо и для сектора услуг⁶⁸. Более того, даже четверть национального сектора сельского хозяйства вовлечено во внешнеторговые отношения⁶⁹. При этом половина импорта в США является не конечной продукцией, а промежуточными ресурсами для национальных производителей товаров⁷⁰.

С одной стороны, такое положение дел сыграло на руку малообеспеченным слоям населения, тратящих значительную долю дохода на потребительские товары, за счет притока более дешевых товаров на полки магазинов⁷¹. С другой стороны, рост экономического неравенства, deinдустириализация и сокращение среднего класса привели к снижению количества хорошо оплачиваемых рабочих мест⁷².

При этом больше всех пострадал сокращающийся национальный сектор производства и все занятые в этом секторе экономики сотрудники и предприниматели.

Сектор услуг, представленный сферами финансов, образования, здравоохранения, торговли, коммуникаций и логистики, непрерывно растет с 1960-х гг., за исключением периода пандемии, тем не менее демонстрируя восстановление уже в 2021 г. (рис. 1.12).

---

⁶⁶ Trade Partnerships Worldwide LLC, Trade and American Jobs: The Impact of Trade on U.S. and State-Level Employment 2020 Update, October 2020.

⁶⁷ International Trade Administration, Employment and Trade: Jobs Supported by State Exports 2016 Data, March 2018.

⁶⁸ U.S. Bureau of Economic Analysis, U.S. International Trade in Goods and Services, December 2019.

⁶⁹ American Farm Bureau Federation, Fast Facts About Agriculture and Food, 2019.

⁷⁰ Mercatus Center at George Mason University, The Benefits of Free Trade: Addressing Key Myths, May 2018.

⁷¹ The Hamilton Project, Where Does All the Money Go: Shifts in Household Spending Over the Past 30 Years, 2015.

⁷² Pew Research, In U.S. and UK, Globalization Leaves Some Feeling ‘Left Behind’ or ‘Swept Up’, October 5, 2020.

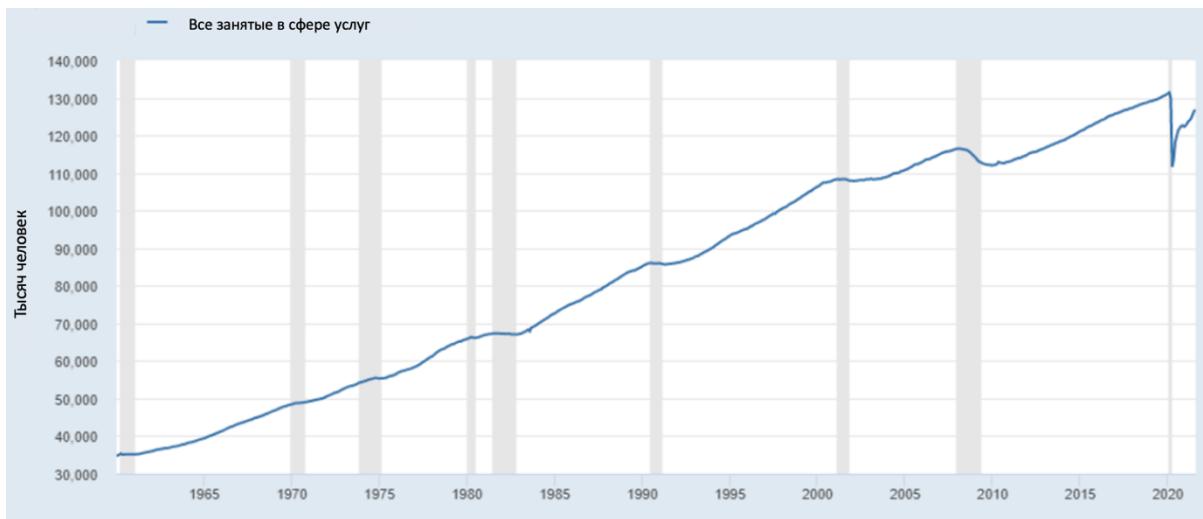

Рисунок 1.12. Динамика сектора услуг.

Источник: U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://stats.bls.gov>

В то же время производство, строительство и добыча полезных ресурсов переживали периоды роста и спада на протяжении XX в., а с 2000 г. демонстрируют устойчивое сокращение до 2010 г., так и не восстановив предыдущие показатели, с новым падением в условиях пандемии⁷³ (рис. 1.13).

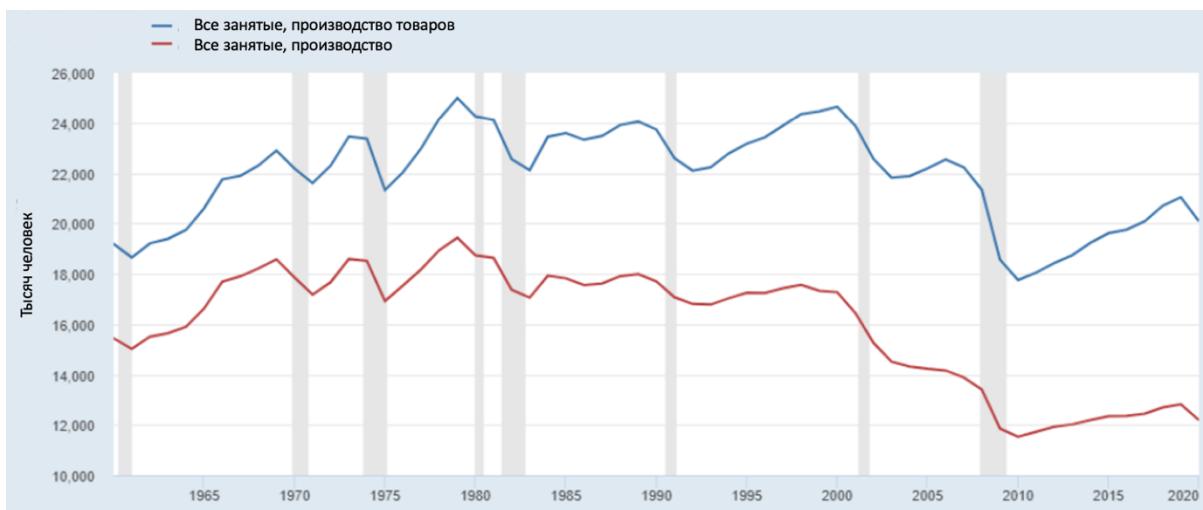

Рисунок 1.13. Динамика сектора производства.

Источник: U.S. Bureau of Labor Statistics. URL: <https://stats.bls.gov>

⁷³ U.S. Bureau of Labor Statistics, Goods Producing Industries and Service-Providing Industries, September 2021.

За период 1980–2017 гг. сектор производства потерял около 6,5 млн рабочих мест, составив 8,6% рабочих мест в стране без учета отрасли сельского хозяйства⁷⁴.

Естественно, сокращение занятости в секторе производства связано в том числе с технологическим прогрессом и автоматизацией производственных процессов. Рост выпуска производственного сектора на 5% в начале XXI в. сопровождался ростом капиталоемкости при сокращении доли труда в производстве⁷⁵.

На сокращение производственного сектора повлияло также развитие торговли с Канадой и Мексикой в рамках НАФТА с 1994 г., приведшее к релокации производства⁷⁶, а также вступление Китая в ВТО в 2001 г., в результате которого образовалось сильнее давление китайского импорта на американский внутренний рынок⁷⁷. В результате сформировавшегося торгового дефицита между США и КНР национальная экономика потеряла 3 из 5 рабочих мест в секторе производства за период с 2001 по 2018 гг.⁷⁸

Учитывая затрудненное состояние секторов экономики США под влиянием глобализации, меры экономической политики не позволяют на данный момент говорить об их достаточности и эффективности. Так, США тратят 0,1% ВВП на решение проблемы сокращения рабочих мест и потери работы, включая переобучение, что является вторым показателем с конца в списке стран ОЭСР⁷⁹.

Для решения вопроса были запущены программы «Помощь в корректировке торговли» (Trade Adjustment Assistance (TAA))⁸⁰ и «Мобильность рабочей силы» (Workforce Innovation and Opportunity Act

---

⁷⁴ U.S. Bureau of Labor Statistics, The Fall of Employment in the Manufacturing Sector, August 2018.

⁷⁵ Charles et al. The Transformation of Manufacturing and the Decline in the U.S. Employment, March 2018.

⁷⁶ US Chamber of Commerce, The Facts on NAFTA: Assessing Two Decades of Gains in Trade, Growth, and Jobs, 2017.

⁷⁷ National Bureau of Economic Research, The China Shock: Learning from Labor Market Adjustment to Large Changes in Trade, January 2016.

⁷⁸ Economic Policy Institute, Growing China Trade Deficit Cost 3.7 Million American Jobs Between 2001 and 2008, January 2020.

⁷⁹ American Enterprise Institute, The Search For Stability, February 2021.

⁸⁰ Там же.

(WIOA) Dislocated Worker Program)⁸¹, направленные на переобучение рабочих, потерявших рабочие места вследствие процессов глобализации, а также финансирование их релокации внутри страны. Однако данные программы так и не смогли переломить негативный тренд в национальной экономике⁸². Исследователи предполагают, что дальнейшим шагом может стать пересмотр соглашений (но не отказ от них) о свободной торговле и торговом благоприятствовании как меры, направленной на решение проблемы последствий глобализации⁸³.

Несмотря на трудности, вызванные пандемией коронавируса, США сохраняют первенство в мире по размерам экономики, но при этом усиление позиций ближайших конкурентов вызывает тревогу властей этой страны. По данным Всемирного банка, ВВП США в 2020 г., рассчитанный по текущему курсу, был самым большим в мире и составлял 20,9 трлн долл., что соответствовало около 25% мирового ВВП. Вторым после США следовал ЕС в составе 27 стран с показателем 14,7 трлн долл. (18%) и третьим – Китай с показателем 14,2 трлн долл. (17%)⁸⁴.

Первенство США по размеру ВВП отражает ведущую роль страны в формировании современного облика мирового хозяйства. США открыто объявили о своей миссией лидерство в этом процессе⁸⁵. При этом превосходство США после Второй мировой войны заметно эволюционировало. Еще в 1960 г. США доминировали, создавая 45% мирового ВВП и более половины промышленного производства. Только в начале 1970-х гг., когда в капиталистическом мире образовались три центра силы – США, ЕС и Япония, на смену доминированию США пришло их

---

⁸¹ Workforce Innovation and Opportunity Act. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-11135/uslm/COMPS-11135.xml>

⁸² Posen, Adam S. The Price of Nostalgia June 2021; Spriggs et. al, The Impact on Trade on Black Workers, June 2021.

⁸³ Office of the U.S. Trade Representative, Ambassador Tai, Secretary Walsh Applaud Successful First Course of Remediation Under USMCA's Rapid Response Mechanism, September 2021.

⁸⁴ World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org>

⁸⁵ U.S. Responsibilities in a Changing World Economy. Statement by Secretary Kissinger. Department of State Bulletin. 1976.February 22. P.234-241. <https://archive.org/details/departmentofstat3657unit>

положение первого среди сильных. Взаимодействие и конкуренция трех центров силы формировали картину мировой экономики практически до конца XX в.

Дальнейшее развитие мировой экономики породило изменения в начале XXI в. в конфигурации центров силы. Традиционный треугольник США – ЕС – Япония теперь дополняется новыми влиятельными участниками. Значительно возрастает роль в мировой экономике Китая и других стран БРИКС. При этом на протяжении первых десятилетий XXI в. США остаются локомотивом мировой экономики в качестве крупнейшего в мире производственного комплекса, источника и генератора инноваций, потребительского рынка и мирового финансового центра. В условиях трудного преодоления последствий кризиса 2008–2009 гг. во втором десятилетии США развивали экономическое взаимодействие с главными партнерами по линии глобализации⁸⁶.

Вместе с тем, при рассмотрении соотношения позиций в мировой экономике США и их главных партнеров, следует принимать в расчет не только близость строения их экономик, но и сохранение ряда заметных различий. Так, при сопоставлении двух крупнейших мировых центров экономической силы – США и ЕС – следует обратить внимание на разницу в численности населения. Население США в начале 2020 г. насчитывало 330 млн чел., а население ЕС (27 стран) – 447,7 млн чел. После выхода Великобритании, то есть на 117 млн больше⁸⁷. Таким образом, несмотря на превосходство по численности населения, ЕС как экономический комплекс довольно значительно отстает от США по объему производства товаров и услуг.

Кроме того, важно учитывать, что для ЕС характерны фрагментарность и множество различий в построении хозяйственной жизни в странах-

---

⁸⁶ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 53.

⁸⁷ Там же.

участницах этого сообщества, в то время как США представляют собой в этом отношении нацию с высокой степенью единства.

Среди главных партнеров США в мировой экономике особое место принадлежит Китаю, растущая экономическая сила которого выступает решающим фактором его положения в мире. Современный Китай, с населением 1 404 млн чел., то есть в четыре с лишним раза больше, чем в США, производит ВВП в размере 14,2 трлн долл. по данным за 2020 г.⁸⁸ Приближение Китая к США по размерам ВВП порождает суждения о скором завершении гегемонии экономики США и доллара в мировом хозяйстве и приходе новых условий развития. В США это вызывает тревогу, хотя вопрос, насколько принятые оценки соответствуют реальному соотношению экономических позиций США и Китая, вызывает оговорки, особенно в отношении больших различий, присущих этим двум странам.

Сравнение США с главными конкурентами в мировой экономике сталкивается с недостатком выразительных статистических показателей, способных дать достаточно адекватное представление по этому вопросу. Очевидно, что прямые пересчеты по текущему валютному курсу влекут существенные искажения из-за различий между странами по структуре экономики, уровням развития, наполнению валют товарами и услугами разного назначения и качества и других причин.

Считается, что преодолеть этот недостаток до какой-то степени позволяет сравнение показателей, рассчитанных на основе паритета покупательной способности – ППС. Действительно, развитие этого метода открыло возможности его широкого применения для сравнения экономических параметров разных стран в наше время.

Вместе с тем следует помнить, что при всех достигнутых возможностях расчетов показатель ППС позволяет получить только приблизительную картину параметров разных стран. Для начала напомним, что по сравнению с

---

⁸⁸ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 53.

оценками на базе номинальных валютных курсов, сравнение с применением ППС обычно значительно завышает ВВП стран с низкими, а также средними уровнями дохода и одновременно с этим значительно его понижает для развитых стран с высоким уровнем дохода. Конечно, такое свойство ППС важно для отмеченных категорий стран при определении их места и роли в экономике.

Необходимо постоянно помнить, что расчеты ППС основаны на принципе единой цены для взятого с целью сравнения товара. Это хорошо иллюстрирует пример «Биг Мака», произведенного по единому рецепту во всех странах. Важно обратить внимание также на разнотечение в понятиях цены и ценности в разных языках. По-русски принято говорить о цене, между тем как в английском или немецком языке имеется в виду ценность.

Поэтому, когда в английском контексте идет речь о том, что данный товар обладает одной и той же ценностью в разных странах, а различия в его национальных ценах связаны с обращением разных валют, это выражает суть ППС достаточно ясно. Речь идет о различиях в оценке одной и той же величины в разных системах мер.

Если строго следовать этому принципу, то показатели стран, взятых для сравнения, будут попросту выражать свою долю в показателе страны-эталона. Скажем, ВВП США в 2020 г. по ППС составлял 20,9 трлн долл., а показатель Бразилии – 3,2 трлн долл., Китая – 24,3 трлн долл.⁸⁹

Это означает, что экономика Бразилии при условии идентичности США производит 15% от американского ВВП. На этом фоне по-иному смотрится первенство Китая. Оказывается, что, при условии идентичности товаров и услуг с Америкой, Китай может произвести силами населения в 1,4 млрд чел. только на 16% больше товаров и услуг, чем США с населением в 330 млн чел. Ясно, что для производства ВВП, не только такого же большого, но и

---

⁸⁹ Валовый внутренний продукт США 1970–2020 / Макроэкономические исследования, 2021 // URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/us.html>

идентичного американскому, Китаю предстоит пройти еще большой путь развития, прежде чем он достаточно приблизится к уровню развития США.

Учет количества населения при сравнении размеров экономики и уровней развития стран включен в такой важный показатель, как ВВП на душу населения. Примечательно, что здесь США не первые: их опережают несколько богатых стран Европы и нефтеэкспортеры с небольшим населением. Это Швейцария, Люксембург, Ирландия, а также Норвегия, Катар, Исландия и Сингапур. По номинальному курсу ВВП на душу населения США занимают восьмое место, а по ППС – располагаются на одиннадцатом⁹⁰.

Однако по влиянию на мировое развитие США являются одним из лидеров мировой экономики. Такие рычаги влияния, как огромный высокоорганизованный рынок, крупнейший в мире комплекс передовых технологий, науки и инноваций, крупнейший мировой финансовый центр, обладатель главной мировой валюты, – образуют превосходство США как первого среди мировых экономических центров силы в предстоящие несколько десятилетий. Отмеченные параметры этого превосходства указывают на то, что таким партнерам США, как ЕС и Китай, недостаточно наращивать ВВП, чтобы сравняться с этой страной по ее значению в мировой экономике.

Непременным условием сохранения и укрепления экономического лидерства США в мировой экономике является возвращение экономической политики страны на путь глобализации, причем в качестве лидера этого процесса. На рубеже веков ведущая роль США в процессах глобализации считалась естественным положением дел, соответствующим положению США в мировом хозяйстве⁹¹.

---

⁹⁰ Валовый внутренний продукт США 1970–2020 / Макроэкономические исследования, 2021 // URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/us.html>

⁹¹ American Leadership in the Emerging Global Economy. /In: Economic Report of the President. 1997. Chapter 7. P.235-280. // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/presidential-documents-archive-guidebook/the-economic-report-the-president-truman-1947> - Trump 2018.

Однако финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавшая за ним долгая полоса фактического застоя в экономике США нанесли сильный удар по глобализации как вектору развития мировой экономики. Они обострили отношение к негативным аспектам глобализации, в частности в виде потери рабочих мест в результате международной конкуренции и вывода производства за границу, в страны с дешевой рабочей силой. В обществе стало формироваться представление о глобализации как ошибочном направлении развития, выгодном только финансовым спекулянтам и подрывающем основы могущества экономики США и ее лидерства в мировом хозяйстве. Кризис глобализации представлялся как кризис либерализма, развязывающего силы рыночной стихии и ведущего к усилению имущественного неравенства.

В структурах власти, деловых кругах и общественном мнении США на протяжении первых полутора десятилетий XXI в. развернулось мнение о кризисе глобализации как образе развития страны и формирования будущего устройства экономики и движения социальных процессов.

Причинами кризиса глобализации стали процессы структурной перестройки экономики, вызванные научно-техническим прогрессом и продвижением международного разделения труда. Характерной чертой формирующейся экономической ситуации стало непонимание контингентом аналитиков и властями США сути происходящих процессов, их причин и последствий. Одной из главных причин критического отношения к глобализации служила широко распространенная ошибочная трактовка ряда связанных с ней процессов.

В результате на несколько лет, выпавших на президентство Трампа, в экономической политике США возобладал курс на изоляционизм, на использование тарифных ограничений, на пересмотр сложившихся соглашений и союзов в экономическом сотрудничестве в сторону обеспечения более благоприятных условий для США.

Таким образом особое значение имеют показатели, характеризующие вовлеченность экономики США в мировое хозяйство, в частности по линии внешней торговли и платежных отношений. С одной стороны, США отличаются сравнительно невысокими показателями доли экспорта и импорта в ВВП, они демонстрируют большие системные дефициты торгового и платежного баланса, а с другой – реально выступают лидерами мировой экономики и движущей силой развития научно-технического потенциала.

Традиционно для характеристики роли и влияния США в процессах глобализации применяются такие показатели, как доля внешней торговли в ВВП. Несмотря на то, что доля экспорта и импорта в ВВП страны относительно невелика по сравнению, например, со странами ЕС, этот показатель отражает большое влияние США на процессы в мировой экономике и торговле. В качестве объяснения отмечается, что вес каждого процента в показателях США гораздо больше, чем в других странах. Действительно, показатели предпандемийного 2019 г. свидетельствуют, что экспорт товаров США в размере 1637 млрд долл. составлял 7% ВВП, а импорт в размере 2525 млрд долл. – 10% ВВП. Если же считать внешнюю торговлю и товарами, и услугами, то в 2019 г. экспорт величиной 2514 млрд долл. образует 10% ВВП, а импорт в 3125 млрд долл. – 12,3% ВВП⁹².

Данная модель оценки роли внешнеэкономической сферы в экономике страны сложилась и получила распространение в 1960–1970 гг., когда обозначился опережающий рост мировой торговли по сравнению с ВВП всех уровней, когда набирал силу интеграционный процесс в Европе. Высокие показатели стран ЕС хорошо иллюстрировали состояние интеграции, при том, что по структуре ВВП эти страны были довольно близки. В результате сравнение внешней торговли с ВВП стало привычным при характеристике участия страны в мировых интеграционных процессах.

---

⁹² Валовый внутренний продукт США 1970–2020 / Макроэкономические исследования, 2021 // URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/us.html>

Однако в случае США сравнение с ВВП вносит сильные искажения, поскольку в США в составе этого показателя преобладающую часть в размере 78% занимают в наше время услуги, при том, что на долю сельского хозяйства приходится лишь 1%, промышленности – 21%⁹³.

Следует отдать должное усилиям отечественных ученых, включающих фактор услуг в расчеты показателя внешнеэкономической деятельности страны. При сопоставлении экспорта и импорта товаров и услуг США с величиной ВВП страны получаются более высокие показатели, нежели только для доли торговли товарами в ВВП⁹⁴. Но избежать искажения здесь все-таки не удается, поскольку международная торговля США услугами разительно отличается по содержанию от сектора услуг в составе ВВП, так как в ней присутствуют важные особенности. Кроме традиционных привязанных к внешней торговле транспорта и страхования в составе торговли услугами США важное место занимают услуги, относящиеся к научно-техническому прогрессу: лицензии, ноу-хау и другие элементы интеллектуальной собственности. Международная торговля этими услугами образует обособленный блок операций в платежном балансе, часто называемый технологическим балансом. Он традиционно имеет в США позитивное сальдо, отражая превосходство страны в мировой экономике по предметам интеллектуальной собственности. Регулирование этих операций входит в компетенцию соглашений ТРИПС в рамках ВТО. Что касается комплекса ВВП, то в его составе в США преобладают услуги, ориентированные на внутреннее хозяйство страны. Это торговля, транспорт, финансы, образование, здравоохранение и медицина, наука, госуправление, деловые услуги и т.д.

Между тем существует наглядный способ оценки влияния экономики США на процессы глобализации: подсчет отношения экспорта и импорта

---

⁹³ Валовый внутренний продукт США 1970–2020 / Макроэкономические исследования, 2021 // URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/us.html>

⁹⁴ Перспективы экономической глобализации. Под ред. А.С. Булатова. – М.: Кнорус. 2020. С. 447.

товаров к величине показателя материального производства в составе ВВП. Такое сравнение вполне корректно, поскольку речь идет об одинаковых по содержанию величинах, только о товарах, так как именно сектор материального производства производит товары для экспорта и конкурирует с импортом. Приведенные с некоторыми округлениями показатели структуры ВВП США позволяют рассчитать величину материального производства в 2019 г. По нашим прогнозам, она составит около 4,7 трлн долл.

Теперь, рассчитав долю экспорта товаров в материальном производстве (35%), можно оценить, что степень вовлечения США в мировое хозяйство оказывается гораздо выше, чем при сравнении с ВВП. При таком расчете интересно отметить, что более трети продукции, произведенной в США, направляется на экспорт, и это придает более весомое звучание тезису о глобальном лидерстве США. Примечательно, что по отдельным отраслям, в частности в производстве электроники, этот показатель еще выше.

Не менее значительным окажется показатель роли импорта. Авторские расчеты показывают, что он равен 53,8%. Большая величина этого показателя указывает не только на высокую степень вовлеченности США в мировые интеграционные процессы, но и на высокую степень конкуренции отраслей материального производства США с бизнесом в этой отрасли стран-партнеров. Проблема вытеснения импортом рабочих мест и капитала в экономике США приобретает наглядный характер.

При рассмотрении оценок положения США в мировой экономике определяющая роль принадлежит показателям дефицитов торгового и платежного балансов. Они давно носят хронический характер, и их уменьшение или устранение обычно входит в повестку экономической политики американских президентов. Усиление внимания к отмеченным дефицитам в два последних десятилетия объясняется не только тем, что они достигают огромных по обычным меркам величин, но и тем, что они служат наглядным проявлением масштабов вытеснения ресурсов труда и капитала из экономики США в результате международной конкуренции.

Реальное значение дефицитов торгового и платежного баланса США состоит в том, что они отражают роль США в современном международном разделении труда в качестве локомотива роста и развития мировой экономики. Выступая самым крупным мировым рынком сбыта, США открывают странам-партнерам возможности модернизации их экономики и ее продвижения к прогрессу путем целенаправленной работы на этот рынок.

Оборотной стороной этой расстановки сил является превращение успешных поставщиков товаров на американский рынок в экспортёров капитала, который в поисках надежного и выгодного приложения в первую очередь направляется в США, компенсируя отмеченные дефициты. Нетрудно увидеть из данных статистики, приведенных ранее, что главными партнёрами в этом построении современного вектора развития мировой экономики выступают Китай, ЕС, Канада, Мексика и Япония.

Анализ индикаторов вовлеченности США в процессы глобализации показал, что США при разработке экономической политики в третьем десятилетии XXI в. нуждаются в критическом подходе к существующим оценкам положения страны в мировой экономике и их осторожном применении, избегая сложившихся стереотипов. Показатель ВВП, характеризующий размеры экономики страны и констатирующий ее лидерство в мировом хозяйстве, должен дополняться удельными и качественными показателями, отражающими различия сравниваемых объектов. Показатели вовлеченности США в процессы глобализации должны, кроме сравнений по товарному производству, дополняться сопоставлениями по линии однородных услуг и т.п. Правильное понимание проблем торговых и платежных дефицитов требует искать их конструктивное решение на путях международного экономического сотрудничества.

Не менее важным для понимания путей и возможностей экономического развития США является преодоление стереотипных представлений об изъянах глобализации. Во многих публикациях принято отмечать, что важным источником благополучия США являются доходы от внешней экспансии,

включающей международную торговлю товарами и услугами, иностранные инвестиции, ТНК, мировые финансовые рынки и т.п. Это действительно так, но экономика США служит для своих мировых партнеров еще более важным источником доходов, нежели эти партнеры служат для нее. Это положение заслуживает более подробного рассмотрения, которое будет представлено в последующих главах. Здесь ограничимся указанием на то, что по соотношению стоимости активов, принадлежащих резидентам США за пределами страны, и активов, принадлежащих нерезидентам в США, нерезиденты далеко опережают американцев. В 2019 г. американцам принадлежали активы за границей на сумму 29,1 трлн долл., а иностранцам в США – на сумму 40,3 трлн долл.; в конце I квартала 2021 г. соответствующие показатели составляли 32,8 и 47,1 трлн долл.⁹⁵

Рассматривая показатели США в процессах глобализации, нельзя не остановиться на роли доллара в качестве мировой валюты. К началу третьего десятилетия XXI в. в международной валютной системе сложился клуб мировых валют в составе доллара США, евро, китайского юаня, английского фунта стерлингов, японской иены. Эти валюты образуют корзину специальных прав заимствования (СДР), и их участие в расчете этого инструмента служит признанием участия в клубе избранных. Распределение ролей в этой команде происходит в условиях конкуренции, где доллару США принадлежит главная роль, которая подвергается испытаниям в ходе изменения позиций участников группы в мировой экономике.

Сильное изменение значения доллара как мировой валюты произошло в начале XXI в. – после введения евро, следующий сдвиг происходит в начале третьего десятилетия – в результате усиления экономической роли Китая и продвижения юаня по пути превращения в мировую валюту. Вместе с тем взаимодействие доллара и евро в течение двух десятилетий показало, насколько сложно происходит освоение роли мировой валюты даже денежной

---

⁹⁵ U.S. International Investment Position. First Quarter 2021. <https://www.bea.gov/news/2021/us-international-investment-position-first-quarter-2021-year-2020-and-annual-update>

единице, опирающейся на большой потенциал ЕС. Это должно служить аргументом для оценки будущих позиций китайского юаня.

На исходе второго десятилетия XXI века доллар США опережает ближайших соперников и остается главной мировой валютой. Характерно выглядит распределение позиций основных валют в расчетах по мировой торговле: доля доллара превышает 42%, евро – 36%, на английский фунт и японскую иену приходится по 4%, на швейцарский франк – почти 2%; доля китайского юаня уже превышает 1% и растет динамично⁹⁶.

Самая сильная позиция доллара сохраняется в роли резервной валюты. Здесь его доля устойчиво превышает 60% и держится прочно⁹⁷. Это обусловлено тем, что в качестве международных резервов страны используют инвестиции в казначейские облигации США, которые считаются самыми надежными в мире, и равных им в этом отношении финансовых инструментов нет.

Существует также целый ряд показателей, демонстрирующих высокую долю доллара США в операциях с различными инструментами на финансовом рынке, где она составляет нередко более 50% оборота.

Наконец, роль доллара исключительно велика на валютном рынке. По данным Базельского банка международных расчетов, при обменных операциях более 80% их объема совершается с участием доллара, и только порядка 12–15% таких операций совершается с участием евро⁹⁸.

Отмеченные показатели участия США в глобализационных процессах обозначают те направления, по которым власти США выстраивают приоритеты своей экономической политики.

---

⁹⁶ Доля доллара, евро и рубля в международных расчетах. 17 апреля 2020. <https://kubdeneg.ru/dolya-dollaraya-euro-rublya-v-mejdunarodnyx-raschetax/>

⁹⁷ Доля доллара, евро и рубля в международных расчетах. 17 апреля 2020. <https://kubdeneg.ru/dolya-dollaraya-euro-rublya-v-mejdunarodnyx-raschetax/>

⁹⁸ Там же.

1.3. Характерные черты и особенности американской экономической модели

В настоящее время экономический потенциал определяет положение государства в мире и обеспечивает благосостояние его населения. К концу XX в. хозяйственная состоятельность превратилась из вспомогательного инструмента, подпитывающего геополитические противостояния, в решающий фактор успеха страны на международной арене. Сегодня комплекс производственных, финансовых и социальных факторов позволяет чисто экономическими методами обеспечить то, чего раньше добивались войнами: получение необходимых ресурсов, товаров и услуг, перераспределение глобального богатства, выстраивание благоприятных технологических и интеллектуальных цепочек.

Соединенные Штаты Америки – наиболее яркий в мире пример построения экономики, которая стала основой мирового лидерства страны не только в хозяйственной, но и в политической и социально-культурной сфере.

В широком смысле ее можно назвать моделью либерального рыночного общества, которая сформировала современную систему мирового хозяйства. Однако наряду с общими чертами, присущими рыночной экономике, социально-экономическое развитие США характеризуется чертами, формирующими специфику ее рыночной модели.

В узком смысле под такой спецификой обычно подразумевают степень участия государства в экономике. В таком случае скандинавская модель рассматривается как полярная американской, а германской – как промежуточная между ними. Уместнее, однако, рассматривать в этом контексте широкий комплекс факторов, включая в него исторические и культурные особенности, трудовую этику, место и роль предпринимательства в хозяйственных процессах. Наиболее цельным представляется определение экономической модели, сформулированное В.Б. Супяном как «совокупность ее системообразующих элементов, имеющих устойчивый характер и

определяющих хозяйственный механизм страны, а также уровень ее экономического и научно-технического развития»⁹⁹.

Можно выделить четыре основных блока таких элементов:

- особенности экономического механизма (роль государства, объем бюджета, законодательство и административное регулирование, характер собственности, уровень конкуренции, финансовый механизм);
- социально-исторические факторы (исторические традиции и ценности, трудовая этика, общественные настроения, развитие демократии и гражданского общества);
- уровень экономического развития (структура экономики, показатели ВВП, производства и экономического роста, финансовая устойчивость, уровень и качество жизни населения);
- технологический уклад производства (научно-технический прогресс, развитие образования и науки, масштабы инноваций, доля высокотехнологичного сектора в экономике).

Главной отличительной особенностью американской экономической модели можно считать ее высококонкурентный хозяйственный механизм, в основе которого лежит высокая степень экономической свободы субъектов. Так, в Индексе экономической свободы The Heritage Foundation США занимают лидирующие позиции по степени открытости рынка, эффективности госрегулирования и степени свободы экономических агентов¹⁰⁰.

Основа такой свободы – относительно низкая степень вмешательства государства в экономическую деятельность, что выражается в его небольшом вкладе в создание ВВП (около 12%¹⁰¹) и невысокой доли государственной собственности. Реальный сектор экономики практически полностью

---

⁹⁹ Супян В. Б. Американская экономическая модель: характерные черты и эффективность в начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. – с.4.

¹⁰⁰ 2021 Index of Economic Freedom. United States Country rankings // URL: <https://www.heritage.org/index/country/unitedstates>

¹⁰¹ Percentage added to the Gross Domestic Product (GDP) of the United States of America in 2020, by industry / Statista 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/248004/percentage-added-to-the-us-gdp-by-industry/>

реализуется частным бизнесом, а государство больше участвует в сфере услуг, а также социальной и культурных сферах и наиболее значимых инфраструктурных объектах.

Государство формирует и защищает правовые основы рыночной экономики, при этом основополагающими функциями государства являются денежная эмиссия и денежно-кредитное регулирование, налогово-бюджетная политика, производство общественных благ, оборона страны и правоохранительная деятельность.

Несмотря на нежелание напрямую вмешиваться в деятельность рыночных механизмов, правительство США активно определяет и поддерживает национальные приоритеты экономического развития, тем самым направляя экономику в необходимое русло посредством комплексной системы исполнительных и законодательных мер.

Что касается доли ВВП, перераспределяемой через федеральный бюджет, то традиционно она была существенно ниже, чем в большинстве развитых стран. Однако на фоне активных государственных мер поддержки в ходе мирового экономического кризиса и пандемии коронавируса отношение государственных расходов к ВВП к 2020 году выросло до рекордных 46% (см. рис. 1.14). Беспрецедентные за всю историю США бюджетные вливания в экономику и прямые меры поддержки населения и бизнеса свидетельствуют о сохранении и даже возрастании роли государства в условиях нестабильной и трудно прогнозируемой социально-экономической конъюнктуры.

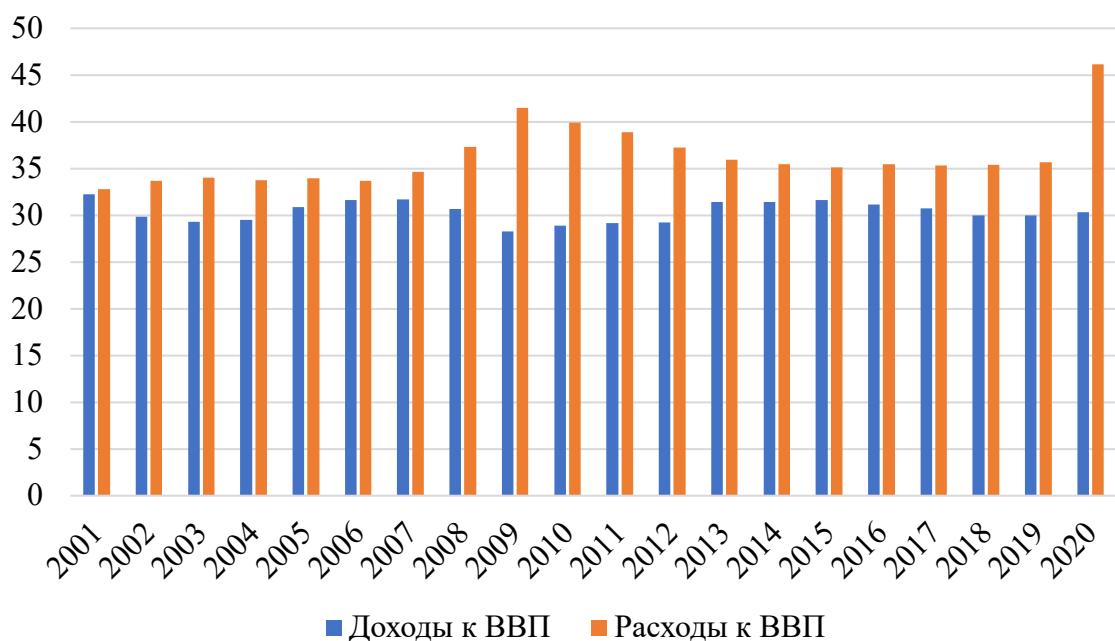

Рисунок 1.14 Динамика отношения доходов и расходов федерального бюджета к ВВП в США, 2001–2020 гг., в %.

Источник: *World Economic Outlook Database April 2021 / International Monetary Fund // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/world-economic-outlook-databases/>*

В более широком смысле основной задачей американского государства можно считать исполнение общественно важных функций в критических сферах, требующих государственной поддержки для поддержания поступательного инновационного развития.

Существуют различные взгляды на роль и место государства в экономике США. Определенные различия существуют в представлениях Демократической и Республиканской партий об оптимальной степени хозяйственного госрегулирования. В то же время в американской истории последнего столетия можно выделить определенные этапы преобладания тех или иных подходов к данному вопросу вне зависимости от политической конъюнктуры.

Со времен Великой депрессии и до начала 1970-х гг. США и другие западные общества в невиданных прежде масштабах допускали вмешательство государства в экономические процессы. «Новый курс»

президента Ф. Рузвельта в 1930-х гг. был реализован под влиянием кейнсианской теории, которая предполагала активную поддержку совокупного спроса со стороны правительства в период кризисов путем изменения процентных ставок и вливания государственных инвестиций. Так, в 1943 г. дефицит федерального бюджета США достиг исторического максимума в 26,9% ВВП¹⁰².

Послевоенный «План Маршалла», программа высадки человека на Луну и жесткая координация валютной политики развитых стран в рамках Бреттон-Вудской системы являлись примерами значительного государственного влияния на рыночную экономику США. Вместе с тем, уже к концу 1960-х гг. чрезмерное перераспределение ВВП через федеральный бюджет стало негативно сказываться на экономическом росте, а необходимость избыточных трат на гонку вооружений, космическую программу и войну во Вьетнаме привели к обесцениванию доллара по отношению к золоту и постепенной деструкции послевоенных финансовых механизмов.

Отказ от золотого стандарта вкупе с усугублением торговых дисбалансов и «нефтяными шоками» проявился в росте дефицита госбюджета, инфляции и девальвации доллара во второй половине 1970-х и начале 1980-х годов, что запустило процесс пересмотра роли государства в хозяйственных процессах. В качестве альтернативы прежним рецептам распространение получили идеи экономистов Чикагской школы М. Фридмана и Дж. Стиглера, предполагавшие снижение налогов и ограничение расходов правительства, а также использование более гибких форм регулирования экономики на основе изменения денежного предложения. По сути, произошла смена парадигмы государства как экономического агента на основе неолиберальных подходов, которые продолжили доминировать в американской экономической политике до середины 2000-х гг.

---

¹⁰² Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок. // Альпина Паблишер, 2021. – С. 16.

Мировой финансово-экономический кризис 2008 г. стал катализатором пересмотра традиционных взглядов на госрегулирование циклов деловой активности и характеризовался применением беспрецедентных по масштабу стимулирующих мер в области денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики. К ним можно отнести предоставление коммерческим банкам практически бесплатного (путем нулевых процентных ставок) доступа к ликвидности и его сохранение на протяжении многих лет, программы «количественного смягчения» или выкупа государством активов с рынка для увеличения денежного предложения, а также поддержку спроса за счет бюджетного финансирования социальных расходов при одновременном снижении налогов.

Несмотря на то, что такие методы вызвали увеличение государственного долга и усугубление макроэкономических дисбалансов, они были признаны успешными для целей восстановления экономики и взяты на вооружение в дальнейшем как демократами, так и республиканцами.

Как будет подробнее рассмотрено позже, инструменты государственной политики сыграли решающую роль не только в быстром выходе США из кризиса 2008 г., но и в преодолении последствий пандемии COVID-19. Таким образом, государство как компонент экономической модели уже неоднократно продемонстрировало свою гибкость и эффективность.

Другим важнейшим элементом хозяйственной системы США является предпринимательство. Для США характерны взаимное уважение и учет интересов хозяйствующих субъектов, а также склонность значительной части населения к предпринимательской деятельности.

Соединенные Штаты обладают одной из наиболее развитых инфраструктур для ведения бизнеса, куда входит система банков и бирж, страховые, аудиторские, консультационные и юридические компании, а также либеральное хозяйственное законодательство. Это подтверждается высокой позицией страны в рейтинге легкости ведения бизнеса Всемирного банка (6-е место в 2020 г.). В частности, для предпринимателей в США довольно легко

получить кредитное финансирование (4-е место в мире) и разрешить ситуацию с неуплатой или банкротством (2-е место)¹⁰³.

Особое место в структуре американского бизнеса занимают малые и средние предприятия. На них занято почти 50% населения страны, и создается 44% ее ВВП¹⁰⁴. Около 30,7 млн компаний, по американской классификации считающиеся малыми (до 500 сотрудников), создают 1,5 млн рабочих мест ежегодно (64% от общего числа)¹⁰⁵. Кроме того, небольшие венчурные предприятия и стартапы, зачастую возникающие вокруг университетов или высокотехнологичных кластеров, являются эпицентром инноваций и двигателем научно-технического прогресса США. Символично, что пять крупнейших по капитализации американских компаний: Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet и Facebook – в свое время появились именно как стартапы, созданные небольшими командами энтузиастов.

При этом доминирующую роль в экономике США играют корпорации, на которые приходится более 80% продаж на американском рынке¹⁰⁶. Акционерный капитал весьма эффективно оценивается и перераспределяется на фондовом рынке, общая капитализация которого к концу 2020 г. достигла почти 47 трлн долл., или рекордных 194% от ВВП страны¹⁰⁷. За последние десятилетия фондовый рынок превратился из места привлечения капитала для организации производства в по-настоящему общенациональный инвестиционный инструмент. Сегодня в акции вложены средства более 50% американских домохозяйств¹⁰⁸, а также разнообразных институциональных инвесторов, в том числе паевых, пенсионных и страховых фондов, университетских эндаументов.

---

¹⁰³ Doing Business Report 2020 / World Bank Group // URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>

¹⁰⁴ Small Business GDP 1998-2014. K.Kobe, R.Schwinn / U.S. Small Business Administration, December 2018 // URL: <https://cdn.advocacy.sba.gov/>

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Total Market Value of U.S. Stock Market / Siblis Research Ltd // URL: <https://siblisresearch.com/data/us-stock-market-value/>

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Schrager, Allison. Americans own more stock than ever—how will it change the economy? / Quartz, 5 September 2019 // <https://qz.com/1700958/more-americans-own-stock-than-ever/>

Одной из отличительных особенностей экономического механизма США является сильно развитый сектор частной экономики, включающий разнообразные формы частной собственности и активную поддержку государством предпринимательской деятельности.

Эффективность американской модели связана также с инвестициями в человеческий капитал и инновационное развитие. США обладают высоким кадровым потенциалом. Численность экономически активного населения страны составляет 146 млн чел. (3-е место в мире), при этом число безработных – лишь 8,7 млн чел., или 5,4%¹⁰⁹. Такой показатель является одним из лучших и наиболее устойчивых для развитых стран.

На рисунке 1.15 показано, что на протяжении послевоенной истории доля безработных в зависимости от фаз экономических циклов колебалась в пределах 4–8%, превысив этот «коридор» лишь в ходе длительной рецессии во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., а также в результате финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Рисунок 1.15. Динамика уровня безработицы в США в 1946–2021 гг., в %

Источник: U.S. Bureau of Labour Statistics // URL: <https://www.bls.gov/charts/employment-situation/civilian-unemployment-rate.htm>

¹⁰⁹ United States – The World Factbook / US Central Intelligence Agency // URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/united-states/#economy>

После этого в США наблюдался долгосрочный десятилетний тренд на снижение безработицы до рекордного за 20 лет минимума в 3,5%, достигнутого осенью 2019 г. Лишь «локдаун», вызванный пандемией коронавируса, прервал эту тенденцию, в результате чего безработица в США подскочила до небывалого уровня в 14,7% в апреле 2020 г. Однако последующие месяцы в очередной раз продемонстрировали гибкость американского рынка труда, успешно пережившего автоматизацию производственных процессов и массовый переход в онлайн-формат, что вылилось в снижение уровня безработицы практически до предкризисных показателей.

Уровень образования американской рабочей силы высокий: более 93% всего взрослого населения США имеет законченное среднее образование, а 42% – высшее образование¹¹⁰. Среднее число лет обучения трудоспособного населения составляет 13,4 года (2-е место в мире после Германии)¹¹¹. Роль системы профессионального образования в реализации научно-технического потенциала и обеспечении глобального лидерства страны подробнее рассмотрена в главе 4.

Отраслевая структура занятости в США является характерной для развитого постиндустриального общества: более 78,7% экономически активного населения заняты в сфере услуг, менее 20% – в промышленности, и лишь около 1,3% – в сельском хозяйстве¹¹². При этом внутри этих сфер продолжается сдвиг в пользу наукоемких отраслей, а секторами с наибольшей занятостью являются образование и здравоохранение (около 34,2 млн чел.)¹¹³.

Такие показатели отражают как принципиально новое значение сферы услуг в развитии страны, так и в целом очень высокий уровень

---

¹¹⁰ Bryant, J. How Many Americans Have a College Degree? / Best Colleges, 1 July, 2021 // URL: <https://www.bestcolleges.com/news/analysis/2021/07/01/how-many-americans-have-college-degrees/>

¹¹¹ 2020 Human Development Report / United Nations Development Program // URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>

¹¹² Distribution of the workforce across economic sectors in the United States from 2009 to 2019 / Statista 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/>

¹¹³ Total employed persons in the United States in 2020, by industry / Statista 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/>

производительности труда. По производству ВВП на одного занятого США занимают 5-е место в мире (127 тыс. долл.), уступая лишь некоторым небольшим экономикам: Люксембургу, Ирландии, Сингапуру и Брунею. Американская производительность труда превышает аналогичный показатель Японии – в 1,6 раза, России – в 2,2 раза, Китая – в 4 раза, Индии – в 6,3 раза¹¹⁴.

Следует отметить, что США являются не просто типичной постиндустриальной страной, а государством-пионером и мировым лидером в происходящем экономическом сдвиге, который наиболее ярко отражается именно в структуре занятости рабочей силы.

Труд, традиционно считавшийся одним из факторов производства наряду с землей и капиталом, в «новой экономике» становится носителем уникальных знаний и самостоятельным производителем. Такое изменение в оценке вклада труда в создание продукта предопределяет переход от массового производства к индивидуализированному, что выражается в максимальном разнообразии потребления и сегментирования рынков.

В условиях новых потребностей рынка ускоряется развитие новых форм занятости, таких как индивидуальная занятость. Так, если в 1973 г. в США было 6,4 млн предприятий с одним работником, то в 2018 г. их число достигло 26,5 млн, а объем выручки – 1,3 трлн долл.¹¹⁵ Развитие таких компаний обеспечило около четверти общего роста производительности в американской экономике за последние 40 лет¹¹⁶. Деятельность значительного числа врачей, адвокатов, программистов и представителей других профессий, требующих высокой квалификации, стала индивидуальной.

Сама занятость становится крайне гибкой. В 2018–2019 гг. более 1% рабочих мест в США исчезало каждый месяц, но еще большее их число создавалось в других отраслях¹¹⁷.

---

¹¹⁴ ILO modelled estimates / ILOSTAT, Nov. 2020 // URL:<https://ilo.org/data/>

¹¹⁵ CBP and NES Combined Report / Census Bureau // URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/cbp/technical-documentation/reference/combined-report-reference.html>

¹¹⁶ Иномецев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок. // Альпина Паблишер, 2021. – С. 105.

¹¹⁷ Там же, с.122.

При этом развитие «экономики знаний» приводит к невиданной концентрации интеллектуального потенциала, которая позволяет обладателям уникальной информации общаться между собой и создавать инновации. Наиболее яркий пример подобного очага научноемкого производства – американская Кремниевая долина, включающая более 2000 компаний и 835 тыс. специалистов, создающих прорывные технологии¹¹⁸.

Большую роль в обеспечении высокой производительности и качества рабочей силы играет особая американская трудовая этика, связанная с религиозным аспектом, распространенной протестантской доктриной. Однако следует отметить негативную тенденцию, наблюдающуюся под воздействием миграции и оказывающую существенное влияние на трудовую мораль и качество рабочей силы в целом. Если сейчас доля белого населения в США составляет 61%, то по прогнозам к 2060 г. она сократится до 44%¹¹⁹, что может оказать влияние не только на социально-культурную среду, но и на уровень экономического развития страны.

Высокий человеческий потенциал тесно связан с научно-техническом прогрессом, который является основным фактором построения развитого постиндустриального общества. Наука обеспечивает получение знаний для создания качественно новых технологий, обеспечивающих государствам конкурентные преимущества на мировом рынке. Значение науки и технологий для экономического лидерства США настолько велико, что его анализ выделен в отдельную главу данной работы.

В совокупности все упомянутые факторы создают весьма гибкую и действенную модель, которая определяет возможности для долгосрочного экономического роста страны и преодоления циклических и иных кризисов.

---

¹¹⁸ Там же, с.114.

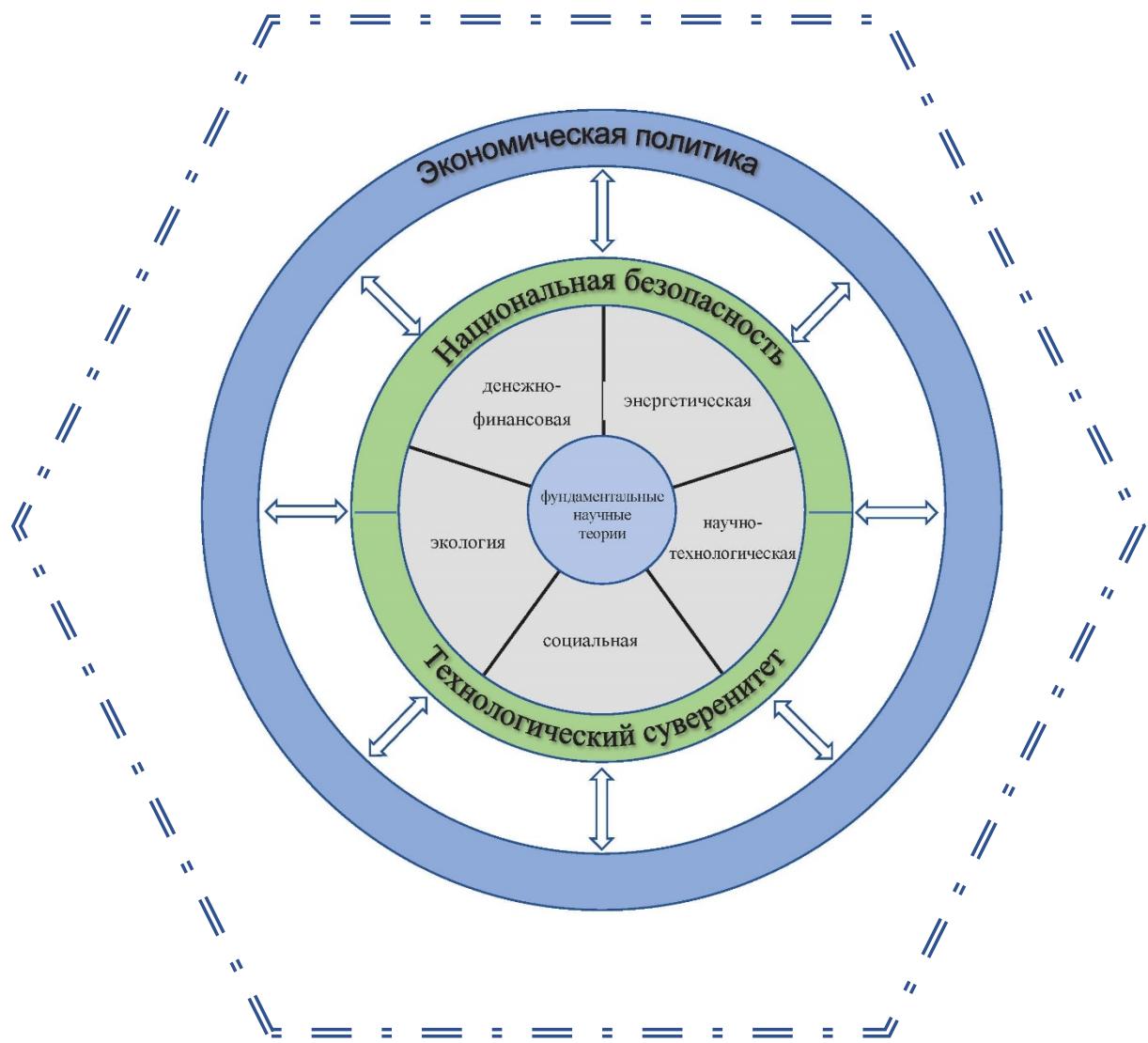
¹¹⁹ Супян В. Б. Американская экономическая модель: характерные черты и эффективность в начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. – С. 14.

Безусловно, американский хозяйственный механизм не лишен многих структурных проблем и сталкивается с рядом долгосрочных вызовов, характерных именно для экономики Соединенных Штатов.

Многие эксперты ставят на первое место в этом списке проблему финансовой устойчивости и национального долга, однако она относится скорее к разряду органичных особенностей и даже преимуществ американской модели и будет подробно рассмотрена в главе, посвященной финансовой системе США.

Более остро перед американским обществом стоят различные социальные проблемы, связанные с бедностью, неравенством, этническими конфликтами, доступностью услуг образования и здравоохранения.

Фаза гипоглобализации неизбежно приведет к формированию многополярного мира, однако главными остаются вопросы о роли в этом процессе нынешнего лидера и о том, насколько ему удастся сохранить в принципе роль одного из лидеров нового мирового порядка. Ответ кроется в анализе экономической модели США, которая позволила им стать глобальным лидером. Отличительной особенностью этой модели, является то, что в основе ее лежит совокупность устойчивых системообразующих элементов, определяющих уровень социально-экономического развития и степень экономической свободы субъектов, а направлениями стратегии экономической политики США, которые в наибольшей степени влияют на международную конкурентоспособность и роль США как глобального лидера в мировой экономике являются нормативно-правовое регулирование, финансовая, энергетическая, научно-техническая и социальная политики. Схематично американская модель экономики представлена на рис. 1.16.

Условные обозначения

- 1-й контур – сферы экономического развития
- 2-й контур – деятельность по обеспечению национальной безопасности и технологического суверенитета
- 3-й контур – экономическая политика
- ↔ внутренние и внешние эффекты
- = внешняя среда

Рисунок 1.16. Концептуальная модель американской экономики.

Источник: составлено автором.

Ядром концептуальной модели являются фундаментальные научные теории, определяющие основные направления экономического развития (1-й контур модели): денежно-финансовая, энергетическая, научно-технологическая (включая военную) и социальная сферы, экология.

2-й контур включает деятельность по обеспечению национальной безопасности и технологического суверенитета (в том числе информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность), реализуемую за счет 1-го контура.

3-й контур модели представляет собой набор практических инструментов государственного воздействия на экономику, который находится под воздействием экзогенных и эндогенных факторов и направлены на их корректировку. Указанный полипараметрический инструментарий американской экономической политики распределен по основным направлениям влияния факторов и приводит к изменению поведения акторов и институтов.

Именно сочетание всех элементов модели, базирующихся на мощном теоретическом фундаменте, позволило США в фазе гиперглобализации стать единственным мировым лидером, а в фазе гипоглобализации подтвердить эффективность своей экономической модели в условиях мирового финансового кризиса 2008 года и последствий пандемии коронавируса в 2020–2021 гг.

Указанная модель, как было отмечено ранее, достаточно длительное время позволяла сохранять и поддерживать статус лидера. Однако в первой трети XXI в., в фазе гипоглобализации, в условиях обостряющейся мировой геополитической и экономической конкуренции американская модель лидерства начала давать некоторые сбои под влиянием прежде всего внутренних факторов.

Среди внутренних факторов особое место занимает бедность. В настоящее время, по данным Бюро переписи населения США, число людей, находящихся за чертой бедности в стране, составляет около 37 млн чел., или

11,4% от общего населения¹²⁰. При этом наблюдается отчетливый этнический оттенок бедности: по данным Urban Institute, доля людей, имеющих доходы меньше прожиточного минимума, в два раза выше среди афроамериканцев (18,1%) и испаноязычных (21,9%) меньшинств, чем среди белого населения (9,6%)¹²¹. Наблюдается тенденция ухудшения показателей социальной дифференциации: так, доля американцев, относящихся к среднему классу, упала с 61% в 1970 г. до 50% в 2023 г., а доля среднего класса в общих доходах страны – с 62% до 43%¹²². Все это приводит к социальной напряженности, которая в некоторых штатах зачастую переходит в фазу городских войн представителей национальных меньшинств с правоохранительными органами.

Тесно связанной с бедностью и неравенством является проблема иммиграции. Созданные как страна мигрантов, США тем не менее сталкиваются с новыми вызовами в этой сфере в XXI в. Как отмечалось ранее, происходящий масштабный сдвиг в расовой и этнической структуре населения оказывает существенное влияние на сложившиеся социально-культурные институты, в том числе доминирующий язык, религию, трудовую этику. По мнению экспертов, доля всех представителей национальных и расовых меньшинств, которая сейчас составляет 39%, к 2060 г. увеличится до 57%¹²³. При этом в США не выработан единый подход к преодолению миграционной проблемы. Так, самые строгие меры, например, инициатива Д. Трампа по строительству стены на границе с Мексикой, депортация нелегальных мигрантов, сменяются послаблениями вплоть до миграционных амнистий.

---

¹²⁰ Income and Poverty in the United States: 2020. Current Population Report / U.S. Census Bureau // URL: <https://www.census.gov/>

¹²¹ Gianarelli L., Wheaton L., Shantz K. 2021 Poverty Projections / Urban Institute, February 2021 // URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/103656/2021-poverty-projections_1.pdf

¹²² Most Americans Say There Is Too Much Economic Inequality in the U.S., but Fewer Than Half Call It a Top Priority / Pew Research Center, January 9, 2020 // URL: <https://www.pewresearch.org/>

¹²³ Суплян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 26.

Все это приводит к серьезной дестабилизации внутриполитической и экономической обстановке в стране. Одной из самых уязвимых сфер в США остается здравоохранение, отсутствие общенациональной системы государственного медицинского страхования усиливает социальную напряженность в обществе, что особенно ярко проявилось в период пандемии COVID-19.

Серьезные вызовы американской экономической модели идут со стороны образования. Высшее образование, несмотря на систему скидок и грантов, остается недоступным для многих американцев.

Другой проблемой является постепенная переориентация студентов с технических наук на социальные и гуманитарные. Среди американских учащихся вузов падает интерес к изучению дисциплин естественно-научного профиля (менее 20%). В то же время в Китае эта доля составляет свыше 60%, в Тайване – 41%, в Республике Корея – 33%¹²⁴. В перспективе это может подорвать позиции США как мирового технологического лидера.

Все эти внутренние проблемы не могут не сказываться на устойчивости экономической модели США и ее привлекательности для третьих стран, что является обязательным и необходимым условием для поддержания статуса мирового лидера.

Выводы по первой главе

В начале XXI в. США столкнулись с рядом вызовов своему мировому экономическому лидерству, важнейшим из которых стала приверженность страны концепции глобализации как способу развития. В рамках главы были определены сущность и критерии глобализации, а также выявлено влияние глобализационных процессов на экономическую политику стран. В частности, были рассмотрены в призме сравнительного анализа мир-системная теория, теории глобального капитализма, сетевые теории глобализации,

---

¹²⁴ Супян В.Б. Научно-технический потенциал – ключевой фактор развития экономики США в XXI веке // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 2. – С. 8.

пространственные теории глобализации, теории транснациональности, нормативная теория глобализации.

Под глобализацией в исследовании понимается процесс увеличения количества и интенсификации экономических взаимосвязей между экономическими институтами и акторами в разрезе пространства и времени, формирующих взаимозависимость и тем самым принуждающих институты и акторов к изменению национальной экономической политики в соответствии с новой структурой экономической взаимозависимости.

В соответствии с определением процесса глобализации в рамках 1 главы исследования было изучено воздействие данного процесса на экономическую политику: были выявлены факторы глобализации, влияющие на экономическую политику государств. Также рассмотрены фактические шаги государств по адаптации национальной экономической политики к эффектам глобализации на примере КНР и США.

Глобализация формирует и стимулирует экономическую конкуренцию между государствами, которая выражается в постоянном взаимодействии таких явлений, как лидерство, партнерство и догоняющее развитие. При этом консенсусным мнением экспертного сообщества США воспринимаются как естественный лидер мирового процесса глобализации, а сам он – как объективное явление мировой экономики первой половины XXI в. В то же время отмечаются серьезные негативные последствия и риски глобализации, такие как рост частоты и глубины кризисных явлений из-за более высокой взаимозависимости государств, усиление социального неравенства, несправедливое распределение благ и выгод от международного разделения труда.

В последнее десятилетие на фоне финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., изменений в цепочках создания стоимости и пандемии COVID-19 произошло переосмысление восприятия глобализации во всем мире. Произошел рост протекционистских настроений и сопровождающее увеличение торговых барьеров, а также снижение доли торговли и иностранных

инвестиций в ВВП. Активизировался ряд обратных глобализации процессов, таких как регионализация, локализация и возвращение производств к местам потребления. Вместе с тем с приходом администрации Дж. Байдена в США формируется понимание о целесообразности не противодействия глобализации, а ее использования для решения национальных экономических проблем и обеспечения лидерства страны в мировом хозяйстве.

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ США, В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

2.1. Кейнсианские методы обеспечения экономического роста как главного условия сохранения мирового лидерства США

После двух циклов длительного роста экономики 1982–1991 гг. и 1992–2001 гг., обусловленных модернизацией ряда отраслей и дальнейшим продвижением научно-технического прогресса, экономика США столкнулась в первые десятилетия XXI в. с целым рядом трудных испытаний. Наиболее значительными среди них стали финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., кризисные процессы в сфере глобализации и наступление пандемии коронавируса. Особенностью кризисных процессов стало то обстоятельство, что они протекали на фоне цифровой революции и появления других достижений научно-технического прогресса.

Проблемы макроэкономического характера, с которыми столкнулась экономика США уже в начале века, оказали сильное влияние на систему государственного регулирования и потребовали ее существенной корректировки, превратившейся в настоящее реформирование. В результате был надолго задан макет государственной экономической политики, одной из главных задач которой отчетливо выступало сохранение и укрепление мирового экономического лидерства. Эта линия явно просматривается в экономической политике Буша-младшего, сменившего его Обамы, а затем Трампа и Байдена. Во времена всех четырех президентов мировое лидерство США выступало и продолжает выступать приоритетной целью государственного регулирования экономики.

Одним из первых значительных испытаний системы государственного регулирования стали существенные изменения в составе движущих сил роста экономики в первом десятилетии, которые послужили одной из главных причин финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Исследования российских ученых показали, что в первые годы наступившего века значительной движущей силой роста экономики США служило жилищное строительство, которое подпитывалось весьма дешевой ипотекой. Привлекательной особенностью жилищного строительства является то обстоятельство, что оно тянет за собой целый шлейф отраслей и производств. Поскольку в США установилась традиция при переезде в новый дом не везти с собой старую мебель и другие вещи, приобретение нового дома порождает много различных покупок, в сумме образующих заметный в экономике спрос. Государственная поддержка ипотеки породила массовое стремление к приобретению собственного жилья, которое достигло максимума в середине первого десятилетия. В 2005 г. был отмечен пик этой активности: число продаж новых домов достигло 1400 тыс. владений, а число новых обращений за кредитом для покупки собственного дома превысило 11,6 млн заявок. Для сравнения уместно отметить, что под действием кризиса число обращений упало до 3,8 млн заявок в 2010 г., а число новых проданных домов немного превысило 300 тыс.¹²⁵ Характерно, что только к 2020 г. число обращений за кредитом для покупки дома несколько превысило 6 млн заявок в год.

Установление спроса на новое жилье на более низком уровне по сравнению с началом века, по-видимому, связано с рядом причин. Кроме очевидного негативного влияния кризисных процессов циклического характера сыграли роль сугубо национальные причины. С учетом особенностей стиля жизни в США следует полагать, что в начале века произошло насыщение потребности населения в жилье. Для США характерна высокая мобильность населения в молодом созидательном возрасте в связи с изменением места работы, и именно это, вероятно, служит главным ограничителем спроса. Сравнение данных указывает, что процент домовладельцев заметно зависит в США от возраста: среди американцев

---

¹²⁵ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 12–13.

моложе 35 лет собственная недвижимость есть только у 36%, однако среди людей старше 65 лет недвижимостью обладают уже 80% домохозяйств¹²⁶. Резкое сокращение спроса на новое жилье в сочетании с крушением рынка ипотеки, стало, по мнению аналитиков, одной из главных причин кризиса 2008–2009 гг. и последовавшего за ним затяжного застоя в экономике.

Необычный характер кризиса 2008–2009 гг. потребовал нового подхода в антикризисной политике и системе государственного регулирования. Отличительной особенностью экономической политики стало решительное и масштабное применение кейнсианских методов антикризисной политики и стимулирования роста экономики. Хотя реакция властей США на кризис ипотечного рынка и жилищного строительства оказалась запоздалой, предпринятые меры обозначили решительный переход к новому стилю антикризисного и стимулирующего государственного регулирования. В нем задача сохранения и укрепления мирового экономического лидерства если не провозглашается прямо, то считается само собой разумеющейся как результат главной линии государственного содействия экономике. При этом для экономической политики американских властей, независимо от ее консервативной или либеральной направленности, с самого начала XXI в. характерно обращение к стимулированию экономического роста кейнсианскими методами – снижение налогов, увеличение бюджетных расходов и предоставление разных льгот.

Уже Администрация Буша-младшего с самого начала своих полномочий приступила к снижению налогов, которое было проведено в два приема в 2001 г. и в 2003 г. и охватило и бизнес, и население. Программа снижения была обстоятельной и значительной. Она охватывала и подоходный налог по всем разрядам, и налоги на прибыль и ряд других налогов и вычетов. Общим эффектом этого снижения стало увеличение государственного долга к концу полномочий Буша на 3 трлн долл. При этом анализ результатов ряда моделей

---

¹²⁶ В США только 65% людей имеют собственное жилье. / Tranio.ru, 4 августа 2020 г. / URL: https://tranio.ru/articles/v_ssha_tolko_65_lyudey_imeyut_sobstvennoe_zhile_4180/

влияния бюджетных расходов на рост экономики показал, что мультикативный эффект прироста бюджетных расходов на 1 доллар составлял по разным методикам от 1,4 до 3,9 долл. прироста ВВП¹²⁷.

Само обращение республиканской администрации к кейнсианским методам экономической политики было примечательным феноменом, свидетельствующим о верховенстве здравого смысла над партийными догмами. Если же считать, что в Республиканской партии превалирует идеология и интересы крупного капитала, то меры в направлении стимулирования роста экономики вполне соответствуют этим интересам. В системе взаимодействия рынка и государства, образующей концепцию кейнсианства, правительством США принимались меры для поддержки и стимулирования рыночных механизмов.

Ипотечное кредитование и жилищное строительство являются движущей силы роста экономики страны. Ситуация, сложившаяся в этом секторе экономики в период после окончания Второй мировой войны и до первых лет нового века, создавала в органах государственного регулирования представление о том, что потребность в удобном и просторном жилье, в отличие от многих других компонентов потребительского спроса, не поддается насыщению и поэтому неопределенно долго остается влиятельной движущей силой роста. Во многом по этой причине кризис 2008–2009 гг. оказался для властей США неожиданным.

В дальнейшем снижение налогов стало важным элементом экономической политики президента-демократа Обамы и, что примечательно, Трамп также сделал одним из первых шагов своей политики снижение налогов, одобренное в первый год его президентства в декабре 2017 г.

Новым подходом государственной экономической политики в противодействии кризису стало прямое вливание крупных массивов денег в экономику за счет бюджетного дефицитного финансирования. Если в случае

---

¹²⁷ Васильев В.С. Бюджетная политика и ее влияние на экономическое развитие США / Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. – М.: Весь мир, 2018. С. 73.

краха Enron, Bear Stearns, Merrill Lynch в 2001–2007 гг. государство предпочло политику невмешательства, то угроза банкротства полугосударственных агентств Fannie Mae и Freddie Mac, а также крупнейшей страховой компании AIG, сильно вовлеченной в ипотечный кризис, заставило власти решительно пойти на предоставление этим структурам масштабной финансовой помощи с целью их спасения. Каждая из этих структур получила более 180 млрд долл. в виде специальных кредитов и инвестиций. В этом контексте ошибкой можно считать решение государства 15 сентября 2008 г. не поддержать банк Lehman Brothers и позволить ему обанкротиться, что стало толчком к развитию общесистемного кризиса.

За объявлением небывало крупных мер финансовой поддержки терпящих бедствие компаний последовало принятие в начале октября 2008 г. Закона о чрезвычайной экономической стабилизации¹²⁸, который запустил Программу помощи активам (TARP)¹²⁹ стоимостью 700 млрд долл. Исполнение этого закона растянулось до 2012 г., и в течение этого времени сотни миллиардов долларов были потрачены на поддержку банков и других финансовых институтов¹³⁰.

Символическое значение программы TARP состоит в том, что она положила начало цепочке новых бюджетных программ чрезвычайного характера на сотни миллиардов долларов, а затем и на триллионы. Метод раздачи денег терпящим бедствие субъектам экономики надолго стал главным инструментом антикризисной политики. Характерным при этом стал элемент упреждающего характера в действиях правительства. Одна за другой администрации от Обамы до Байдена стали решительно использовать дефицитное бюджетное финансирование для противодействия силам кризиса,

---

¹²⁸ Закон 2008 года об оказании чрезвычайной экономической помощи. / URL: <https://ru.knowledgr.com/06865204/ЧрезвычайныйЭкономическийЗаконОСтабилизации2008>

¹²⁹ Программа по облегчению бремени активов. / URL: <https://ru.knowledgr.com/06920562/НеблагополучнаяВспомогательнаяПрограммаАктива>

¹³⁰ Экономическая политика администрации Джорджа Буша. / URL: <https://ru.knowledgr.com/03632164/PoliticaEconomicaDellamministrazioneDiGeorgeWBush>

не ожидая их развертывания и наступления негативных последствий, как это обычно было в предыдущие периоды.

Важно также отметить элемент соревнования, который стали откровенно демонстрировать администрации президентов в экономической политике, стремясь утвердить преимущества подхода партии, находящейся у власти. Это наглядно показал процесс принятия в начале 2009 г. программы Обамы. Еще не вступив в должность, Обама в своей речи 8 января 2009 г. обнародовал план крупных расходов на борьбу с рецессией, наглядно отражавший кейнсианское мышление в экономической политике. Совершенно очевидно, что к этому времени еще не проявили себя меры в рамках недавней программы TARP Администрации Буша. Но интересно и другое: объем расходов намеренно был установлен в более значительных размерах, чем недавняя программа Буша-младшего. Однако Конгресс урезал представленный в феврале пакет в 819 млрд долл. и утвердил план в сумме 787 млрд долл. во время его прохождения через Сенат¹³¹. В ходе практического осуществления плана всего было выделено 836 млрд долл., из которых 636 млрд долл. было освоено в виде расходов федерального бюджета, а 199 млрд долл. – в виде снижения налогов¹³².

Большая часть выделенных средств была потрачена уже к концу 2010 г., но стимулирующие эффекты от программы сохранялись еще несколько лет. По оценкам российских ученых, принятые меры предотвратили сползание США в более глубокий кризис, а также обеспечили вывод страны на траекторию устойчивого экономического роста¹³³.

По оценкам Управления Конгресса США по бюджету, среднее значение мультипликативного эффекта фискальной политики США в период после

---

¹³¹ 2008–2009 Keynesian resurgence. / URL:https://en.wikipedia.org/wiki/2008–2009_Keynesian_resurgence#In_the_United_States_and_Great_Britain

¹³² Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. С. 66.

¹³³ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. С. 68.

мирового финансово-экономического кризиса составило 1,5¹³⁴. Иначе говоря, каждый доллар бюджетных ассигнований привел к увеличению ВВП на 1,5 доллара. При этом наибольшее влияние на стимулирование экономической активности оказали федеральные закупки товаров, финансирование инфраструктурных проектов и трансферты физическим лицам.

Согласно мнению отечественных специалистов, причиной сравнительно невысоких значений мультипликативных эффектов Плана американского возрождения и реинвестиций является то, что основная часть бюджетных расходов была направлена не на инвестиции, а на стимулирование потребления населения.

Следует также учитывать, что План стал не единственным бюджетным инструментом преодоления кризисных потрясений в американской экономике. В 2008–2012 гг. был принят ряд других федеральных стимулирующих программ общим объемом в 650 млрд долл.¹³⁵, в том числе касающихся снижения налогов, дополнительных выплат по безработице и создания рабочих мест в госсекторе.

Примечательно, что возвращение экономики США к поступательному росту ВВП не привело к прекращению стимулирующей фискальной политики. По сути, произошел переход к «новой реальности», когда дефицитное финансирование стало одним из основных драйверов экономического роста.

Аналитики отмечают политику Обамы по бюджетным расходам как образец активного использования государственных расходов для стимулирования роста в виде дефицитного финансирования. За восемь лет его пребывания в президентской должности показатель госдолга вырос практически вдвое – с 10,63 трлн долл. в 2009 г. до 19,7 трлн долл. и составил, по оценкам МВФ, 107,5% ВВП страны, тогда как в предыдущее десятилетие он в среднем составлял немногим больше 60%¹³⁶.

---

¹³⁴ Там же. С. 75.

¹³⁵ Там же. С. 78.

¹³⁶ Обама оставил Трампу 20 триллионов долларов долга. / Свободная пресса. 9 ноября 2016 г. // URL: <https://svpressa.ru/economy/article/160171/>

Анализ бюджетной политики Обамы показывает, что, кроме того, что она соответствовала общей установке демократической партии на сильное государственное участие в хозяйственной жизни, эта политика не имела твердо обоснованной и ясно выраженной стратегии. Власти действовали методом проб и ошибок, и, убеждаясь в отсутствии негативных последствий, продвигались далее по линии роста бюджетных расходов под аккомпанемент тревожных публикаций.

Необходимо отметить, что с кейнсианских методов начал свою политику стимулирования роста экономики Трамп, который провел крупное снижение налогов в конце первого года своих полномочий в декабре 2017 г., несмотря на возражения многих влиятельных политиков. Сам приход Трампа в Белый дом аналитики расценивают как приход к управлению страной представителя крупного капитала, который поставил в качестве приоритетов своей экономической политики интересы американского бизнес-сообщества. Назначив себя главой Национального экономического совета и включив его в структуру Исполнительного управления Белого дома, Трамп стал сам главой экономического блока в правительстве, отодвинув на второй план Совет экономических консультантов.

Значительным вкладом Трампа в систему мер по стимулированию роста экономики США стал Закон о снижении налогов и создании рабочих мест, принятый в декабре 2017 г. Согласно экспертным оценкам, данный Закон стал самой масштабной налоговой реформой в США более чем за три десятилетия. Согласно Закону предполагается общее снижение налоговой нагрузки для бизнеса и физических лиц; упрощение текущей системы налогообложения путем увеличения стандартных вычетов и налоговых льгот для семей, отмена персональных льгот и создание условий для меньшей привлекательности детализированных вычетов; – ограничение на количество вычетов по налогам штатов и местным подоходным налогам, а также налогу на имущество; – ограничение на вычеты по процентам на ипотечные кредиты; – отмена альтернативного минимального налога для корпораций и скидок для

физических лиц; – отмена индивидуальных мандатов, введенных в ходе реформы здравоохранения (Affordable Care Act, или «Обамакэр»)¹³⁷.

Прогрессивная шкала налога на прибыль корпораций со ставками от 15 до 39% была заменена на единую ставку 21%, для стимулирования экономического роста, возвращения в страну американских компаний и привлечения иностранных инвестиций. Для малых S-корпораций сохранились налоги по индивидуальным ставкам за минусом 20%-го вычета. В целом, по оценкам Объединенного комитета Конгресса США по налогообложению, новый закон ускорил рост ВВП США на 0,8% в год в следующие 10 лет¹³⁸.

Оборотной стороной сокращения налогов, начиная с Буша-младшего и включая Обаму и Трампа, стало усиление разрыва между доходной и расходной частью бюджета и возрастание его дефицитности. К 2020 г. значение расходной части бюджета выросло до 21% ВВП, в то время как доходная часть сократилась до 16% ВВП при последовательном росте величины государственного долга¹³⁹. В целом за годы правления Трампа госдолг вырос на 7 трлн долл., превысил в конце сентября 2020 финансового года 27 трлн долл. и перешел в новое качество.

Политика Трампа по стимулированию роста экономики продемонстрировала силу чрезвычайных внешних факторов в формировании ее целей и средств. Неожиданный экономический рост в 2018–2019 гг., который, казалось, оправдывал все своеобразие политической манеры Трампа, был прерван весной 2020 г. пандемией коронавируса, которая придала экономической и бюджетной политике США чрезвычайный характер. Пандемия внесла радикальные изменения в состав оснований для принятия решения об увеличении государственных расходов. Осознав масштабы пандемии, и попытавшись представить ее негативные последствия, власти

---

¹³⁷ Аксенов П.А. Налоговая реформа Трампа и американский бизнес. Международная торговля и торговая политика. №2. 2018. С. 91–95.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова ; Ин-т Ф 36 науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : ИНИОН, 2020. С. 209.

США прибегли к масштабным мерам поддержки экономики, чтобы воспрепятствовать развертыванию сил кризиса. Поставленные перед необходимостью проведения карантинов и других мер ограничения общения людей, власти пошли на прямые выплаты населению и на финансовую поддержку бизнеса.

В конце марта 2020 г. Трамп подписал закон о выделении 2,2 трлн долл. на содействие экономике в противостоянии пандемии коронавируса, и этот пакет мер стал, по заявлению Трампа, самой крупной мерой поддержки экономики в истории страны. Средства были адресованы на прямые выплаты американцам, на поддержку бизнеса и дополнительное финансирование здравоохранения.

Примечательно, что выплаты населению были предназначены не столько на компенсацию утраты доходов, сколько на прямые потребительские расходы в условиях закрытия многих структур бизнеса и утраты источников заработка, для поддержания функционирования торговли и других секторов экономики путем сохранения потребительского спроса в условиях прекращения работы многих структур бизнеса из-за ограничений, вызванных борьбой с пандемией коронавируса.

Гражданам США с годовым доходом до 75 тыс. долл. были предоставлены прямые выплаты в размере 1,2 тыс. долл., и в дополнение к этому по 500 долл. на каждого ребенка до 18 лет семьям с детьми; на кредиты для малого бизнеса было выделено 367 млрд долл., еще 130 млрд долл. – на нужды больниц, денежная поддержка также была предоставлена для тех, кто лишился работы, и кому урезали зарплату¹⁴⁰. Примечательно, что программу поддержали все депутаты Конгресса, забыв разногласия.

Из-за пандемии коронавируса власти США в деле управления госдолгом попали в сложную ситуацию, когда пути назад нет, и для противодействия пандемии и устранения ее последствий требуются все новые финансовые

---

¹⁴⁰ Пандемия коронавируса. / РБК, 28 марта 2020. // URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/03/2020/5e7e66ef9a7947109e17a089>

вливания, а это означает дальнейшее увеличение государственного долга страны. Как уже отмечалось, государство, несмотря на множество тревожных предупреждений, продолжало линию поддержки экономики за счет программ дефицитного бюджетного финансирования.

В то время как экономика США демонстрировала высокие темпы роста ВВП в 2018–2019 гг. и предельно низкие показатели безработицы, что вызывало смятение в среде критиков политики Трампа, наступление пандемии COVID-19 заставило правительство США практически полностью переключить направление экономической политики на борьбу с ней. Можно полагать, что с 2020 г. применение крупных бюджетных программ за счет дефицитного финансирования в духе кейнсианства стало вынужденной линией экономической политики властей США во многом из-за отсутствия конструктивной альтернативы в средствах борьбы с подобными кризисами.

Интересно отметить, что во время избирательной кампании 2016 г. Трамп заявлял, что решит проблему национального долга страны за два президентских срока. Он выражал уверенность в том, что после его реформ и пересмотра торговых договоров наступит экономический рост, который позволит Соединенным Штатам оплатить долг наличными средствами¹⁴¹.

Наступление пандемии заставило Трампа забыть эти обещания и стать на проверенный путь поддержки экономики кейнсианскими методами бюджетных ассигнований. Хотя это противоречило идеологическим установкам республиканцев, но реальная ситуация, в особенности, борьба с пандемией коронавируса и ее последствиями не оставляли выбора – требовались срочные ассигнования в больших размерах. Вместе с тем политика бюджетного финансирования поддержки экономики без оглядки на рост государственного долга, которую проводила Администрация Трампа, не была достаточно обоснованной в программном отношении. У властей

---

¹⁴¹ Невыполненные обещания: как Трамп возвращал Америке былое величие / ГАЗЕТА.RU, 3 ноября 2020. // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/02_a_13344421.shtml

отсутствовало представление о перспективах и задачах экономического развития.

Кейнсианская линия с акцентом на применение государственных расходов как стимула роста экономики получила продолжение в политике Байдена, сменившего в 2021 г. Трампа на посту президента США.

Еще не вступив в должность, Байден представил 14 января 2021 г. предложения для Конгресса по новым мерам восстановления экономики США (American Rescue Plan), общая стоимость которых составила 1,9 трлн долл.¹⁴². Этот его шаг стал первым в последовательной стратегии перемен в экономике, представление которой последовало в первые месяцы его президентства.

Экономическая политика Байдена до настоящего времени характеризуется системностью и последовательностью. Эта политика продемонстрировала, что в экономике США имеются значительные резервы роста, способные поглотить ресурсы труда и капитала, высвобождающиеся в результате международной конкуренции. Можно предположить, что именно в политике Байдена нашла воплощение та потребность в совершенствовании модели развития экономики США, которая сложилась под действием глобализации.

Хотя перед приходом Байдена в Белый дом в стране уже сформировался большой государственный долг, вызывающий опасения финансового кризиса, это не стало препятствием для выдвижения крупномасштабных государственных программ активного вмешательства в экономику сразу по нескольким направлениям.

Экономическая стратегия Д. Байдена была ориентирована на решение двух главных задач. Первая задача состояла в смягчении и устраниении негативных последствий пандемии и связанного с ней экономического кризиса. Основные меры были направлены на финансовую поддержку

---

¹⁴² Байден представил план спасения американской экономики / Финам, 15 января 2021 г. // URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/baiyden-predstavil-plan-spaseniya-amerikanskoiy-ekonomiki-20210115-135850/>

населения и бизнеса, пострадавших от пандемии, проведение вакцинации и других срочных действий по линии медицины и здравоохранения. Они образовали содержание программы размером в 1,9 трлн долл. Более половины средств были направлены на прямые выплаты населению: по 1400 долл. каждому американцу, продление пособий по безработице до сентября 2021 г., помочь семьям по линии ипотеки и аренды жилья, в случае потери жилья и т.п. Также следует отметить финансовые ассигнования на ремонт и работу школ и на медицинские цели¹⁴³.

Вторая часть стратегии Байдена была ориентирована на долгосрочные перемены в экономике США. Выиграв время для борьбы с пандемией, Байден представил во второй части своей стратегии программу реформ и преобразований, охватывающую основные отрасли экономики. Хотя государство в США по-прежнему придерживается принципа не вмешиваться непосредственно в бизнес и не подменять его в хозяйственной жизни, в программе Байдена предусмотрен большой набор изменений условий, в которых действует бизнес.

Программа предусматривает ассигнования в 3 трлн долл. и охватывает перестройку инфраструктуры и промышленности, модернизацию системы энергообеспечения страны, модернизацию сельских районов, переподготовку миллионов работников, строительство 1 млн энергоэкономных жилых домов. Центральное место в программе занимает масштабное обновление инфраструктуры, которое включает строительство дорог, мостов, железных дорог, портов, сети электрозарядных станций и других объектов. Важно отметить в качестве отличия программы крупные вложения непосредственно в обрабатывающую промышленность, чистую энергетику, переподготовку рабочей силы и другие направления.

Широкий охват программой главных отраслей экономики дает основания полагать, что Байден изучил потребности в обновлении

---

¹⁴³ D'Souza, Deborah. Joe Biden's Economic Plan. Investopedia. March 11, 2021. Available at: <http://www.investopedia.com/joe-biden-s-economic-plan-save-the-middle-class-4769869>

инфраструктуры и производственного аппарата в масштабах страны во времена наблюдения за исполнением планов Обамы в годы его вице-президентства.

На фоне выраженного кейнсианского стиля программ Байдена привлекают внимание содержащиеся в них предложения по увеличению налогов для получения дополнительного государственного финансирования. Необычным стало предложение повысить налоги на прибыли корпораций после многолетней линии на их понижение, но в остальном предложения вполне соответствуют установкам демократической партии. Вместе с повышением корпоративного налога с 21% до 28% и установлением налога в 21% на иностранные компании, ассоциированные с американскими фирмами, предлагается повышение подоходного налога для лиц с наивысшими доходами с 37% до 39,6%, обложение налогом прироста капитала и дивидендов для лиц с годовым доходом свыше 1 млн долл., введение налога на социальное страхование для лиц с доходом свыше 400 тыс. долл. в год.

В целом оценка экономической политики Байдена в большой мере зависит от того, насколько долго продлится эта линия массированного государственного вмешательства, преследующего достаточно обоснованные и достижимые цели. По сути, стратегия Байдена представляет собой давно определившуюся в США потребность в программе глубокого структурного обновления экономики страны. Речь идет об обновлении таких масштабов, которое откроет новые горизонты роста экономики, создаст возможности поглощения высвобождающихся в результате международной конкуренции ресурсов труда и капитала и их включения в созидательную деятельность по продвижению экономики страны на новый уровень национального богатства и прогресса. Это означает, что стратегия Байдена предполагает для ее успешной реализации последовательные усилия в течение длительного времени.

2.2. Денежно-кредитная политика в интересах мирового экономического лидерства США

Среди инструментов государственного регулирования экономики, содействующих сохранению и укреплению лидирующих позиций США в мировом хозяйстве, важное место занимает денежно-кредитная политика. Она также стала ареной значительных перемен в первые десятилетия XXI в., сформировавшихся под влиянием бюджетной политики, а затем вышла на самостоятельный режим стимулирования роста экономики и укрепления ее мирового лидерства.

Радикальные изменения, происходившие в бюджетной политике в начале XXI в., сопровождались столь же значительными изменениями в денежно-кредитной политике. Два этих направления экономической политики, действуя вместе, создавали тот необходимый симбиоз, когда меры, предпринятые на одном направлении, получали поддержку и подкрепление на другом направлении и вместе создавали обстановку перемен в среде хозяйственной жизни, ориентированных на повышение ее динамизма.

В самом начале века в политике ФРС еще действовала инерция приоритета борьбы с инфляцией, которая сложилась в предыдущие два десятилетия в период стагфляции и преодоления кризисов начала 1980-х годов. Тогда потребовалась существенная структурная перестройка американского хозяйства на основе прогрессивных технологий для адаптации к высоким ценам на энергетическое и минеральное сырьё и для пересмотра всей макроэкономической стратегии. Традиционный либеральный подход не мог обуздить возросшую инфляцию, и борьба с ней переместилась на денежно-кредитную политику, конкретно – на ФРС.

В те годы завоевала признание политика высоких ставок процента, которую жестко и настойчиво проводил Пол Волкер на посту председателя Совета управляющих ФРС в период 1979–1987 гг. Он сумел укротить силы инфляции и вывести денежное хозяйство страны на режим устойчивого функционирования. За период его пребывания во главе ФРС среднегодовое

значение инфляции снизилось с пика в 11,2% в марте 1980 г. до 3,7% в 1987 г. Волкеру удалось использовать заданный уровень процентных ставок в качестве своего рода непробиваемого потолка или пресса, который постепенно придавил движущие силы инфляции.

Линию Волкера в дальнейшем продолжали его преемники – Гринспен и Бен Бернанке до середины 2007 г., когда назревание кризиса стало для руководства ФРС достаточно очевидным. Остается фактом, что руководство ФРС было первым среди высших институтов государственного регулирования, который приступил к проведению антикризисной политики, не ожидая сокращения ВВП и начала рецессии. С уровня 5,25% в августе 2007 г., когда стали развертываться кризисные процессы в ипотечном секторе, ставка процента ФРС была в несколько приемов снижена до 0,0 – 0,25% в ноябре 2008 г., когда начало рецессии стало очевидным и государство включило антикризисные бюджетные меры.

Кризис 2008–2009 гг. создал переломный момент в денежно-кредитной политике в США. От антиинфляционной политики потребовался переход к антикризисной. При этом специфика ситуации состояла в том, что возможности действовать путем изменения ставки процента были исчерпаны – предельно низкий уровень уже был установлен и, как показали дальнейшие события, действовал долго.

Стоит также упомянуть «правило Волкера», названное в честь вышеупомянутого бывшего председателя ФРС Пола Волкера, которое возникло в ответ на кризис 2008–2009 гг. и запрещает банкам осуществлять определенную инвестиционную деятельность по своим счетам, связанную с краткосрочной торговлей ценными бумагами, производными инструментами и товарными фьючерсами. Правило направлено на предотвращение спекулятивных инвестиций и защиту клиентов банков¹⁴⁴.

---

¹⁴⁴ Federal Reserve System. “Volcker Rule.” URL: <https://www.federalreserve.gov/supervisionreg/volcker-rule.htm>.

Новые явления в денежно-кредитной политике ФРС проявились тогда в ходе противодействия кризису 2008–2009 гг., где денежно-кредитной политике было уготовано новое поле действия: восполнение денежных ресурсов, изъятых с кредитного рынка в государственный бюджет на покрытие дефицита путем заимствований. Здесь необходимые действия диктовал ход событий. В эти годы на кредитном рынке страны возник известный «эффект вытеснения», когда государство вытесняет с кредитного рынка других заемщиков: корпорации, потребителей, ипотечный сектор и других мелких участников. Механизм здесь прост: поскольку государство предлагает самые надежные облигации, ему достаточно повысить ставку процента, чтобы привлечь денежные ресурсы в нужных размерах. Однако государству приходится помнить о выплате процентов, и поэтому оно старается прибегать к этому приему редко, предпочитая призвать на помощь денежно-кредитную политику для установления низких ставок процента на кредитном рынке.

Программы массированных бюджетных расходов, принятые в 2008–2009 гг., привели к практическому опустошению кредитного рынка. Для иллюстрации эффекта вытеснения в 2008–2009 гг. приведем данные о распределении заимствований на кредитном рынке США в эти годы.

Таблица 2.1. Распределение заимствований на кредитном рынке США в период 2006–2010 гг., млрд долл.

Год	Всего	Население*	Бизнес**	Федеральное правительство
2006	2412	1179	896	183
2007	2513	862	1222	237
2008	1902	33	578	1239
2009	1022	-233	-298	1444
2010	1458	-263	36	1580

Источник. *Financial Accounts of the United States. June 9, 2011. P.8.*

Примечание: некоторые участники пропущены. *Включая домохозяйства и потребительский кредит. **Включая корпорации и малый бизнес.

Данные табл. 2.1. показывают, как радикально изменилась картина кредитного рынка США в годы кризиса по сравнению с двумя предыдущими сравнительно нормальными годами. Видно, как в 2008–2009 гг., в то время как участники хозяйственной жизни сокращали заимствования и продолжали выплачивать ранее взятые кредиты, федеральное правительство резко увеличило заимствования для финансирования возросших дефицитов и полностью поглотило доступные ресурсы кредитного рынка, привлекая дополнительные средства из-за границы и за счет показанных с минусом выплат предыдущих заимствований.

В этих условиях ФРС оказалась в ситуации недостатка возможностей пополнения ликвидности банков посредством традиционных методов кредитования в пределах нормы обязательных резервов, а также снижения ставки процента. Требовалось ввести в хозяйственный оборот денежные ресурсы более значительных масштабов, и для этого следовало использовать иные инструменты денежно-кредитной политики. Так сформировалась система мер пополнения экономики денежными ресурсами, получившая название «количественного смягчения»¹⁴⁵.

ФРС реализовала программы количественного смягчения (Quantitative Easing), ставшие новым словом в арсенале денежно-кредитной политики не только в США, но и в странах Европы и некоторых странах Азии. ФРС решила пополнить ресурсы финансовых институтов, выкупив у них некоторую часть гособлигаций и покрытых ипотекой бумаг, дабы они могли предложить бизнесу кроме низких ставок процента достаточно большое количество денежных ресурсов, когда под действием стимулирующих мер бизнес обратится в банки за кредитом.

---

¹⁴⁵ The Federal Reserve's Policy Actions during the Financial Crisis and Lessons for the Future. Vice Chairman Donald L. Kohn. Speech At the Carleton University, Ottawa, Canada. May 13, 2010 .

Заслуживает внимания то, что уже в первой серии покупок по программе QE1 в конце 2008 г. – начале 2009 г. ФРС попыталось выявить эффект от покупок разных типов облигаций. Был совершен выкуп казначейских облигаций «трежерис» на 300 млрд долл., облигаций агентств на 175 млрд долл. и покрытых ипотекой долговых бумаг на 1250 млрд долл., что в ходе этих и встречных операций привело к увеличению суммы на резервных счетах кредитных институтов в ФРС на 1200 млрд долл.¹⁴⁶

Если первая программа количественного смягчения производила впечатление чрезвычайной меры под давлением чрезвычайных обстоятельств, то дальнейшие события показали, что открылась новая линия в денежно-кредитной политике: проведение масштабных программ пополнения экономики денежными ресурсами для стимулирования роста и прогрессивных преобразований в экономике. Главной особенностью программ количественного смягчения стали их масштабность и долговременный характер. Практика показала, что организованная специальным образом эмиссия денег возможна, она не вызывает инфляции и ее не следует бояться.

Процедуры количественного смягчения существенно отличаются от прямого кредитования дефицита бюджета центральным банком, которое запрещено законом. Центральный банк в этой ситуации выступает в роли вторичного рынка, который путем выкупа ценных бумаг совершает трансформацию заключенной в них функции накопления в универсальные депозитные деньги, способные выполнять все функции. В лице программ количественного смягчения ФРС получило инструмент денежно-кредитной политики, который можно пускать в ход, не ожидая кризисных событий и сообразуя размеры и интенсивность его применения с результатами прошлых действий и особенностями текущей ситуации.

Последовавшие за первой, следующие серии выкупа облигаций в рамках программ ФРС имели каждая свои особенности. Это позволило ФРС испытать

---

¹⁴⁶ The Federal Reserve's Policy Actions during the Financial Crisis and Lessons for the Future. Vice Chairman Donald L. Kohn. Speech At the Carleton University, Ottawa, Canada. May 13, 2010

возможности и эффективность применения разных подходов при реализации этой линии политики.

Отсутствие динамики роста экономики после завершения рецессии побудило ФРС провести новый раунд (Quantitative Easing 2 – QE2) с ноября 2010 г. до конца июня 2011 г. За это время в экономику было направлено 600 млрд долл. путем выкупа гособлигаций у банков на сумму 75 млрд долл. ежемесячно¹⁴⁷. В этот раз проверялся эффект дозированных равномерных вливаний. И вновь полученные результаты не удовлетворили руководство ФРС.

Продолжение застойных явлений дало основания попробовать ступенчатое пополнение ликвидности через замену сроков облигаций. В сентябре 2011 г. была запущена программа «Твист» на 400 млрд долл. по замене долгосрочных облигаций в активах кредитных учреждений на краткосрочные¹⁴⁸. Свообразие этой операции заключалось в замене одних облигаций другими на балансе ФРС без изменения итоговых суммарных показателей и без эмиссии новых денег.

По показателям экономики США за первую половину 2012 г. руководство ФРС посчитало, что требуется продолжение стимулирующих мер. Программу «Твист» продлили до конца 2012 г. и увеличили ее на 267 млрд долл. по сравнению с начальным проектом¹⁴⁹.

Но и на этот раз устойчивого динамичного роста экономики не последовало. В сентябре 2012 г. ФРС запустила третью по счету программу количественного смягчения (QE 3), вернувшись к дозированному пополнению денежной массы. Ежемесячный объем выкупа казначейских облигаций составлял 45 млрд долл., а ипотечных бумаг – на 40 млрд долл. Сначала программа была рассчитана на несколько месяцев, но фактически она продлилась до конца октября 2014 г. с некоторым снижением сумм выкупа.

---

¹⁴⁷ Bernanke Makes Case for More Bond Buying / The Mesh Report. January 26, 2012.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

Общий объем выкупа облигаций и пополнения экономики деньгами составил округленно 4,5 трлн долл.¹⁵⁰

В последующие годы главное обстоятельство, на которое обращали внимание аналитики, было отсутствие инфляции в результате столь массированной эмиссии денег по указанным программам. Отчасти этому способствовали умеренные темпы роста экономики, которая, несмотря на продолжительное стимулирование, не проявляла желательного динамиза. Однако представляется, что немалую роль в том, что удалось избежать инфляции, сыграли установленные в США механизмы взаимодействия банковской системы и ФРС, то есть собственно механизмы денежно-кредитной политики. Дело в том, что, когда в банки поступают денежные средства от ФРС, они зачисляются на резервные счета этих банков, и таким образом, до начала их использования эти деньги хранятся как резервы без движения.

Важной особенностью программ количественного смягчения было отсутствие точных оценок размеров необходимого пополнения – каждый раз ФРС действовала методом проб и ошибок, полагаясь на знания и опыт своих специалистов. В результате из общей суммы обязательств ФРС в 4510 млрд долл. в конце I квартала 2015 г., на резервных счетах депозитных институтов оставалось 2437 млрд долл., и это означало, что размеры пополнения экономики денежными ресурсами явно превысили текущие потребности и почти половина этих средств к концу действия программ оставалась на резервных счетах без движения¹⁵¹. 29 октября 2014 г. Комитет по открытым рынкам (FOMC) ФРС объявил о завершении QE 3.

Опыт политики количественного смягчения в ходе кризиса 2008–2009 гг. и в последующие годы позволило ФРС достаточно твердо овладеть системой мер антикризисного характера, заключающих также потенциал

---

¹⁵⁰ Программа «количественного смягчения» ФРС: QE 1, QE 2, QE 3, QE 4. <http://global-finances.ru/frs-ssha-kolichestvennoe-smyagchenie-e/> 20 августа 2021 г. обращение

¹⁵¹ Financial Accounts of the United States, June 11, 2015/ L109. P.85.

стимулирования экономики. Когда в марте 2020 г. до США дошла волна пандемии коронавируса и Конгресс утверждал программу помощи экономике на 1,9 трлн долл., ФРС приняла свою программу, содержащую пакет солидных мер в том же направлении.

15 марта 2020 г. ФРС США запустила большую программу количественного смягчения QE 4 на 500 млрд долл., ипотечных ценных бумаг – на сумму 200 млрд долл. Одновременно ФРС снизила ключевую процентную ставку до нуля и заявила о готовности предоставить рынку 1,5 трлн долларов краткосрочной ликвидности через сделки РЕПО. Об уверенности ФРС в своих силах и возможностях свидетельствовало то обстоятельство, что всего через несколько дней (23 марта 2020 г.) ФРС сообщила о готовности выкупать ипотечные и казначейские бумаги без ограничений – в том количестве, которое будет необходимо для поддержки ликвидности и обеспечения бесперебойного функционирования рынка. Это было не только заявление о намерениях для прояснения своей политики, но и послание рынку и обществу о том, что ФРС не боится роста государственного долга и уверена в правильности своей политики количественного смягчения.

Наряду с программами QE другим важным трендом денежно-кредитной политики США после кризиса 2008–2009 гг. стало изменение процентной политики ФРС, представляющей собой систему оперативного управления поведением процентных ставок на рынке. В основе такого механизма — рекомендованный ФРС показатель ставки по федеральным фондам, по которой банкам следует вести между собой операции со своих резервных счетов. Одновременно на 0,25–0,5% выше устанавливается дисконтная ставка ФРС, по которой она может предоставлять кредиты коммерческим банкам в случае отказа им со стороны партнеров. Таким образом, эта ставка образует потолок, выше которого банки не могут поднять свои ставки и оказываются вынужденными следовать установленным ориентирам.

Изменения ставки ФРС обычно проводятся для опережающего противодействия кризисным явлениям или стимулирования роста. Как видно

из рис. 2.1, за последние 20 лет дважды (в 2004–2006 и в 2016–2019 гг.) наблюдалось поэтапное увеличение, а затем резкое снижение процентной ставки вплоть до нулевых уровней. При этом низкие ставки ФРС перестали быть эпизодическим явлением и превратились в важный инструмент ее денежно-кредитной политики.

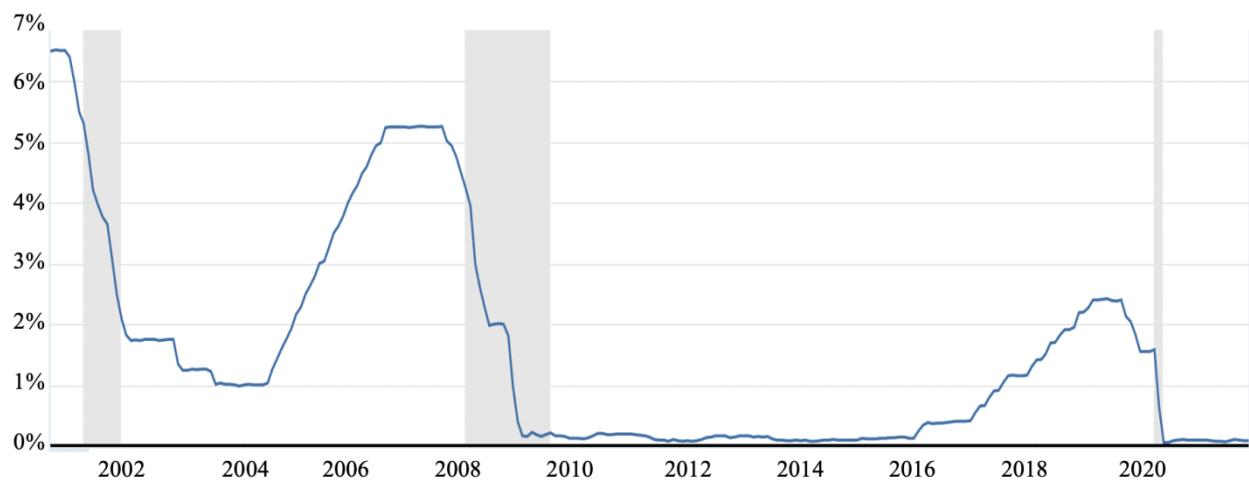

Рисунок 2.1. Эффективная ставка по федеральным фондам США в 2000–2021 гг., в %.

Источник: *Board of Governors of the Federal Reserve System // URL: <https://www.federalreserve.gov>*

С учетом показателей инфляции на уровне 2% реальные ставки процента в последнее десятилетие стали отрицательными, что снизило доходность срочных банковских вкладов. Это, в свою очередь, побуждало инвесторов к хранению на депозитах минимума средств и большей активности на высокодоходном рынке ценных бумаг. Политика низких ставок, таким образом, успешно стимулирует общую экономическую активность в условиях слабой конъюнктуры.

Для банков же такая политика означает стимул к изменению их роли в финансовой системе с игрока, извлекающего прибыль, в пользу посредника по перемещению денежных ресурсов в экономику. Такой подход коррелирует с установками закона Додда – Франка, определившего денежно-кредитную политику США после мирового финансового кризиса.

Законодательный акт о реформировании Уолл-стрит и защите потребителей, названный в честь его разработчиков – сенаторов от Демократической партии К. Додда и Б. Франка, был принят в 21 июле 2010 г. Закон существенно изменил деятельность существующих органов финансового надзора и создал несколько новых учреждений с целью снижения рисков и защиты налогоплательщиков. Центральное место в новой системе регулирования отведено Совету по надзору за финансовой стабильностью, который должен выявлять существующие риски и предпринимать меры по их снижению. Задачей другого нового органа – Управления финансовых исследований – является координация деятельности в области сбора данных и проведения исследований, направленных на разработку инструментария мониторинга и оценки финансовых рисков.

Важным элементом закона стало так называемое правило Волкера, ограничивающее возможность инвестирования банками средств собственных вкладчиков в хедж-фонды и другие высокорисковые операции уровнем в 3% от их капитала. Кроме того, закон Додда – Франка предусматривает специальный режим ликвидации крупных финансовых учреждений при участии правительства США во избежание паники и продажи активов по заниженной стоимости, а также предусматривает персональную ответственность топ-менеджеров, чьи действия привели к краху компании. Акт серьезно ограничил спекулятивную деятельность, запретив резидентам США большинство операций на внебиржевом рынке, в том числе металлов, валюты и финансовых инструментов.

Закон Додда – Франка по праву считается одним из главных достижений денежно-кредитной политики демократов в период президентства Б. Обамы. Исследования Двухпартийного политического центра демонстрируют, что он значительно повысил финансовую стабильность и защиту потребителей. Вместе с тем эта инициатива встретила ожесточенное сопротивление республиканцев, считавших, что она создает препятствия для работы малых банков и снижает доступность кредитов. В результате уже в ходе

президентства Д. Трампа в 2018 году был принят Акт об экономическом росте, смягчении регулирования и защите потребителей, который значительно ограничил действие закона Додда – Франка и ослабил правило Волкера.

При этом у Д. Трампа были непростые отношения с ФРС из-за нежелания независимого федерального агентства следовать наставлениям президента в области денежно-кредитной политики. Так, повышение ключевой процентной ставки до 2,5% в 2017–2019 гг. вызвало открытое недовольство Д. Трампа, позволившего себе назвать назначенного им же Председателя Совета управляющих ФРС Дж. Пауэлла «врагом США». Однако после возврата к политике отрицательных ставок экс-президент тут же заявил, что глава ФРС начал «оправдывать его надежды»¹⁵².

Независимость Дж. Пауэлла в принятии решений и быстрая реакция ФРС на кризис, вызванный пандемией, стали основными причинами решения Президента Дж. Байдена выдвинуть его на второй срок, который начался в феврале 2022 г.¹⁵³ Такой шаг вызывал критику левого крыла Демократической партии, считающего республиканца Пауэлла выдвиженцем Трампа и сторонником либерализации регулирования финансовой системы страны.

Вместе с тем о стремлении Байдена усилить надзор над Уолл-стрит говорит его выбор в пользу демократки Л. Брейнард на позицию заместителя Председателя Совета управляющих ФРС, а также попытка выдвижения неоднозначной С. Омаровой на должность финансового контролера в Минфине США. Уроженка Казахстана и выпускница МГУ известна радикальными взглядами по усилению присутствия государства в финансовой системе, и ее кандидатура вызвала серьезную озабоченность в республиканских кругах.

Даже если в период президентства Дж. Байдена и произойдет определенный сдвиг в сторону левой повестки в американской денежно-

---

¹⁵² Трамп заявил, что глава ФРС стал оправдывать его надежды / ТАСС, 1 июля 2020 г. // URL: <https://tass.ru/ekonomika/8864589>

¹⁵³ Байден повторно выдвинет Джерома Пауэлла на пост главы ФРС / РИА Новости, 22 ноября 2021 г. // URL: <https://ria.ru/20211122/pauell-1760213981.html>

кредитной политике, то вряд ли от весьма консервативной и преемственной стратегии ФРС следует ожидать резких изменений, по крайней мере до тех пор, пока в экономике наблюдается устойчивый рост и относительно высокая занятость.

2.3. Главные вызовы для государственной экономической политики США в начале третьего десятилетия XXI века

С начала президентства Дж. Байдена экономика США находится в весьма противоречивом состоянии. Несмотря на впечатляющий рост ВВП в 2021 г. на 5,7%¹⁵⁴ и высочайшие показатели занятости (уровень безработицы по итогам января 2022 г. – 4%¹⁵⁵), американская экономика столкнулась с новой, не виданной долгие годы проблемой – рекордной за 40 лет инфляцией (в 2021 г. составила 7%)¹⁵⁶. Кроме того, сохраняется необходимость в комплексной перестройке национального хозяйства после пандемии, которую администрация планирует реализовать с помощью масштабной повестки «Построить лучше, чем было» (Build Back Better Plan). Таким образом, можно выделить два наиболее острых и обсуждаемых в настоящее время экономических вызова для США, которые относятся к сферам денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики соответственно – борьба с инфляцией и реализация обширных программ государственных расходов.

Со времен описанной в предыдущем разделе стагфляции во второй половине 1970-х годов инфляция стала для экономики США практически забытым словом. Как демонстрирует рис. 2.2, с 1982 г. рост цен в США почти всегда находился в приемлемом коридоре 1–4%, что свидетельствует о

---

¹⁵⁴ Gross Domestic Product, Fourth Quarter and Year 2021 (Advance Estimate) / U.S. Bureau of Economic Analysis, 27 January 2022 // URL: <https://www.bea.gov/news/2022/gross-domestic-product-fourth-quarter-and-year-2021-advance-estimate>

¹⁵⁵ The Employment Situation January 2022 / Bureau of Labor Statistics. U.S. Department of Labor, 4 February 2022 // URL: <https://www.bls.gov/news.release/pdf/empsit.pdf>

¹⁵⁶ U.S. Inflation Hits 39-Year High of 7%, Sets Stage for Fed Hike / Bloomberg, 12 January 2022 // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-12/inflation-in-u-s-registers-biggest-annual-gain-since-1982>

здоровом подъеме деловой активности и предсказуемых доходностях на кредитном рынке.

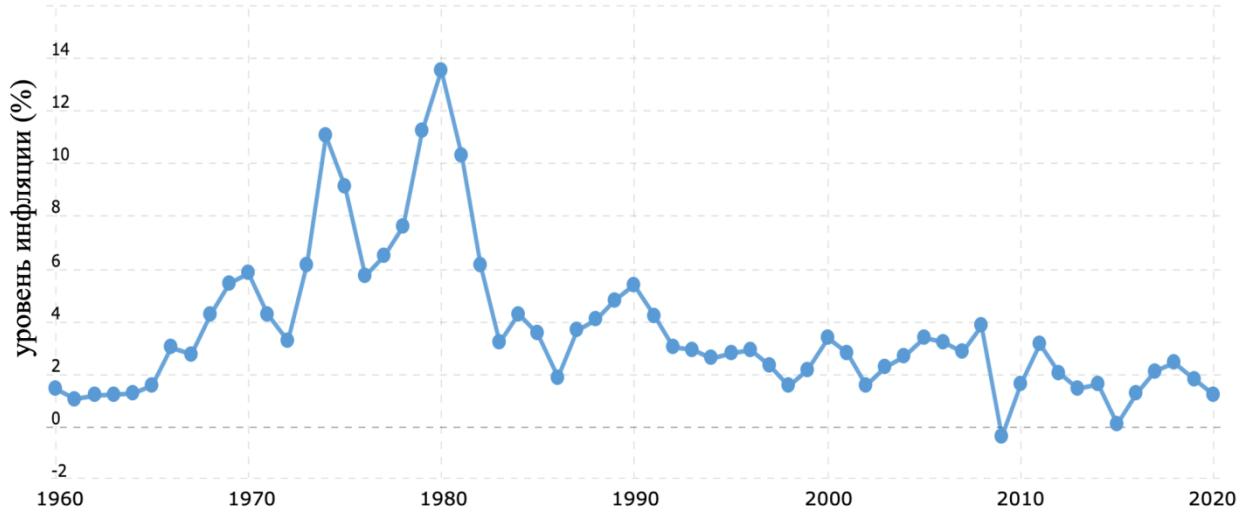

Рисунок 2.2. Уровень инфляции в США в 1960-2020 гг., %.

Источник: составлено автором на основе World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

В период острых кризисов, как в 2009 г. и весной 2020 г., наблюдалась дефляция или снижение общего уровня цен, но американская экономика сравнительно быстро возвращалась к умеренной инфляции, способствующей развитию национального хозяйства.

К росту цен не приводила даже проводимая последние пятнадцать лет мягкая денежно-кредитная политика. В условиях полностью монетизированного спроса прирост денежной массы и низкие ставки не увеличивали спрос, а вели к росту сбережений в форме увеличения стоимости активов. Большинство экономистов перестали ожидать инфляцию, не опасаясь ее возникновения из-за монетарных факторов. Но оказалось, что рост цен могут вызывать совершенно иные причины, как это внезапно и произошло в 2021 г.

Из-за эпидемиологических ограничений в связи с пандемией COVID-19 образовались значительные перебои в поставках товаров в развитые страны. Остановка производства и отгрузки на месяцы, перевод офисов в удаленный режим работы, периодические карантины среди наемного персонала – все это

привело к логистическим пробкам и сбоям поставок, сохраняющимся и по сей день. Рождественский сезон в Северной Америке и Европе, совпавший по времени с распространением нового штамма коронавируса «Омикрон», еще более усугубил ситуацию. В результате средняя цена перевозки стандартного контейнера в мире увеличилась с 3 тыс. долл. в декабре 2020 г. до 10 тыс. долл. в январе 2022 г.¹⁵⁷ При этом в регионах, не так сильно затронутых пандемией, – Китае и Юго-Восточной Азии – пути поставок увеличились незначительно, и инфляция осталась низкой.

В качестве другой причины инфляционного скачка выделяют резко возросший спрос на товары. В период «локдаунов» и карантинов население значительно уменьшило потребление услуг и перенаправило освободившиеся средства на закупку товаров, которые теперь требуются в большем количестве или в новом качестве. К тому же в пандемию возник целый пласт новых товаров (маски и респираторы, дезинфекторы, концентраторы кислорода, специфические лекарства) и сервисов (доставка на дом в огромных масштабах, вакцинирование, взятие тестов).

Свою роль в разгоне инфляции сыграло и существенное отвлечение людей из трудовых ресурсов из-за заболеваний, компенсационных выплат, раннего выхода на пенсию и задержек с выходом на работу у молодежи. Кроме того, все больше людей стало участвовать в раздутом рынке ценных бумаг, поощряя его безудержный рост в 2020–2021 гг.

Отмечается и злоупотребление инфляционными ожиданиями и манипулирование спросом со стороны производителей. Понимая, что, например, на рынке новых автомобилей США падение предложения на несколько процентов увеличивает цены на 15%¹⁵⁸, автоконцерны стали сокращать производство, наращивая прибыль. Жертвой такой политики стали

---

¹⁵⁷ Global container freight rate index from July 2019 to January 2022 / Statista // URL: <https://www.statista.com/statistics/1250636/global-container-freight-index/>

¹⁵⁸ Итоги 2021 года от Андрея Мовчана: факторы инфляции. Часть 1 / Movchan Group, 1 декабря 2021 г. // URL: <http://movchans.com/ru/publications-2/>

прежде всего высокотехнологичные сферы, связанные с электроникой и использованием полупроводников.

Большинство экспертов склонны считать упомянутые факторы транзиторными, а текущий инфляционный скачок – временным. Действительно, по мере окончания компенсационных выплат, устранения перебоев в поставках и постепенного выхода глобальной экономики из пандемии многие причины роста цен должны устраниться сами собой. Вот только на фоне постпандемийных лет продолжающаяся высокая инфляция становится одним из главных страхов для широких слоев населения и основной угрозой для экономического роста не только в США, но и во всем мире.

На долгосрочный и структурный характер инфляции указывает и расчет ее базового показателя, очищенного от сезонных, административных и прочих волатильных факторов. В американской статистике из базовой инфляции исключаются цены на продукты питания и энергоносители.

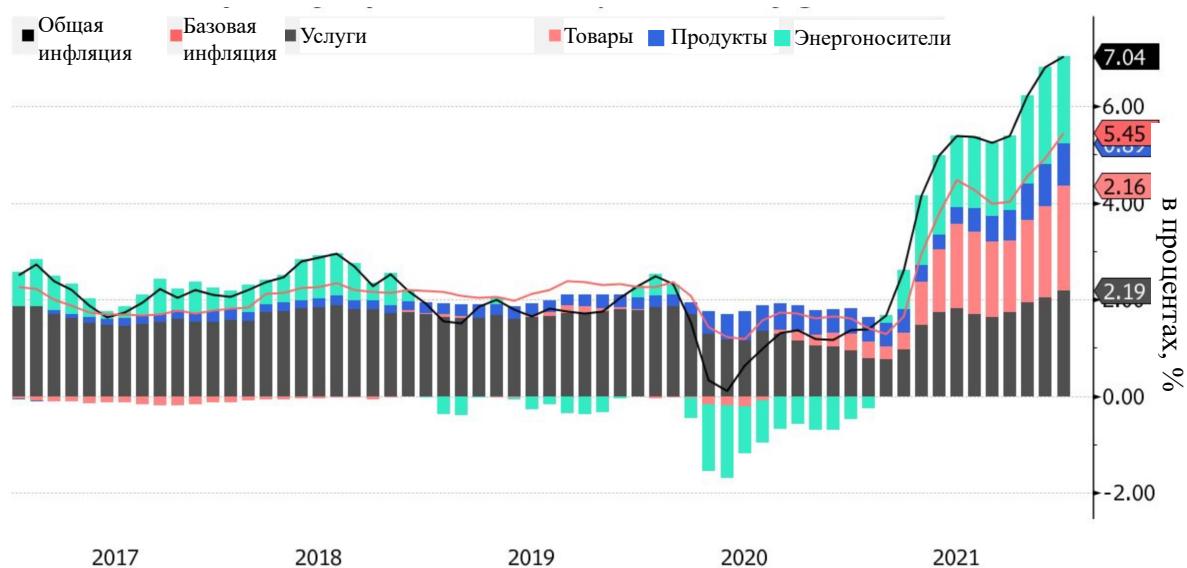

Рисунок 2.3. Компоненты инфляции в США по месяцам в 2017-2021 гг., %.

Источник: U.S. Bureau of Labor Statistics // URL: <https://www.bls.gov/>

Как показывает рис. 2.3, этот показатель в США в 2021 г. составил достаточно высокие 5,45%, что говорит о значительном вкладе структурных

факторов в общий рост цен в стране. Лидерами среди отдельных секторов, сформировавших базовую инфляцию в 2021 г., стали цены на недвижимость и транспортные средства. На общий же уровень инфляции большое влияние оказал стремительный рост цен на энергоносители на протяжении всего года.

При высоких темпах экономического роста, продемонстрированных США в 2021 г., подобный уровень инфляции не несет критической угрозы. Однако в условиях неминуемого замедления экономики разрыв между инфляцией и скоростью роста ВВП может спровоцировать «инфляционную спираль»: закрепление дефицитов, демонетизацию спроса и неконтролируемый рост цен при стагнации экономики. Сорок лет назад остановить его помогла жесткая монетарная политика, и, похоже, в настоящее время Федеральная резервная система решила пойти аналогичным путем.

В текущем году дисконтная ставка по федеральным фондам повышалась уже трижды, причем каждый раз – все более резко: сначала на 0,25%, позже – на 0,5%, а в июне 2022 г. – сразу на 0,75%. Вместе с тем сейчас у ФРС остается большее пространство для маневра и возможных обратных мер в связи с тем, что экономика страны по-прежнему переживает высокий уровень занятости и рост ВВП.

Безусловно, монетарные власти США учитывают, что сохранение низких ставок при высокой инфляции играет на руку решению другой проблемы американской экономики – растущего государственного долга. При текущих темпах роста цен всего за десять лет его стоимость снизится для США на 80%. Более того, комбинация разумной инфляции и низких ставок стимулирует подъем на рынке акций (основа пенсионной и страховой системы страны и накоплений большей части американцев), а также снижает стоимость валюты, повышая конкурентоспособность национальной экономики.

Инфляционная проблема уже влияет и продолжит влиять на достижение главной цели экономической политики администрации Дж. Байдена – реализации повестки «Построить лучше, чем было» (Build Back Better Plan). Как было описано в разделе про кейнсианские методы обеспечения

экономического роста, данный план предполагает масштабные реформы и государственные расходы для построения современной инфраструктуры, улучшения образования и общественных услуг, развития современных технологий в промышленности, а также достижения углеродной нейтральности в энергетике и охраны окружающей среды.

Первая часть плана в виде «Американского плана спасения» (American Rescue Plan) стоимостью 1,9 трлн долл. была принята без проблем еще в марте 2021 г. благодаря насущности проблемы пандемии и использования процедуры согласования бюджета. Но куда более важной для Дж. Байдена стала борьба за реализацию долгосрочной задачи – решения структурных проблем американской экономики через ряд законодательных и налогово-бюджетных стимулов.

Демократам и республиканцам в Сенате и Палате представителей, несмотря на ставшие обычными разногласия и диаметральные позиции, удалось совместно разработать и принять двухпартийный Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места, который избранный президент подписал 15 ноября 2021 г.¹⁵⁹

Акт предполагает расходы общей суммой в 1,2 трлн долл. в физическую инфраструктуру страны – один из наиболее проблемных секторов американской экономики, давно требующий комплексного обновления и внимания со стороны государства. Действительно, оценки состояния национальной инфраструктуры в последние годы были удручающими: в 2020 г. Американское общество инженеров-строителей понизило ее рейтинг сразу на несколько ступеней, а в соответствующем рейтинге Всемирного экономического форума по уровню развития инфраструктуры США опустились на 13-е место, хотя еще несколько лет назад занимали пятое¹⁶⁰.

---

¹⁵⁹ Public Law 117-58 – Nov. 15, 2021. An Act to authorize funds for Federal-aid highways, highway safety programs, and transit programs, and for other purposes. // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-117publ58/pdf/PLAW-117publ58.pdf>

¹⁶⁰ Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с китайским акцентом. / США & Канада, выпуск № 12, 2021 г. – С. 88.

Участились сбои в электро-, тепло- и водоснабжении американских городов, в том числе не только из-за природных, но и антропогенных факторов.

Как видно из рис. 2.4, наибольший объем средств в рамках закона предполагается выделить на строительство дорог и мостов (110 млрд долл.), энергетическую инфраструктуру (73 млрд долл.) и железнодорожный транспорт (66 млрд долл.), а также развитие широкополосной сети Интернет (65 млрд долл.). Кроме того, предполагаются инвестиции в совершенствование портовой инфраструктуры и улучшение систем водоснабжения – двух направлений, по которым США в последние десятилетия стали отставать не только от европейских, но и от азиатских конкурентов.

Рисунок 2.4. Основные статьи расходов, предусмотренные Законом об инвестициях в инфраструктуру 2021 г., млрд долл.

Источник: Составлено автором на основе информации с сайта <https://www.govinfo.gov>

В отличие от «Американского плана спасения», который был направлен на краткосрочное стимулирование спроса в период пандемии, Закон об инвестициях в инфраструктуру рассчитан аж до 2030 года и нацелен на

долгосрочное оживление производств, транспорта и логистики как основных составляющих предложения в экономике.

Этот закон – пример редкого в последние годы объединения ведущих законодателей двух ключевых партий для решения одной из наиболее острых проблем будущего экономического развития страны. Несмотря на это, акт подвергался значительной критике как со стороны консервативного крыла республиканцев, считавших его избыточным и дорогим, так и со стороны радикально настроенных левых демократов и активистов, требовавших больший объем инвестиций в «обетшалую» инфраструктуру страны и особый акцент на зеленой энергетике.

В результате компромиссный двухпартийный консенсусный акт урезает финансирование некоторых заложенных демократами расплывчатых приоритетов – таких, как смягчение расового и экономического неравенства, достижение «экологической справедливости», защита демократических ценностей и прав человека. Кроме того, не была поддержана инициатива Белого дома об оплате расходов на «Инфраструктурный план» за счет повышения корпоративных налогов и индексации налога на моторное топливо. Вместо этого акцент был сделан на привлечении ресурсов частных инвесторов, а также финансировании программы за счет налоговых льгот и расширения госзакупок.

Оправданный пессимизм присутствует и в отношении влияния закона на выполнение главного обещания Дж. Байдена – создание 18 млн рабочих мест за 4 года. Инфраструктурные инвестиции действительно способствуют увеличению занятости, прежде всего в строительном секторе, но не могут решить структурную проблему сокращения рабочих мест в обрабатывающей промышленности. Требования по задействованию только американских компаний и товаров для выполнения программы создадут определенные стимулы для деловой активности внутри страны, но вряд ли приведут к масштабному возвращению производственных мощностей в США.

Законопроект во исполнение повестки Дж. Байдена, получивший название «Акт «Построим лучше, чем было», предполагал еще больший объем средств – около 3,2 млрд долл. – на различные меры социальной поддержки (в том числе на пособия по уходу за ребенком и другие детские льготы – 600 млрд долл., медицинскую помощь на дому – 150 млрд долл., реформу здравоохранения – 120 млрд долл.), а также на продвижение чистой энергетики и борьбу с последствиями климатических изменений (до 555 млрд долл.).¹⁶¹

Тем не менее в ходе обсуждения в Сенате летом 2021 г. законопроект неожиданно подвергся критике со стороны отдельных представителей внутри демократической партии, считавших его слишком дорогим и опасным с точки зрения стимулирования разгонявшейся в то время инфляции. В итоге, при полном отсутствии поддержки инициативы со стороны республиканцев, голоса сомневающихся демократов оказались решающими для того, чтобы рассмотрение проекта было отложено на неопределенный срок.

Как показал 2022 год, в условиях рекордного роста цен, в том числе на энергоносители, и обсуждения планов ужесточения денежно-кредитной политики, вопрос наращивания социальных расходов и необязательных мер поддержки «зеленой» экономики становится абсолютно чуждым актуальной повестке дня государственной политики. А сворачивание этой идеи под давлением инфляции становится доказательством роста взаимозависимости между мерами монетарной и фискальной политики в нестабильной постпандемийной глобальной конъюнктуре.

Выводы по второй главе

Основной целью государственной экономической политики США является сохранение и укрепление мирового лидерства страны, а в качестве механизма обеспечения необходимого для этого экономического роста

---

¹⁶¹ The Build Back Better Framework. URL: <https://www.whitehouse.gov/build-back-better/>

используются инструменты налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики.

Доминировавшее в 1980–2000-е гг. неоклассическое направление в фискальной политике США сменилось на неокейнсианское в результате финансового кризиса 2008–2009 гг. и последующих потрясений мировой экономики. С тех пор и до настоящего времени беспрецедентно широко применяются именно кейнсианские методы государственного регулирования, включающие масштабное наращивание бюджетных расходов, в том числе для финансирования инфраструктурных проектов и прямой помощи населению и бизнесу, а также расширение социальных программ.

Подобные инструменты использовались всеми последними президентскими администрациями, независимо от их партийной принадлежности, с целью купирования разворачивающихся кризисных явлений еще до наступления прямых негативных последствий. Вместе с тем многие меры принимались интуитивно, без расчета долгосрочных эффектов и риска возрастания государственного долга. Самые масштабные бюджетные программы помощи последних лет связаны со спасением от банкротства крупнейших финансовых и промышленных компаний в 2008–2012 гг., содействием экономике в ходе пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг., а также реализацией планов Дж. Байдена по коренному обновлению инфраструктуры страны.

Денежно-кредитная политика занимает не менее важное место среди инструментов государственного регулирования экономики, содействующих сохранению и укреплению лидирующих позиций США в мировом хозяйстве. Ведущая роль в определении параметров этой политики и спектра используемых мер принадлежит Федеральной резервной системе, которая действует независимо от правительства и гибко корректирует курс в зависимости от ситуации в реальном секторе.

На рубеже 2000-х и 2010-х гг. произошла перестройка целей и комплекса мер монетарной политики от борьбы с инфляцией и высоких процентных

ставок в пользу стимулирования экономического роста через низкие ставки и увеличение предложения ликвидности. Заемствования на кредитном рынке, политика «нулевых» ставок и программы «качественного смягчения» позволили наполнить кризисную экономику «дешевыми» деньгами, оживить фондовые рынки и простимулировать инвестиционную активность в условиях слабой конъюнктуры. Кроме того, с помощью закона Додда – Франка и правила Волкера был усилен надзор за кредитными учреждениями, и ограничена их спекулятивная деятельность с целью воспрепятствования повтору кризисных явлений 2008–2009 гг.

Главными вызовами для государственной экономической политики США в начале третьего десятилетия XXI в. становятся разогнавшаяся инфляция и необходимость перестройки национального хозяйства после пандемии.

Рост цен в 2021 г. стал для США рекордным за четыре десятилетия и был вызван проблемами, накопившимися в результате ограничительных мер в связи с пандемией коронавируса. Проблемы с логистикой и поставками, с одной стороны, и повышение спроса на товары, с другой, привели к дефициту обширной номенклатуры и многократному возрастанию цены перевозок грузов. Несмотря на то, что текущий инфляционный скачок считается временным, он уже превратился в главную экономическую проблему для населения и государства, которое пытается остановить рост цен путем ужесточения фискальной политики через повышение процентной ставки.

Помимо борьбы с инфляцией, ключевой задачей экономической политики Дж. Байдена является реализация повестки «Построить лучше, чем было», которая подразумевает решение структурных проблем американской экономики в том числе через масштабные расходы на физическую инфраструктуру страны. В соответствии с принятым в ноябре 2021 г. законом на эти цели до 2030 г. будет потрачено 1,2 млрд долл., в том числе на обновление транспортной, портовой, энергетической, цифровой инфраструктуры, а также на улучшение систем логистики и водоснабжения.

Вместе с тем перспективы одобрения другой инициативы действующего президента – по различным мерам социальной поддержки и борьбы с последствиями климатических изменений – весьма туманны в условиях рекордного роста цен и энергетического кризиса.

В постпандемийной глобальной конъюнктуре, усугубленной обострением геополитической нестабильности, последствия решений в монетарной и фискальной политике США становятся особенно чувствительными для национальной и мировой экономики. Всплеск инфляции, сопровождающийся энергетическим и продовольственным кризисами, ставит под угрозу возможность дальнейшего широкого использования стимулирующих налогово-бюджетных и денежно-кредитных инструментов для поддержания экономического роста и благосостояния американских граждан.

ГЛАВА 3. ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА США КАК ОСНОВА АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА

3.1. Становление и современные особенности финансовой системы США

Весомую роль в обеспечении и сохранении экономического лидерства США играет финансовая система страны, опережающая по своей сложности и глубине любое другое государство. В условиях новой технологической революции к началу второго десятилетия XXI в. в США сложилась новая экономическая система, базирующаяся на приоритете в технологиях, доминировании в мировой финансовой системе и обновленной социально-экономической модели¹⁶². В Глобальном индексе конкурентоспособности американской финансовой системе присвоен один из высших баллов (91 из 100) и отдано первенство в таких областях, как доступность венчурного капитала, объемы кредитования и финансирование малого и среднего бизнеса¹⁶³.

Финансовый рынок США можно охарактеризовать как пространство, в котором происходит движение денежных ресурсов и взаимодействие между различными субъектами с целью привлечения и последующего инвестирования этих ресурсов.

Финансовая система, работающая в таких условиях, реализует для национальной экономики и общества ряд таких полезных функций, как:

- мобилизация свободных финансовых ресурсов и их превращение в инвестиции;

---

¹⁶² Булатов А.С. Новые идеи о финансовой трансформации мировой экономики (рецензия на книгу: В. Иноземцев. Экономика без догм: как США создают новый экономический порядок) / А. С. Булатов // Мировое и национальное хозяйство. – 2022. – № 2(59). – С. 83–86. – EDN IZLMCT.

¹⁶³ The Global Competitiveness Report 2019 / World Economic Forum // <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth>

- перераспределение денежных средств между различными субъектами и отраслями экономики;
- обеспечение расчетами сделок в реальном секторе;
- оценка стоимости и деятельности компаний и отдельных проектов с учетом различных рисков;
- снабжение участников рынка важной финансовой информацией, позволяющей оценивать динамику экономических процессов и принимать грамотные инвестиционные решения.

В структуре финансового рынка США в настоящее время преобладающую долю занимают институциональные инвесторы (накопительные пенсионные фонды – 21%, фонды коллективного страхования – 21%, страховые компании – 10%), в то время как доля банков снизилась до 20%¹⁶⁴. Такая структура отвечает тенденциям развития финансовых систем в XXI в. и является логичным следствием эволюции рынка капитала США во второй половине предыдущего столетия.

Ключевым процессом, протекавшим в финансовой сфере в то время, являлась консолидация и универсализация банковской деятельности, которая привела к укрупнению и сокращению числа кредитных учреждений в США с 30 тыс. в 1960 г. до менее 10 тыс. к 2000 г.¹⁶⁵ Благоприятными факторами для развития рынка капитала стали также длительный цикл роста американской экономики с начала 1980-х гг. и целый ряд стимулирующих финансовую сферу законов и нормативных документов. Среди них следует выделить прежде всего закон о финансовой модернизации Грэмма – Лича – Блейли 1999 г., который фактически устранил ограничения для крупных банковских компаний и разрешил им реорганизовываться в холдинги, владеющие коммерческими, инвестиционными банками и страховыми компаниями¹⁶⁶.

---

¹⁶⁴ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 46.

¹⁶⁵ Там же, с. 47.

¹⁶⁶ The Financial Services Modernization Act (the Gramm–Leach–Bliley Act) [adopted on November 19, 1999] // <https://www.govinfo.gov/>

В результате к моменту финансового кризиса 2008 г. в США сформировалось около 500 крупных финансовых холдингов с активами на сумму свыше 10 трлн долл.¹⁶⁷, выполнивших весь набор операций с капиталом и игравших главную роль на ипотечном рынке и в связанном с ним секторе производных финансовых инструментов – деривативов.

Как видно из табл. 3.1, стоимость активов пяти крупнейших банковских холдингов США увеличилась за последние 20 лет более чем в 6 раз: с 1,8 до 11,3 трлн долл. США. При этом, что характерно для развитой и насыщенной финансовой системы, состав «большой пятерки» банков абсолютно не поменялся (с учетом поглощения Wachovia Bank банком Wells Fargo Bank в 2008 г.).

Таблица 3.1. Динамика стоимости активов крупнейших банков США в 2000 и 2021 гг.

На конец 2000 г.		На конец 2021 г.	
Название банка	Активы, млрд долл.	Название банка	Активы, млрд долл.
1. Bank of America	584,3	1. JP Morgan Chase Bank	3 307,0
2. Citigroup	382,1	2. Bank of America	2 520,0
3. JP Morgan Chase Bank	377,1	3. Wells Fargo Bank	1 779,5
4. Goldman Sachs	231,8	4. Citigroup	1 669,2
5. Wachovia Bank*	185,8	5. Goldman Sachs	1 532,7

* Wachovia Bank поглощен Wells Fargo Bank в 2008 г.

Источник: Составлено автором по данным US Banks Locations // URL: <https://www.usbanklocations.com/bank-rank/total-assets.html>

Финансовый кризис 2008–2009 гг., вопреки накопившимся в банковской сфере проблемам, привел к дальнейшей универсализации этого рода деятельности. Так, ради получения финансовой поддержки со стороны Федеральной резервной системы США два крупнейших инвестиционных банка – Morgan Stanley и Goldman Sachs – были вынуждены перерегистрироваться в качестве банковских холдингов.

---

¹⁶⁷ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 48.

Примечательным атрибутом финансово-экономического кризиса стало явление, именуемое *too big to fail* – «слишком велик, чтобы позволить его крушение», которое описывало финансовые учреждения настолько большие и имеющие такое количество связей, что их банкротство имело бы катастрофические последствия для экономики в целом. Необходимость спасения этих финансовых гигантов нерыночными способами потребовало от США изменения регулятивной политики и вылилось в принятие в 2010 г. закона Додда – Франка¹⁶⁸. Множественные ограничения, введенные этим актом, были призваны снизить риски текущих банковских операций, не допустить чрезмерных слияний и поглощений, ввести лимиты на применение новых финансовых инструментов.

Как было отмечено ранее, банковские холдинги уступают по объему сбережений и активов группе институциональных инвесторов, куда входят накопительные пенсионные фонды, инвестиционные фонды и страховые компании. Так, пенсионные фонды оперируют ресурсами, которые превышают ВВП страны и формируются из накоплений всех категорий работников. Эти накопления трансформируются с помощью инструментов рынка ценных бумаг и банковского кредитования в инвестиции в различные секторы экономики, что служит наглядным свидетельством их огромного значения в финансовой системе и экономике США.

Более современным и динамичным элементом рынка капитала США являются взаимные фонды разных видов, рост активов которых отражает увеличение доходов населения и повышение степени его участия в операциях на финансовом рынке. Инвестиционные фонды являются крупнейшими акционерами как компаний реального сектора, так и банковских холдингов, что приводит к переплетению и гиперконцентрации капитала. Так, крупнейший взаимный фонд в мире The Vanguard Group управляет активами

---

¹⁶⁸ Dodd–Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act [adopted on July 21, 2010] // <https://www.govinfo.gov/>

на сумму свыше 7,5 трлн долл.¹⁶⁹ и владеет мажоритарным пакетом акций таких международных ТНК, как Apple, Microsoft, ExxonMobil, и Amazon.

Одним из видов инвестиционных фондов являются хедж-фонды, известные своими рискованными операциями и применением новейших инструментов на финансовом рынке. В начале XXI в. хедж-фонды сыграли ведущую роль в расширении использования деривативов: форвардов, опционов, фьючерсов, свопов и других производных финансовых инструментов, которые к настоящему времени сформировали свой собственный рынок. Бесконтрольное использование деривативов далеко за пределы обоснованных возможностей экономики считается одной из основных причин финансового кризиса. Так, перед самым его началом объем сделок по деривативам составлял свыше 15 трлн долл., что в 25 раз превышало объем рынка их базисных активов (595 млрд долл.¹⁷⁰).

Несмотря на определенное ограничение деятельности хедж-фондов законом Додда – Франка, они остаются примером управления гигантскими денежными ресурсами и умелого использования новейших технологий для обеспечения большей прибыльности вложений.

В США интересы отмеченных выше частных институтов тесно пересекаются с задачами финансирования государственных расходов и управления дефицитом бюджета через такой инструмент, как государственные облигации. Бюджетные дефициты образуются вследствие роста социальных и военных расходов, проведения антикризисных правительственные программ, а также сокращения доходов государства ввиду различных структурных и конъюнктурных факторов.

Впервые возможность масштабного дефицитного финансирования была допущена федеральным правительством для выхода из Великой депрессии и наращивания военных расходов в период Второй мировой войны, когда

---

¹⁶⁹ Официальный сайт The Vanguard Group // URL: <https://investor.vanguard.com/corporate-portal/>

¹⁷⁰ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 64.

дефицит составлял 20–30% ВВП. Правда, начиная с 1950-х гг. и до мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. бюджет США сводился с незначительным дефицитом (до 6%) или даже профицитом, как в 1998–2001 финансовых годах (см. рис. 3.1).

В результате масштабных стимуляционных финансовых программ президента Б. Обамы в 2009–2012 фин. годах дефицит был на высоком уровне в 8–9% ВВП, превышая в абсолютных значениях 1 трлн долл. В 2013–2019 гг. благодаря возросшим налоговым поступлениям и ускорению экономического роста дефицит федерального бюджета несколько снизился, но в 2020 г. на фоне траты огромных средств на борьбу с последствиями пандемии COVID-19 он достиг беспрецедентного объема в 3,1 трлн долл. (14,9% от ВВП).

В 2021 фин. году превышение доходов над расходами федерального бюджета составило чуть менее 3 трлн долл. При этом в последние два года сложилась уникальная ситуация, когда размер дефицита приближается к совокупным доходам государства.

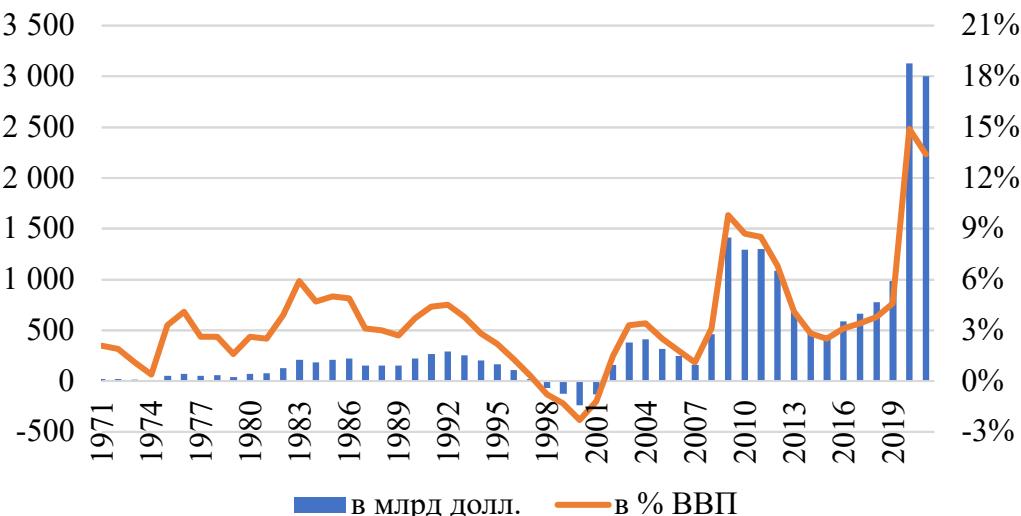

Рисунок 3.1. Дефицит (профицит) бюджета федерального правительства США в 1971–2021 финансовых годах, в млрд долл. и в % от ВВП

Источник: составлено автором по данным Office of Management and Budget и Congressional Budget Office.

Дефицитное финансирование государственных антикризисных программ является одним из главных инструментов экономической политики

Соединенных Штатов, активно поддерживаемым, несмотря на партийные разногласия, и демократами, и республиканцами.

Естественно, что стабильное наращивание дефицитов госбюджета неминуемо приводит к росту национального государственного долга как в номинальных значениях, так и относительно ВВП страны.

Как видно из рис. 3.2, величина госдолга по отношению к ВВП варьировалась в разные периоды. Так, в начале XX в. он составлял лишь 10% ВВП и впервые значительно вырос после Первой мировой войны. Катализатором наращивания бюджетного дефицита стала Великая депрессия 1929–1933 гг., после которой госдолг достиг 40% ВВП, при этом в абсолютных значениях составляя всего 27 млрд долл. Таким образом, рост долга к ВВП увязывается с этапами данных процессов (долг начинает расти после прекращения размена доллара на золото и уменьшения положительного торгового баланса и возникновения отрицательного сальдо).

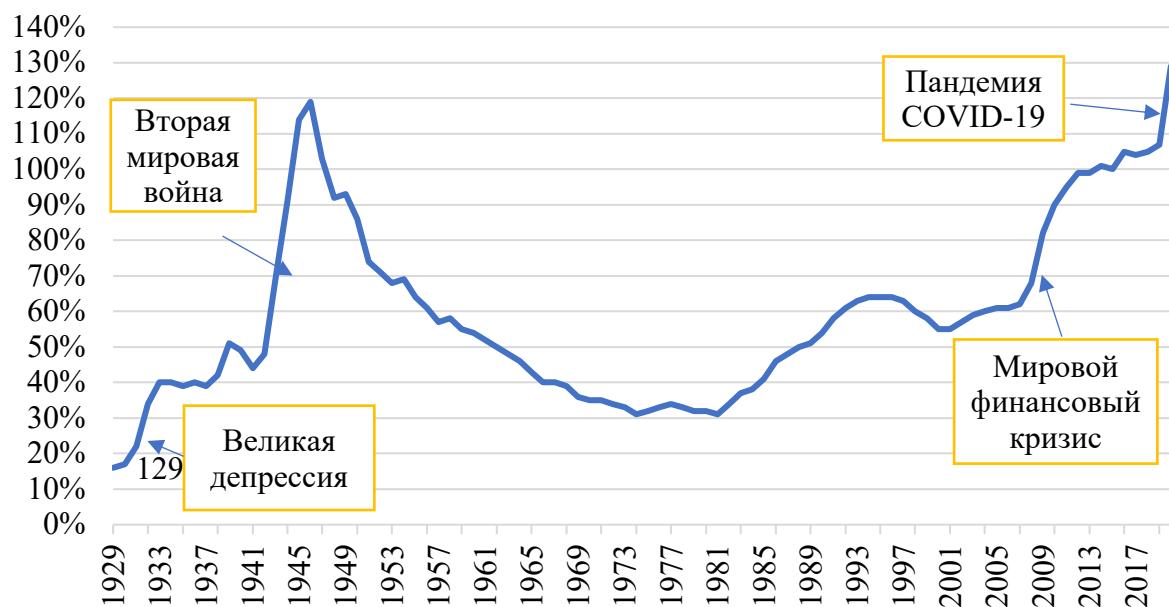

Рисунок 3.2. Отношение государственного долга к ВВП в США в 1929–2019 гг., в %.

Источник: Составлено автором по данным U.S. Department of Treasury и Bureau of Economic Analysis

На волне роста госрасходов в ходе Второй мировой войны к 1946 г. госдолг достиг отметки в 120% ВВП, которая оставалась рекордной на протяжении следующих 74 лет. По мере опережающего развития экономики в послевоенные годы отношение объема федерального долга к ВВП постепенно снизилось до 32% в 1974 г., но в последующие 20 лет этот показатель снова вырос до ощутимых 66% ВВП.

После периода значительного экономического роста и профицитного бюджета во второй половине 1990-х гг. государственный долг вновь сократился до 56% ВВП, но в начале XXI в. его рост уже было не остановить: при администрации Дж. Буша-младшего он поднялся до 68% ВВП в 2008 г., а по итогам всех принятых правительством антикризисных мер – до 99% ВВП в 2011 г. Наконец, последнее критическое увеличение госдолга произошло уже на фоне пандемии коронавируса в 2020 г. В результате по итогам 2022 года государственный долг достиг огромных 27,7 трлн долл., а его отношение к ВВП стало рекордным за всю американскую историю – 129%.

Такое резкое наращивание дефицитов и сопутствующий рост госдолга до колоссальных объемов многими оценивается как катастрофически опасная тенденция, которая неминуемо приведет к дефолту или масштабному кризису всей американской финансовой системы. Вместе с тем эти оценки не учитывают ряд ее принципиальных особенностей, отличающих госдолг и эмиссионную политику США от всех других государств.

Во-первых, в условиях отсутствия «привязки» доллара к золоту и превращения американской национальной валюты в мировое платежное средство увеличение денежной массы в США позволяет стране создавать дополнительный спрос на иностранные товары и оставаться крупнейшим рынком сбыта, стимулируя экономическое развитие во всех уголках мира. Это один из аспектов лидерства США и основа современного этапа развития международной финансовой системы.

Во-вторых, государственный долг США представляет собой нечто совершенно иное, чем кредитная задолженность развивающихся стран. Для

займов американское правительство выпускает государственные (казначейские) облигации, принимая на себя обязательство выплатить держателям большую сумму в долларах, не гарантируя, сколько она будет составлять в других валютах или какова будет ее покупательная способность. В итоге правительство не испытывает никаких проблем с получением денег для выплат по долгу: в случае необходимости, как в период кризиса, вызванного пандемией, практически все выпущенные облигации тут же принимаются на баланс ФРС, то есть бюджет финансируется эмиссионными деньгами.

Облигации в данном случае являются привлекательным и безрисковым объектом для капиталовложений со стороны как институциональных инвесторов, так и иностранных центральных банков для пополнения своих международных валютных резервов.

Таким образом, США удается в значительной мере перекладывать издержки антикризисных мер на национальных и иностранных держателей американских облигаций. Однако следует учитывать, что это возможно только благодаря безупречной репутации ценных бумаг, выпускаемых Вашингтоном, которые, в свою очередь, обеспечены надежностью самой финансовой системы страны и ее особым местом в мировой экономике. У участников международного финансового рынка существует понимание, что именно американские казначейские облигации имеют наивысшую степень обеспечения, поскольку за ними стоят крупнейшая экономика мира и валюта, служащая основным мировым резервным и расчетным средством.

Данный факт обуславливает чрезвычайно низкие процентные ставки по гособлигациям США, которые с учетом инфляции превращаются в отрицательные. Если в 1990 г. доходность по 10-летним казначейским облигациям составляла около 8%, то к 2000 г. она снизилась до 5%, к 2010 г. – до 3%, а в период кризиса COVID-19 она опускалась ниже 2%¹⁷¹. В этих

---

¹⁷¹ Daily Treasury Yield Curve Rates / U.S. Department of the Treasury // URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/interest-rates/>

условиях в последние несколько лет сложилась парадоксальная ситуация, когда устойчивый рост государственного долга происходил на фоне сокращения относительной стоимости его обслуживания. Если в 2007 г. американское правительство направило на эти цели 430 млрд долл. при объеме долга в 9 трлн долл. (4,7%), то в 2020 г. – 522 млрд долл. при 27,7 трлн долл. долга (1,8%)¹⁷².

Необходимо отметить, что наиболее обсуждаемая часть долга – задолженность федерального правительства перед иностранными держателями гособлигаций – составляет только 7,1 трлн долл., или 29% от общего объема казначейских облигаций (см. рис. 3.3). Основными иностранными кредиторами США на конец 2020 г. были Япония – 1,25 трлн долл., Китай – 1,07 трлн долл., Великобритания – 440 млрд долл., Ирландия – 318 млрд долл. и Люксембург – 288 млрд долл.¹⁷³

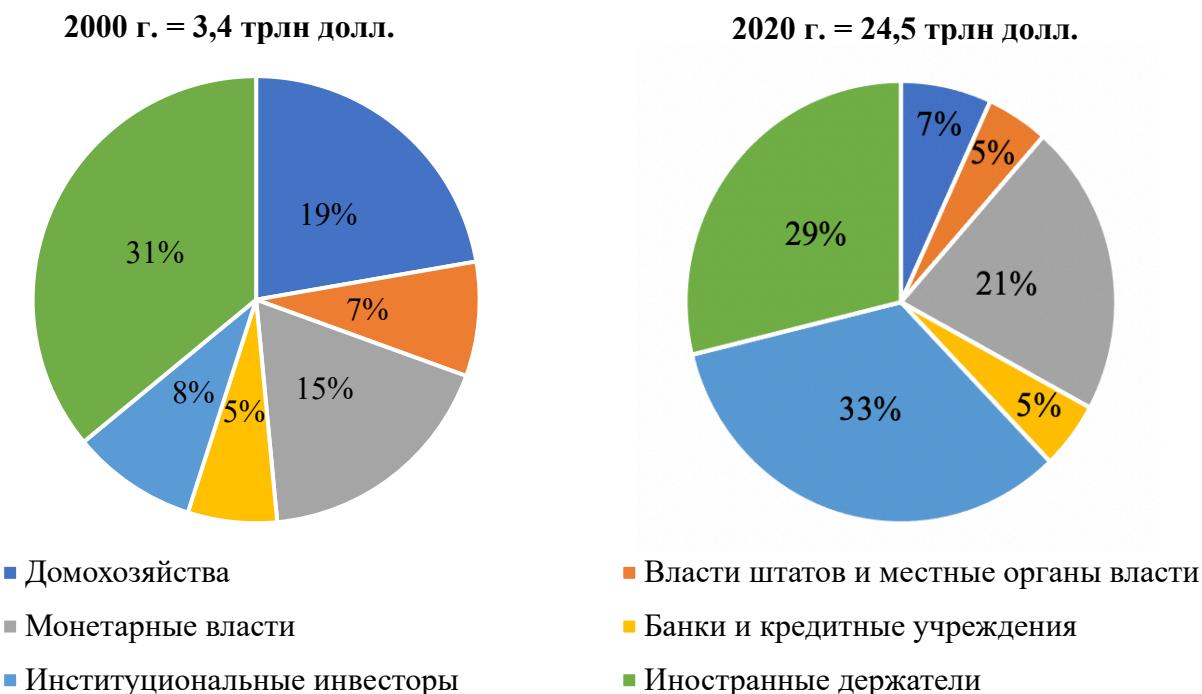

Рисунок 3.3. Структура основных держателей казначейских облигаций США в 2000 и 2020 гг., в %.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Major Foreign Holders of Treasury Securities / U.S. Department of the Treasury // URL: <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>

Источник: Составлено автором по данным Financial Accounts of the United States.

Главными же держателями гособлигаций США являются институциональные инвесторы (7,7 трлн долл. на конец 2020 г.¹⁷⁴) – пенсионные фонды, страховые компании и другие американские финансовые учреждения. При этом их доля за последние 20 лет увеличилась в четыре раза – с 8% до 33%.

Заметно выросли объем и доля казначейских облигаций в распоряжении Федеральной резервной системы – с 512 млрд долл. (15%) в 2000 г. до 4,8 трлн долл. (21%) благодаря реализации нескольких программ количественного смягчения – насыщения банковской системы ликвидными деньгами путем выкупа значительного объема долговых ценных бумаг. Эта политика в сочетании с низкими процентными ставками позволяет обеспечить бизнес достаточным объемом денежных ресурсов.

Таким образом, лидирующее положение США на рынке капитала позволяет стране достаточно безопасно и устойчиво наращивать государственный долг. В связи с этим многие эксперты, в том числе В.Б. Супян¹⁷⁵, М.А. Портной и В.Л. Иноземцев, прогнозируют возможность дальнейшего увеличения задолженности США, вплоть до 300% ВВП и более¹⁷⁶, без серьезной дестабилизации финансовой системы.

При этом отметим такой уникальный инструмент контроля уровня госдолга в США, как установление его верхнего значения Конгрессом. Исторически в экономике США каждый выпуск долговых обязательств правительства должен был одобряться законодателями, но после Первой мировой войны решено было перейти к модели установления максимального

---

¹⁷⁴ Портной М.А. Новый этап в судьбе государственного долга США / Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – Вып. № 4 // URL: <http://rusus.jes.su>

¹⁷⁵ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – С. 19.

¹⁷⁶ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок. // Альпина Паблишер, 2021. – С. 186.

потолка долговой нагрузки государства. С тех пор он повышался Конгрессом около 100 раз, в большинстве случаев без особых проблем.

Однако впервые в 1995 г. при администрации Б. Клинтона, а позже в 2011 и 2013 гг. при Б. Обаме разногласия между демократами и республиканцами приводили к затягиванию решения по долгу и принятия нового бюджета, из-за чего некоторые правительственные учреждения вынуждены были приостанавливать работу. В 2011 г. рейтинговое агентство Standard & Poors даже впервые в истории понизило кредитный рейтинг США на одну ступень.

В 2019 г. эта проблема была временно решена благодаря взятому Д. Трампом мораторию на установление потолка госдолга на два года. Однако в конце 2021 г. увеличившийся за это время почти на 30% долг потребовал нового решения Конгресса на фоне ожесточенного противодействия со стороны республиканцев планам Дж. Байдена по значительному наращиванию государственных расходов. Сделка между лидерами демократического большинства и республиканского меньшинства в Сенате позволила смягчить требования по минимальному числу необходимых для прохождения законопроекта голосов, и 14 декабря 2021 г. обе палаты Конгресса поддержали документ о новом повышении потолка государственного долга на 2,5 трлн долл. – до 31,4 трлн долл. Эта сумма позволит покрыть потребности администрации Дж. Байдена до 2023 г., то есть и в ходе промежуточных выборов 8 ноября 2022 г.¹⁷⁷ Также имеются основания предполагать, что повышение потолка государственного долга будет происходить и в будущем.

Несмотря на риски, связанные с необходимостью регулярного утверждения новых потолков государственной задолженности, большинство экспертов не считает их особо опасными для финансовой системы США и

---

¹⁷⁷ Конгресс США поддержал повышение потолка госдолга / Deutsche Welle, 15 декабря 2021 г. // URL: <https://www.dw.com/ru/kongress-ssha-podderzhal-povyshenie-potolka-gosdolga/a-60124542>

оценивает вероятность технического дефолта по федеральным обязательствам как чрезвычайно низкую.

Еще одним важным моментом, который необходимо учитывать при оценке устойчивости американской экономики и финансов, является размер и динамика не только государственного, но также корпоративного долга и обязательств домохозяйств. Несмотря на частые разговоры о закредитованности американских фирм и граждан, статистика демонстрирует обратное: корпоративный долг в США в последние тридцать лет оставался в пределах 39–45% от ВВП (см. рис. 3.4), что значительно ниже показателей других развитых и развивающихся государств (у Германии – 57%, Японии – 103%, Китая – 154%).

В последний год ситуация несколько изменилась. На фоне масштабного вливания государственных средств в экономику ставки по корпоративным облигациям снизились до исторически низких отметок в 1,75%, что позволило многим корпорациям, особенно потерпевшим убытки в период пандемии, дешево занять огромный объем средств и рефинансировать свои старые обязательства.

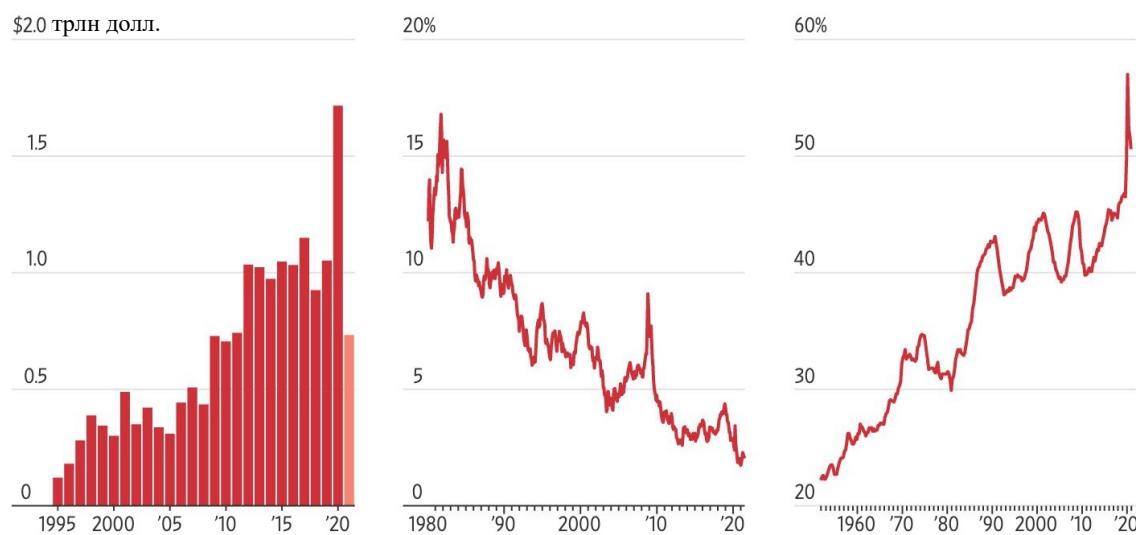

Рисунок 3.4. Выпуск облигаций нефинансовыми компаниями США*, трлн долл. (слева); средняя доходность корпоративных облигаций инвестиционного

уровня в США, % (по центру); отношение корпоративного долга США к ВВП, % (справа).

* За 2021 г. данные до 10 июня.

Источник: Goldfarb S. Pandemic Hangover: \$11 Trillion in Corporate Debt / The Wall Street Journal, June 14, 2021 // URL: <https://www.wsj.com/articles/pandemic-supercharged-corporate-debt-boom-record-11623681511>

Так, крупнейший туроператор Carnival увеличил свою задолженность в три раза до 33 млрд долл., авиаконцерн Boeing – в два раза до 64 млрд долл., авиакомпания Delta – в два раза до 35 млрд долл.¹⁷⁸ Всего за 2021 год нефинансовые компании США выпустили облигаций на рекордную сумму в 1,7 трлн долл., а общий объем корпоративного долга достиг 11,2 трлн долл.

Такой резкий рост корпоративных обязательств вовсе не привел к банкротству компаний, а наоборот, стимулировал экономический рост и восстановление затронутого пандемийными ограничениями бизнеса. В результате к середине 2021 г. по мере выхода США из рецессии отношение корпоративного долга к ВВП страны снизилось до умеренных 52%. Если же сравнивать обязательства компаний с их общей капитализацией, то этот показатель составлял к лету этого года менее 30% и демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. Для сравнения: внешний и внутренний долг российского бизнеса в 2020 г. составил 86% капитализации акционерных компаний страны¹⁷⁹.

Что касается задолженности американских домохозяйств, то ее динамика также не вызывает тревоги. Кредитная нагрузка граждан США начала устойчиво расти с 1980-х гг. и достигла исторического максимума в 98% ВВП в конце 2007 г., когда и случился пока единственный в истории страны ипотечный кризис, спровоцированный закредитованностью частных

---

¹⁷⁸ Goldfarb S. Pandemic Hangover: \$11 Trillion in Corporate Debt / The Wall Street Journal, June 14, 2021 // URL: <https://www.wsj.com/articles/pandemic-supercharged-corporate-debt-boom-record-11623681511>

¹⁷⁹ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. — С. 146.

лиц¹⁸⁰. В дальнейшем несмотря на удешевление кредитов и рост благосостояния американцев их относительная задолженность сократилась до 75% к концу 2019 г.; на ипотечные и автокредиты американские граждане тратят сегодня менее 10% своего совокупного дохода, что является минимальным значением за 40 лет¹⁸¹.

Рассмотренные выше характеристики финансовой системы США обусловливают, пожалуй, ее главную особенность на текущий момент – значительный дефицит платежного баланса (сальдо текущих операций). Несмотря на то, что многими тенденциозными авторами этот феномен рассматривается исключительно как негативное явление, представляется целесообразным обратиться к более взвешенному анализу, представленному, в частности, в ранних работах автора и В.Б. Супяна.

Так, В.Б. Супян обращает внимание на то, что негативному взгляду на эту проблему способствовала закрепившаяся в экономической теории доктрина о благоприятном значении активного сальдо внешней торговли и текущих операций, которое было характерно для американской экономики вплоть до 1970 г. Считалось, что оно порождает такой же эффект мультипликатора, как государственные инвестиции, способствуя созданию дополнительных доходов и рабочих мест. Неудивительно, что в такой ситуации образовавшийся после крушения Бреттон-Вудской валютной системы и кризиса 1971 г. дефицит национального платежного баланса изначально расценивался как временное явление, подлежащее корректировке путем энергичной государственной политики.

Вместе с тем активные меры, предпринятые в разное время различными администрациями, не смогли обратить вспять этот тренд. Как видно из рис. 3.5, вне зависимости от используемых инструментов и декларируемых задач – будь то поддержка экспорта Б. Обамы или возвращение производств в США Д. Трампа – отрицательное сальдо платежного баланса США сохранялось

---

¹⁸⁰ Там же, с. 147.

¹⁸¹ Там же, с. 147.

практически всегда и в последние десять лет составляло не менее 300 млрд долл. По данным Бюро экономического анализа, в 2020 г. дефицит составил рекордную с 2006 г. сумму в 647 млрд долл.¹⁸², что обусловлено вынужденным ростом госрасходов в связи с пандемией коронавируса.

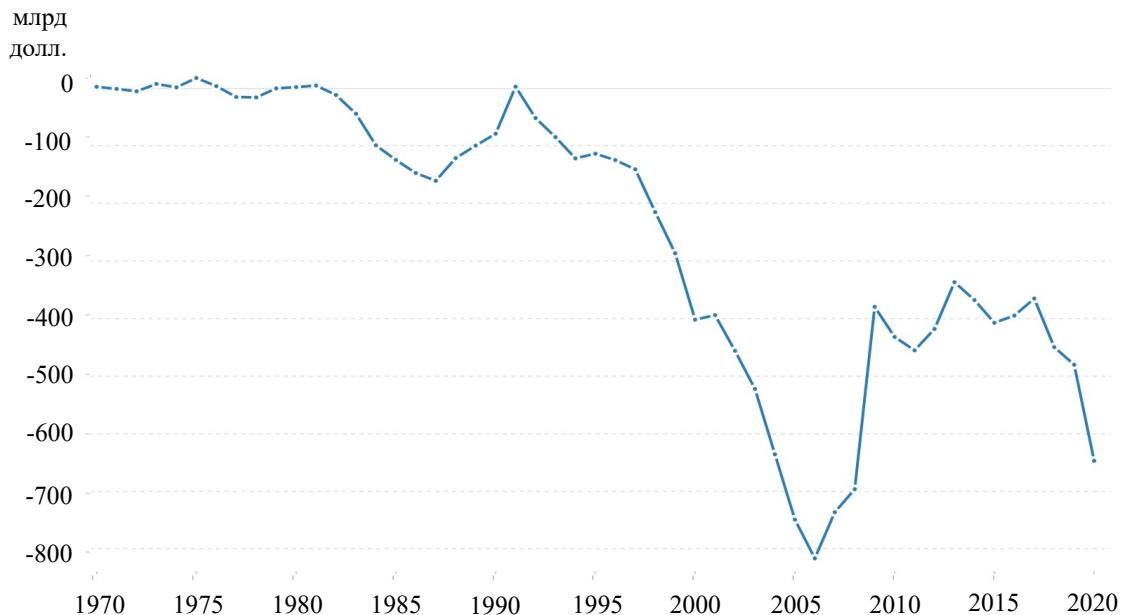

Рисунок 3.5. Динамика сальдо текущих операций платежного баланса США, 1970–2020 гг.

Источник: World Bank Database // URL: <https://data.worldbank.org/>

Сохранение и упрочение такого дисбаланса в условиях глобализации дало толчок для постепенного пересмотра отношения аналитиков к перекосам во внешнеэкономических операциях современных государств и к мировой экономике в целом. Многие эксперты пришли к мнению о том, что устойчивый дефицит платежного баланса США является не случайным явлением, а неотъемлемой характеристикой текущего положения страны в мировой финансовой системе. Он соответствует тому международному разделению труда, которое сложилось в современной экономике и выступает одной из движущих сил глобализации. Таким образом, дефицит платежного баланса

¹⁸² U.S. International Transactions, Fourth Quarter and Year 2020 / Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

служит проявлением лидирующей роли США в мировом хозяйстве в условиях неизбежной неравномерности его развития¹⁸³.

В.Б. Супян связывает экономическое лидерство США с тем фактом, что население страны является главным и самым крупным мировым покупателем, много расходуя и мало сберегая. Высокий уровень внутреннего спроса не только обеспечивает национальный экономический рост, но и выступает двигателем мирового развития, предоставляя торговым партнерам страны возможности для производства и экспорта товаров на богатый и требовательный рынок США. При этом речь идет не только о емкости рынка, но и о его научно-техническом потенциале, движимом американским спросом на передовые товары все возрастающей сложности.

В таком качестве дефицит платежного баланса США выступает скорее как структурный элемент и влиятельный фактор их экономического развития. В этой связи решение его естественных последствий – высвобождения ресурсов труда и капитала – следует искать не в борьбе с торговым и платежным дефицитом, а в поиске путей достойного применения этих ресурсов в сфере услуг, передовых отраслях и других созидательных экономических проектах.

На основе анализа становления и современного состояния финансовой системы США можно сделать вывод о ее чрезвычайной гибкости и адаптивности, обусловленной эффективным взаимодействием государства и бизнеса, а также использованием уникальных преимуществ страны, вытекающих из ее центральной роли в современной глобальной экономике.

При этом такие общеизвестные и широко обсуждаемые дисбалансы системы, как дефициты государственного бюджета и платежного баланса, являются не временными и негативными отклонениями от нормы, а устойчивыми и неотъемлемыми характеристиками лидирующего положения США на мировом рынке капитала.

---

¹⁸³ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 230.

3.2. Позиции США в международном движении капитала

Мировой рынок капитала представляет из себя сложный экономический механизм, который обеспечивает аккумуляцию и перераспределение финансовых ресурсов между государствами. Он играет важнейшую роль в определении географических и отраслевых приоритетов развития мирового хозяйства. Страны, успешно привлекающие и контролирующие потоки международного капитала, добиваются опережающего экономического развития и глобального превосходства.

Соединенные Штаты стояли у истоков формирования мирового рынка капитала и сумели стать его безусловным лидером, при этом позиции страны в международных потоках финансовых ресурсах менялись в соответствии с изменением значения США в мировом хозяйстве.

В начале XX в. США перестали быть страной-должником и начали активно экспортить капитал и предоставлять кредиты нуждающимся странам. Ведущая роль США в экономическом восстановлении после Второй мировой войны и научно-технической революции сделала страну главным мировым инвестором, а американские компании – лидерами в формировании глобальных цепочек производства.

Однако в 1980-х гг., по мере становления новых развитых экономик, стоимость иностранных финансовых активов в США превзошла по величине объемы американских инвестиций за рубежом. Такой тренд вкупе с нарастанием национального государственного долга сформировал мнение о США как о стране-должнике, что не совсем верно отражает ее особую позицию в мировой финансово-экономической системе.

Как было отмечено ранее, приток капитала играет важную балансирующую роль в условиях превышения внутреннего потребления в США над сбережениями и, как следствие, импорта товаров и услуг над экспортом. Это наглядно видно из табл. 3.2, где представлена динамика основных показателей платежного баланса страны за последние 10 лет.

Вместе с тем движение капитала следует рассматривать не просто как средство компенсации растущего дефицита торгового баланса и баланса текущих операций, но как самостоятельный процесс, порождаемый потребностями национальной и мировой экономики на современном этапе.

Таблица 3.2. Основные показатели платежного баланса США, 2010–2020 гг., млрд долл.

Статьи баланса	2010	2013	2016	2019	2020
Экспорт товаров	+1 288	+1 590	+1 460	+1 652	+1 435
Импорт товаров	-1 936	-2 294	-2 210	-2 517	+2 351
<i>Торговый баланс</i>	<i>-648</i>	<i>-704</i>	<i>-750</i>	<i>-865</i>	<i>-916</i>
<i>Баланс текущих операций</i>	<i>-470</i>	<i>-379</i>	<i>-481</i>	<i>-480</i>	<i>-647</i>
Вывоз капитала	-1 025	-553	-331	-441	-763
Приток капитала	+1 245	+906	+759	+798	+1 504
Чистый приток (сальдо)	+220	+353	+428	+357	+741
Ошибки и пропуски	+235	+28	+75	+90	-90
Итоговый баланс	+15	-3	+22	+33	-4
Изменения резервов	-15	+3	-22	-33	+4

Источник: Составлено автором по данным Bureau of Economic Analysis
// URL: <http://bea.gov>

Как отмечает автор в своих ранних работах, экспорт американского капитала в другие страны и его импорт в США выступают одним из ключевых факторов поддержания условий для экономического роста и повышения уровня жизни американского населения¹⁸⁴. Иностранные инвестиции создают дополнительные налоговые поступления и рабочие места, а также способствуют активизации конкурентоспособной среды и вносят вклад в проведение НИОКР.

Для лучшего понимания движения капитала необходимо детально рассмотреть в динамике международную финансовую позицию США, которая

¹⁸⁴ Пичков О.Б. США в международном движении прямых инвестиций: монография. // МГИМО-Университет, 2015. – С. 7.

позволяет сопоставить величину активов, которыми владеют американские резиденты за границей с активами иностранных инвесторов в США.

Таблица 3.3. Международная финансовая позиция США, 1993–2022 гг., млрд долл.

Накопленная стоимость активов	1990	2000	2010	2020	2022 (IV квартал)
Накопленная стоимость активов резидентов США за границей, всего	2 179	6 239	20 315	32 156	31 632
Прямые инвестиции	616	1 531	4 429	9 296	9 277
Портфельные инвестиции	343	2 425	6 223	14 763	14 074
в акции	198	1 853	4 486	10 560	10 306
в облигации	145	573	1 737	4 113	3 768
Прочие инвестиции	961	3 604	5 650	5 015	5 031
в том числе банковский капитал	696	1 232	4 573	4 900	5 018
Резервные активы	175	128	489	627	707
Накопленная стоимость активов нерезидентов в США, всего	2 409	7 576	22 786	46 248	47 804
Прямые иностранные инвестиции в США	505	1 421	2 659	11 970	12 263
Портфельные частные иностранные инвестиции	613	3 003	6 935	24 666	24 764
в акции	222	1 554	2 992	11 679	12 054
в облигации	391	1 449	4 011	12 987	12 710
Иностранные официальные держатели облигаций	380	1 037	4 864	6 047	6 369
Банковский капитал	633	1 169	3 707	6 793	7 898
Инвестиции в прочие секторы	213	739	3 542	7 060	8 304
Превышение обязательств США над активами	230	1 337	2 471	14 092	16 172

Источник: Составлено автором по данным Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

Как видно из табл. 3.3, рост американских активов за рубежом неуклонно продолжался на протяжении всего рассматриваемого периода, особенно быстро – в 2000-е гг. В последние 10 лет в соответствии с глобальными трендами темпы роста экспорта капитала несколько снизились, но к концу 2020 г. накопленная стоимость активов резидентов США за границей составила внушительные 32 трлн долл., что превышает ВВП страны.

В их структуре 29%, или 9,3 трлн долл., составляют прямые иностранные инвестиции (ПИИ), что свидетельствует о глубоком

проникновении американского капитала в экономики других стран. Еще более внушителен объем портфельных инвестиций – около 14,7 трлн долл., причем их доля в общей стоимости активов выросла за последние десять лет с 30% до 46%. Американские инвесторы традиционно предпочитают вкладываться в рынок акций (стоимость активов в 2020 г. – 10,6 трлн долл.), однако вложения в иностранные облигации также демонстрируют внушительный рост (с 1,7 трлн долл. в 2010 г. до 4,1 трлн долл. в 2020 г.). Банковский капитал в объеме 4,9 трлн долл. продолжает играть заметную роль в структуре американского капитала за рубежом, однако его доля постепенно снижается (с 22% в 2010 г. до 15% в 2020 г.).

Как было отмечено ранее, иностранные активы в США росли опережающими темпами по сравнению с американскими за рубежом, и в 2020 г. их стоимость превысила 46,2 трлн долл. При этом если в 1990 г. превышение обязательств США над активами составляло только 230 млрд долл., то к настоящему времени оно увеличилось до 14 трлн долл.

В структуре активов нерезидентов в США значительную долю составляют казначейские и корпоративные облигации: их общая стоимость на счетах иностранцев превышает 19 трлн долл., или 41% от всех активов. Все более весомый вклад в структуру иностранного капитала в США вносят вложения частных инвесторов в акции американских компаний. Благодаря устойчивому росту экономики США и долгосрочному повышательному тренду на ее фондовом рынке стоимость американского акционерного капитала в руках иностранцев только за последние десять лет выросла с 3 трлн долл. до 11,7 трлн долл., что составляет до четверти от общей стоимости иностранных активов.

Объем прямых иностранных инвестиций в США в текущих ценах до недавнего времени уступал ПИИ американских резидентов за границей, но благодаря опережающему росту биржевых котировок американского рынка в последнее десятилетие он к концу 2020 г. достиг суммы 12 трлн долл. США (30% от всей стоимости активов).

Отдельно остановимся на месте США в международном движении прямых иностранных инвестиций, которые являются основой создания международного производства. Они играют важную роль в формировании экономической структуры и являются ключевым индикатором положения страны в мировом хозяйстве. Развитие глобализационных процессов во многом определяется расширяющейся деятельностью транснациональных корпораций (ТНК).

Ранее характерным для отечественной и зарубежной науки левого толка был чрезмерный акцент на негативных аспектах зависимого положения стран-получателей инвестиций от американских ТНК и политики США в целом. В.Б. Супян отмечает публикации, в которых заграничные инвестиции назывались инструментом установления экономического господства США, закабаления иностранных экономик, захвата природных и трудовых ресурсов и т.п.¹⁸⁵

В настоящее время привлечение иностранного капитала ассоциируется с такими позитивными явлениями, как создание новых рабочих мест, получение передовых технологий и управленческих практик, доступ к дополнительным рынкам и финансовым ресурсам. Таким образом, международная инвестиционная деятельность американских ТНК не только способствует продвижению экономических интересов США во всем мире, но и вносит существенный вклад американского капитала в мировой научно-технический прогресс благодаря передаче технологий, проведению научных исследований и опытно-конструкторских работ в принимающих странах.

Экономическое пространство, созданное сетью американских холдингов и филиалов за рубежом, получило название «вторая экономика». Ее производственный и финансовый потенциал превосходит десятки стран мира. По оценкам Бюро экономического анализа США, американские ТНК контролируют более 35 тыс. зарубежных предприятий с объемом продаж

---

¹⁸⁵ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 240.

около 6,8 трлн долл. в год и числом наемного персонала свыше 14,3 млн чел.¹⁸⁶

При этом они ежегодно тратят 190 млрд долл. на недвижимое имущество и оборудование за рубежом, 626 млрд долл. – на зарплаты местным сотрудникам и 58 млрд долл. – на НИОКР¹⁸⁷. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о реальном вкладе американского капитала в мировую экономику.

Динамика вывоза прямых инвестиций из США за последнюю четверть века представлена на рис. 3.6. С начала 1990-х гг. и до наступления мирового экономического кризиса в 2008 г. их объем неуклонно рос, что позволило американским корпорациям вернуть несколько утраченные в 1980-х годах позиции на мировом рынке и стать во главе процессов глобализации и создания международного производства в условиях информационной революции.

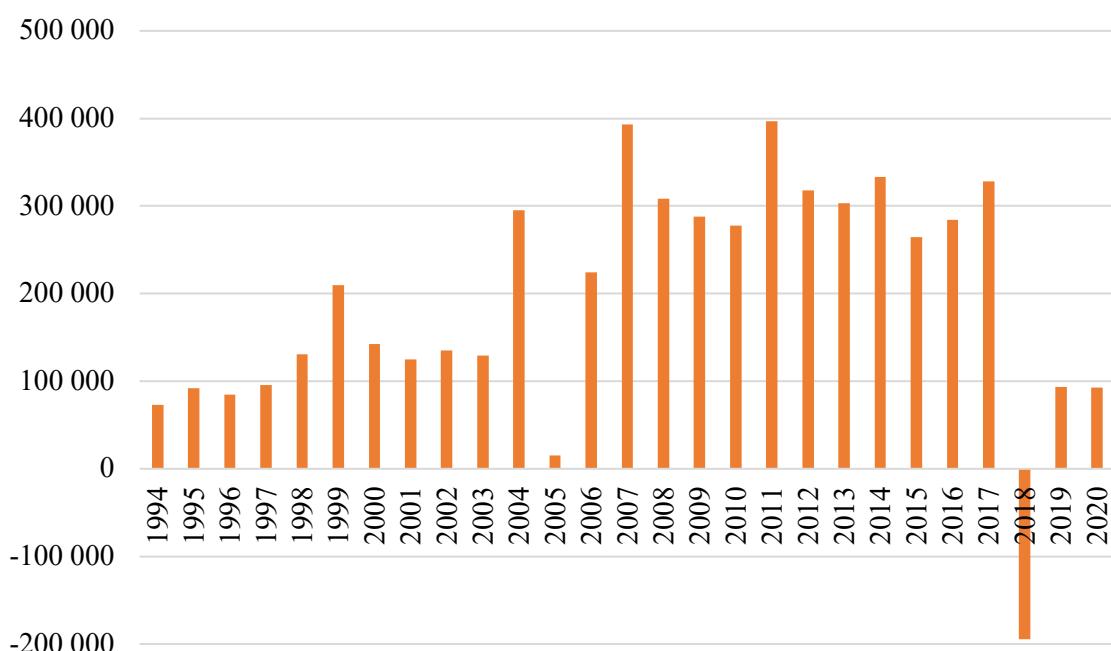

Рисунок 3.6. Прямые инвестиции США за рубежом, 1994–2020 гг., млрд долл.

Источник: Составлено автором по данным Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

¹⁸⁶ Activities of U.S. Multinational Enterprises, 2018 / Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

¹⁸⁷ Там же.

Мировой финансовый и экономический кризис несколько замедлил темпы наращивания зарубежного инвестирования американскими компаниями, но уже в 2011 г. был установлен новый рекорд по объему вывоза ПИИ – почти 400 млн долл. В посткризисных условиях США смогли не только сохранить, но и укрепить лидерство в международном движении прямых инвестиций благодаря большим объемам реинвестирования и вложений в НИОКР, ряду успешных слияний и поглощений, а также опережающему развитию наиболее передовых и наукоемких отраслей глобального производства.

Резкие падения вывоза ПИИ в 2005 г. и в 2018 г. (вплоть до отрицательных значений в 195 млрд долл.) объясняются принятием законов, стимулирующих возвращение инвестиций на родину и репатриацию зарубежных прибылей ТНК. Более подробно их влияние на рынок капитала будет рассмотрено в следующем разделе.

Место США в мировом экспорте прямых инвестиций помогает понять рис. 3.7, демонстрирующий лидирующую роль американского бизнеса в этом процессе на протяжении последних тридцати лет. В топ-500 крупнейших корпораций мира в 2021 году вошли 121 американская и 123 китайские, тогда как в 1990-е китайских было 4.

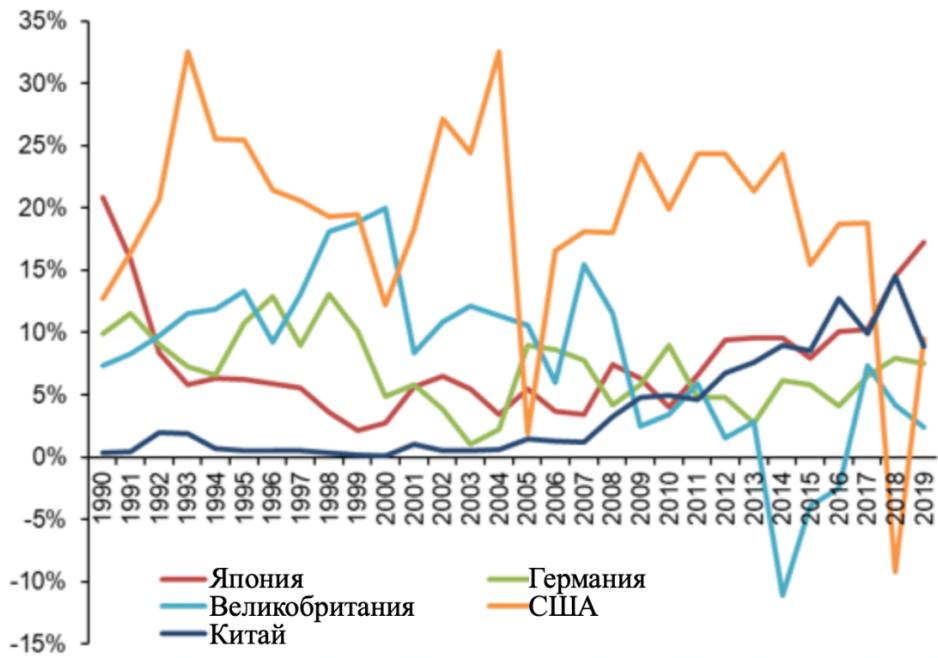

Рисунок 3.7. Доли отдельных стран в вывозе ПИИ, 1990–2019 гг., млрд долл.

Источник: *World Investment Report 2020 / UNCTAD // URL: <http://worldinvestmentreport.org>*

В отдельные годы (1993 г., 2004 г.) доля иностранных инвестиций американских ТНК достигала трети от общемирового. Вместе с тем сдерживающий эффект американской инвестиционной политики последних лет позволил японским и китайским компаниям обогнать США в рейтинге главных мировых инвесторов в 2018–2019 гг. В условиях возросшей волатильности международных инвестиций и неясных перспектив восстановления мировой экономики после пандемии делать прогноз о сохранении лидерства американского капитала в вывозе ПИИ сложно.

В то же время по общему объему накопленных за рубежом прямых инвестиций США сохраняют безусловное лидерство. По данным Бюро экономического анализа, на конец 2019 г. он составил почти 6 трлн долл. или 22% от общемирового (рис. 3.8).

Структура накопленных инвестиций американских компаний за рубежом по странам представлена на рис. 5.8. Наибольшие доли в ней

занимают развитые западные страны с льготными режимами налогообложения – такие, как Нидерланды (14%), Великобритания (14%), Люксембург (12%), Ирландия (6%) и Швейцария (4%), а также непосредственно офшоры – Британские Виргинские и Каймановы острова (вместе – 5%) и Бермудские острова (4%). Значительную долю занимает сосед и важнейший торгово-экономический партнер США – Канада (7%). В то же время другие крупные партнеры США, такие как Япония, Германия, Австралия, Китай и Мексика, занимают каждый не более 2% от общего объема ПИИ США за границей.

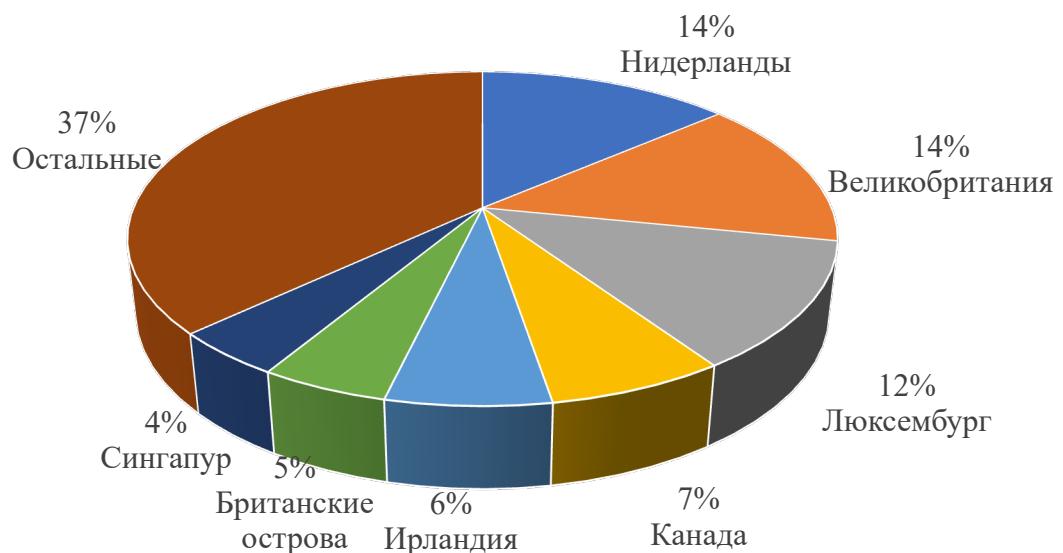

Рисунок 3.8. Структура накопленных прямых инвестиций США за рубежом в 2020 г.

Источник: Составлено автором по данным Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

Концентрация американского капитала в развитых странах объясняется совокупностью факторов: историческими связями, благоприятным инвестиционным климатом, большой емкостью рынка, развитой инфраструктурой, предпринимательской этикой и инновациями.

По мере либерализации инвестиционной сферы и расширения рынков в развивающихся странах их доля в капиталовложениях США за границей постепенно увеличивалась на протяжении 2000–2010-х гг. Однако замедление развития мировой экономики и перестройка механизмов глобального

производства в последние десять лет привели к перенаправлению американских инвестиций обратно в более стабильные и предсказуемые развитые страны.

Как наиболее крупная и преуспевающая экономика мира, США не только являются одним из крупнейших экспортёров прямых инвестиций, но и к концу XX в. превратились в их главного реципиента.

Активизация капиталовложений в американскую экономику началась приблизительно с середины 1970-х гг., когда на мировую арену начали выходить новые центры силы – страны Европейского союза и Япония.

Как видно из рис. 3.9, уже в середине 1990-х гг. ежегодный приток прямых инвестиций в США стал опережать их вывоз из страны. На фоне экономического замедления в начале 2000-х гг. ввоз ПИИ значительно сократился, но с середины первого десятилетия его ежегодные объемы выросли до сумм выше 200 млрд долл. в год и сохранялись на этом уровне и выше вплоть до настоящего времени, за исключением кризисных 2009 и 2020 гг. Пик притока зарубежного капитала в форме ПИИ в американскую экономику пришелся на 2015–2016 гг., когда он превышал 450 млрд долл. в год.

По объему накопленных прямых иностранных инвестиций США занимают лидирующее место в мире. На конец 2019 г. их общая стоимость составила около 4,5 трлн долл. в фактических ценах, или 25% от общемирового объема. В то же время если рассчитывать стоимость ПИИ в США в текущих ценах, то с учетом устойчивого роста американских биржевых котировок к концу 2020 г. она составила почти 12 трлн долл.

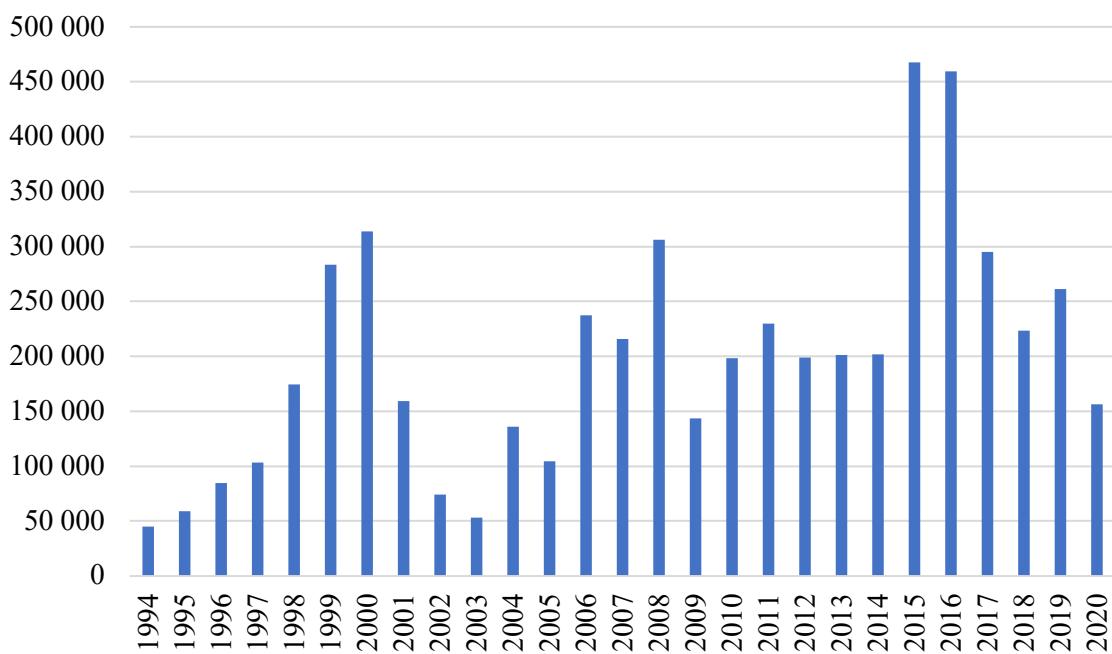

Рисунок 3.9. Прямые иностранные инвестиции в США, 1994–2020 гг., млрд долл.

Источник: Составлено автором по данным Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

Как видно из рис. 3.10, крупнейшими инвесторами в американскую экономику является небольшая группа развитых стран: на Японию (14%), Великобританию (11%), Канаду (11%) и Нидерланды (10%) приходится почти половина от всего объема прямых инвестиций в США. В целом можно говорить о схожести списка основных стран-доноров и реципиентов ПИИ с участием США, что означает тесное переплетение капиталов этих государств и большой объем внутрикорпоративного инвестирования между филиалами и материнскими холдингами ТНК.

Всего в зарубежных компаниях, находящихся на территории США, занято 8 млн чел., они производят 24% всей американской экспортной продукции и проводят НИОКР в объеме 70 млрд долл. ежегодно¹⁸⁸.

¹⁸⁸ Statement by President Joe Biden on the United States' Commitment to Open Investment. June 8, 2021 // The White House Briefing Room // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/08/statement-by-president-joe-biden-on-the-united-states-commitment-to-open-investment/>

Лидерство США в качестве места притяжения иностранных инвестиций подтверждается ведущими позициями в международных рейтингах. В Индексе уверенности ПИИ, подсчитываемом консалтинговой компанией Kearney, США последние девять лет занимают первое место, опережая как развитые страны, так и ведущие развивающиеся экономики, включая Бразилию и Китай, лидировавший в рейтинге с 2002 по 2012 гг.

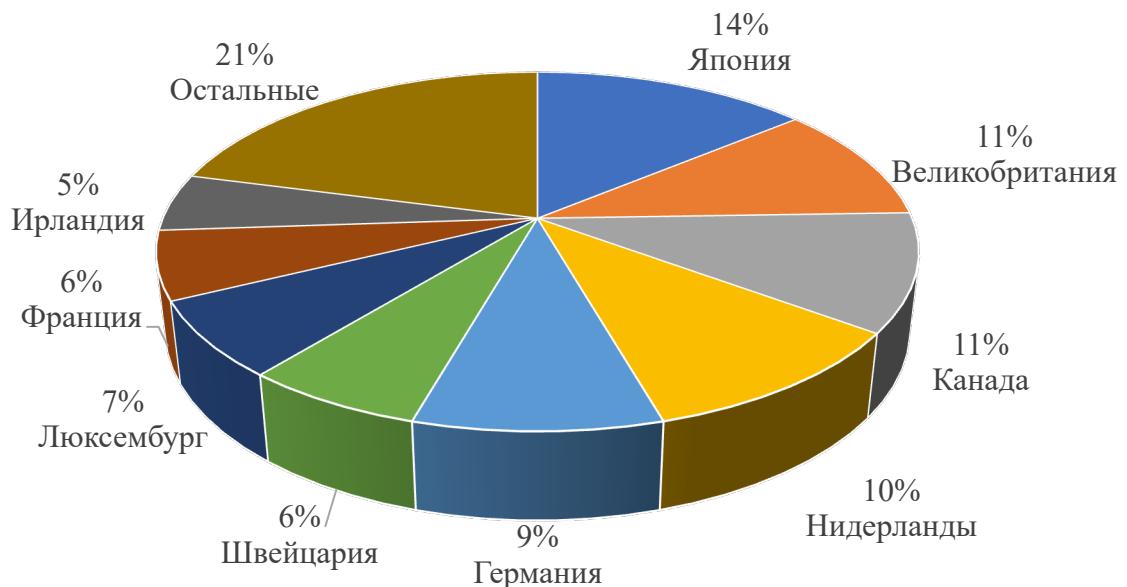

Рисунок 3.10. Структура накопленных прямых иностранных инвестиций в США в 2020 г.

Источник: Составлено автором по данным Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

В ходе перестройки мирового хозяйства после экономического кризиса 2008–2009 гг. американская экономика в очередной раз продемонстрировала свою гибкость и адаптивность, обеспечив стабильный рост ВВП и став центром развития наиболее высокотехнологичных отраслей промышленности и информационных технологий.

Все это привело к значительному увеличению притока иностранного капитала в США в виде как прямых, так и портфельных инвестиций. О привлекательности последних говорит самая длинная в истории повышательная динамика американского фондового рынка, продолжавшаяся более десяти лет (с 2009 по 2020 гг.). Во время нее промышленный индекс Доу

Джонса вырос в 4 раза, а капитализация 500 крупнейших торгуемых на бирже компаний – более чем в 3 раза¹⁸⁹.

В качестве основных факторов привлекательности экономики США для иностранного капитала автор отмечает высокий научно-технический потенциал страны, огромную емкость внутреннего рынка, а также политическую и макроэкономическую стабильность¹⁹⁰. По объему рынка с учетом расходов домохозяйств США являются неоспоримым лидером: на американцев приходится 25% всех расходов потребителей в мире¹⁹¹. Кроме того, Соединенные Штаты обладают одной из наиболее развитых нормативно-правовых основ предпринимательства, что подтверждается высокой позицией США в рейтинге легкости ведения бизнеса Всемирного банка (6-е место в 2020 г.). В частности, для инвесторов в США довольно легко получить кредитное финансирование (4-е место в мире) и разрешить ситуацию с неуплатой или банкротством (2-е место)¹⁹².

3.3. Актуальные аспекты государственного регулирования инвестиций в США

Зарубежное инвестирование является важным объектом экономической политики США и подлежит комплексному государственному регулированию. При этом Соединенные Штаты исторически привержены принципам открытой экономики, согласно которым свободный международный режим инвестирования является наилучшим для экономического развития как США, так и всего мира.

В условиях глобализации ключевой для любого государства становится согласованность национально-правового режима инвестиций, который

---

¹⁸⁹ Doing Business Report 2020 / World Bank Group // URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>

¹⁹⁰ Пичков О.Б. США в международном движении прямых инвестиций: монография // МГИМО-Университет, 2015. – С. 161.

¹⁹¹ SelectUSA // <https://www.selectusa.gov/why-invest>

¹⁹² Doing Business Report 2020 / World Bank Group // URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>

регулируется специальным инвестиционным законодательством, и международно-правового режима, осуществляемого посредством двусторонних и многосторонних соглашений.

Одним из главных инструментов политики США в отношении ПИИ являются двусторонние договоры о поощрении и взаимной защите капиталовложений. По данным ЮНКТАД, у США заключены инвестиционные соглашения со 110 государствами или группами государств, 80 из них действуют в настоящее время¹⁹³.

В подобных договорах стороны обычно обязуются обеспечивать для иностранных компаний режим наибольшего благоприятствования, защищать их собственность и предоставлять возможность для беспрепятственного перевода денежных доходов. Важным моментом является приоритет международных соглашений над национальным законодательством, например в случаях, когда оно ухудшает положение иностранного инвестора.

Таким образом, двусторонние соглашения являются определенной гарантией на осуществление инвестиционной деятельности. Такие гарантии обычно включают в себя защиту от так называемых «некоммерческих рисков», под которыми подразумевается национализация, реквизиция или экспроприация.

Интересно, что США оставляют за собой право на национализацию имущества иностранного инвестора в интересах государства в отдельных случаях. Совсем недавно таким случаем стала пандемия COVID-19, когда весной 2020 г. американские власти размещали обязательные к выполнению заказы на маски и другие защитные средства на предприятиях европейских компаний, расположенных в США.

Обычно двусторонние соглашения также предусматривают предоставление иностранному инвестору возможности предъявить иск против принимающего государства в международном суде. Порядок разрешения

---

¹⁹³ International Investment Agreements Navigator / UNCTAD Investment Policy Hub // URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/>

споров и разногласий в связи с ПИИ прописан в Законе США «Об иностранных инвестициях»¹⁹⁴.

Непосредственную действенность гарантий, прописанных в инвестиционных соглашениях, обеспечивает сама Конституция США, в п. 3 ст. 4 которой установлен приоритет международных договоров перед национальным законодательством¹⁹⁵. Важными для иностранных инвесторов являются также положения п. 4 ст. 26 Конституции США, согласно которым «каждый имеет право на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности. Монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом. Недобросовестная конкуренция запрещается»¹⁹⁶.

Помимо двусторонних соглашений Вашингтон активно использует многосторонние механизмы и возможности международных финансовых институтов: системы ООН, включая Международный валютный фонд и Группу Всемирного банка, а также Всемирной торговой организации – для достижения унификации принципов и правил в инвестиционной сфере.

Отдельно стоит отметить роль Многостороннего агентства гарантирования инвестиций (МАГИ), поддерживающего инвестиции в развивающиеся страны через страхование политических рисков, консультационные услуги и помочь с поиском финансирования. США являются крупнейшим акционером МАГИ и принимают активное участие в его стратегическом управлении.

Американская инвестиционная политика направлена не только на привлечение и обеспечение гарантий для иностранных капиталовложений, но и на их контроль с точки зрения экономических интересов и национальной

---

¹⁹⁴ Foreign Investment and National Security Act of 2007 [adopted on July 26, 2007] // URL: <https://www.govinfo.gov>

¹⁹⁵ The Constitution of the United States. The Bill of Rights & All Amendments [adopted on September 17, 1787 by the Constitutional Convention]. // Official website of the Constitution of the United States. URL: <https://constitutionus.com>

¹⁹⁶ Там же.

безопасности. Для этих целей в 1975 г. был создан межведомственный Комитет по иностранным инвестициям, в который в настоящее время входят представители 16 министерств и ведомств во главе с министром финансов. Комитет анализирует все крупные сделки по приобретению американских предприятий и с 1988 г. имеет возможность отменять их. Особое внимание обращается на слияния и поглощения в критически важных для государства сферах, таких как инфраструктура, здравоохранение, телекоммуникации и др.

С учетом большой доли политической составляющей в работе Комитета результаты его деятельности во многом отражают характер международных отношений США на том или ином этапе. Если в 1980–1990-е гг. объектами контроля со стороны Комитета становились преимущественно сделки японских компаний, то в последние 15 лет взор американского надзорного органа был обращен на представляющий угрозу для национальной безопасности Китай. В 2018–2020 гг. Комитет по иностранным инвестициям рассмотрел 647 сделок, затрагивающих национальные интересы США. 97 из них касаются китайских компаний, 95 – японских, 63 – канадских¹⁹⁷.

Значение иностранных инвестиций для Соединенных Штатов подчеркивалось различными ее руководителями в разные эпохи, включая А. Хамилтона, назвавшего любой вклад зарубежного капитала бесценным в своей работе 1791 года¹⁹⁸, и Д. Эйзенхауэра, отметившего в своем послании Конгрессу 1954 года¹⁹⁹ выгоды от международного инвестирования для американской экономики.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на разницу в подходах между демократическими и республиканскими администрациями, что наиболее наглядно видно при сравнении президентств Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена. Первый являлся убежденным сторонником многосторонних

---

¹⁹⁷ Committee on Foreign Investment in the United States. Annual Report to Congress CY 2020 // URL: <https://home.treasury.gov/>

¹⁹⁸ Hamilton A., Report on the Subject of Manufactures, 1791 // URL: <https://founders.archives.gov/>

¹⁹⁹ Eisenhower Dwight D., Special Message to Congress on Foreign Economic Policy. March 30, 1954 // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-foreign-economic-policy>

торгово-инвестиционных договоренностей. При активном участии США в 2008–2016 гг. было согласовано и подписано соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) 12 государств АТР, согласно которому, в частности, был создан специальный механизм разрешения инвестиционных споров между ТНК и государствами. В 2013–2016 гг. активно велись переговоры между США и Европейским союзом по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (TTIP), призванному гармонизировать инвестиционное законодательство двух крупнейших экономик мира.

Однако летом 2016 г. переговоры по TTIP были свернуты, а с приходом к власти Д. Трампа в начале 2017 г. США отозвали свою подпись от соглашения по ТТП. Также было пересмотрено Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), в итоге замененное в 2018 г. на новый аналогичный договор между США, Канадой и Мексикой. Но главным решением Д. Трампа, оказавшим значимое влияние на движение капитала с участием США, стало принятие Закона о снижении налогов и создании рабочих мест (Tax Cuts and Jobs Act; далее – Закон 2017 г.) в декабре 2017 г. Ключевые меры, содержащиеся в законе, и их непосредственное воздействие на ПИИ представлены в табл. 3.4.

Главными задачами Закона 2017 г. являлись стимулирование инвестиций и создание рабочих мест в США. С этой целью в нем предусматривается целый ряд мер, которые напрямую влияют на инвестиционный климат в стране, поощряют ТНК вернуть накопившиеся на иностранных счетах прибыли и снижают стимул к размещению активов за рубежом.

Так, с 2018 г. ставка корпоративного подоходного налога в США снижена с 35% до 21%²⁰⁰, что фактически уравняло ее со средним уровнем

---

²⁰⁰ An Act to provide for reconciliation pursuant to titles II and V of the concurrent resolution on the budget for fiscal year 2018 (Tax Cuts and Jobs Act) [adopted on November 2, 2017] // URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr1/BILLS-115hr1enr.pdf>

развитых стран ОЭСР (22%). Тем не менее реальный эффект от снижения налогов для стимулирования инвестиций в США оказался не таким большим, поскольку благодаря различным налоговым льготам американские корпорации и так в среднем отчисляли государству лишь 24% с доходов. Кроме того, среди факторов инвестиционной привлекательности налоговый режим играет значительную, но не определяющую роль. Не менее важны объем рынка, доступ к НИОКР и технологиям, а также уровень оплаты труда, который в США остается в три раза выше, чем в ведущих развивающихся странах Азии²⁰¹.

Таблица 3.4. Ключевые меры Закона о снижении налогов и создании рабочих мест 2017 г. и их воздействие на движение ПИИ с участием США

Ключевые меры	Эффект для прямых иностранных инвестиций
1. Снижение ставки корпоративного подоходного налога	Повышение привлекательности США в качестве места размещения ПИИ
2. Списание инвестиционных расходов	Снижение расходов на инвестиции, повышение привлекательности США для ПИИ
3. Ограничение на возможность вычетов по кредитам	Снижение возможностей для внутрифирменного финансирования, негативное влияние на международные слияния и поглощения
4. Введение территориальной налоговой системы	Снижение необходимости в сохранении прибылей за рубежом, возвращение накопленных за рубежом ПИИ в США
5. Обязательная репатриация прибылей	Немедленное воздействие на объем накопленных инвестиций США за рубежом, негативный вывоз ПИИ в связи с репатриацией денежных прибылей
6. Меры по недопущению уклонения от налогов	Возвращение в США части инвестиций американских корпораций за рубежом

Источник: Составлено автором по данным UNCTAD *Investment Trends Monitor* //URL: <http://unctad.org>

Более существенной оказалась другая стимулирующая мера – возможность полного списания расходов на капиталовложения в США. Ряд крупных компаний, в том числе AT&T, Apple и Boeing, объявили о масштабных инвестициях сразу же после принятия Закона 2017 г.

²⁰¹ Tax Reforms in the United States: Implications for International Investment / UNCTAD *Investment Trends Monitor*, 5 February 2018 // URL: <http://unctad.org>

Наиболее резонансной мерой, предусмотренной Законом 2017 г., стал переход американского корпоративного налогообложения от всемирной к территориальной системе, которая принята в большинстве развитых государств. Такой переход был осуществлен через обязательную репатриацию нераспределенных прибылей американских ТНК, хранившихся на иностранных счетах, по льготной налоговой ставке в 15,5%. ЮНКТАД оценивала объем этих прибылей на 2017 г. в 3,2 трлн долл., 2 трлн долл. из которых составляли денежные средства²⁰².

Неудивительно, что такой шаг привел к огромным суммам возврата прямых иностранных инвестиций американских корпораций обратно в США, что в статистике отражается как отрицательные значения вывоза ПИИ. В итоге в 2018 г. экспорт ПИИ США составил минус 200 млрд долл., а в 2019–2020 гг. он хоть и стал вновь позитивным, но не превышал 100 млрд долл. в год²⁰³.

С учетом того, что движение прямых инвестиций с участием США составляет почти 50% от общемирового, Закон 2017 г. оказал сдерживающий эффект на весь международный рынок капитала. Так, в 2018 г. объем экспорта ПИИ в мире снизился более чем на 600 млрд долл. – с 1,6 трлн долл. до 986 млрд; в 2019 г. он так и не восстановился до уровня 2017 г. и составил 1,3 трлн долл.²⁰⁴

Избранный в ноябре 2020 г. президент Дж. Байден изначально заявил об отказе от жестких протекционистских мер Д. Трампа и обещал следовать более примирительной по отношению к другим государствам инвестиционной политике. Как это уже стало традиционным при смене правящей партии в США, новая администрация в первую очередь попыталась отменить или нивелировать инициативы предыдущей. Дж. Байден заявил о намерении прекратить действие механизма репатриации зарубежных доходов американских корпораций, предусмотренного Законом 2017 г. Однако о том,

---

²⁰² Tax Reforms in the United States: Implications for International Investment / UNCTAD Investment Trends Monitor, 5 February 2018 // URL: <http://unctad.org>

²⁰³ World Investment Report 2020 / UNCTAD // URL: <http://worldinvestmentreport.org>

²⁰⁴ Там же.

какие стимулирующие меры будут приняты взамен старой программы, пока не сообщается.

Приоритетом для Дж. Байдена, помимо создания производств и рабочих мест в стране, является поддержка экспорта капитала американскими ТНК. Для этой цели он готов отойти от прописывания в двусторонних инвестиционных соглашениях традиционного механизма урегулирования споров. Согласно ему американская компания-инвестор может подать иск на принимающее государство в международном арбитражном суде, что максимально защищает ее права от правительства, но делает такие соглашения крайне невыгодными для принимающей стороны и препятствует налаживанию инвестиционного сотрудничества США с другими странами.

Одновременно избранный президент Соединенных Штатов заявил о приверженности страны открытой инвестиционной политике, подразумевающей справедливый и одинаковый подход ко всем зарубежным инвесторам²⁰⁵. Дж. Байден считает, что экономика США будет прочнее, устойчивее и успешнее при условии равноправного доступа иностранного капитала к ней.

Вместе с тем демократическая администрация не собирается отказываться от мер защиты внутреннего рынка по соображениям национальной безопасности, прежде всего от экспансии китайского капитала. Так, Дж. Байден расширил полномочия Комитета по иностранным инвестициям, который теперь рассматривает и сделки по приобретению иностранных компаний, торгемых на американской бирже, как в случае с попыткой получения китайскими инвесторами контроля над южнокорейским производителем полупроводников Magnachip. Под надзором Комитета остается деятельность китайского медиагиганта ByteDance, владельца соц.сети Tik Tok. Кроме того, создан новый Комитет по оценке иностранного

---

²⁰⁵ Statement by President Joe Biden on the United States' Commitment to Open Investment. June 8, 2021 // The White House Briefing Room // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/08/statement-by-president-joe-biden-on-the-united-states-commitment-to-open-investment/>

участия в телекоммуникационной сфере США, а министр торговли страны получила широкие полномочия по блокировке сделок в секторе ИКТ.

В результате ограничений последних лет прямые иностранные инвестиции КНР в США, достигшие максимума в 45 млрд долл. в 2016 г., последние 3 года не превышают 10 млрд долл.²⁰⁶ Новые ограничительные меры препятствуют не только китайским инвестициям в США, но и американским – в КНР. Так, теперь американским гражданам не разрешается инвестировать в компании, признанные администрацией как находящиеся во владении китайской военной верхушки.

Отметим, что проведение протекционистской инвестиционной политики Соединенными Штатами в последние несколько лет не является исключением. Оно идет в русле важных глобальных тенденций, оказывающих влияние на мировой рынок капитала в целом и на место США в нем. Следует подробнее остановиться на анализе этих трендов.

---

²⁰⁶ Leary A., Ferek K. Biden Builds on Trump's Use of Investment Review Panel to Take On China / Wall Street Journal, July 7, 2021 // URL: <https://www.wsj.com/articles/investment-review-panel-gets-wider-role-under-biden-in-rivalry-with-china-11625650200>

Выводы по третьей главе

Финансовая система США играет весомую роль в обеспечении международного лидерства страны. Она выполняет такие функции, как мобилизация свободных ресурсов, перераспределение денежных средств между различными субъектами и отраслями экономики, обеспечение сделок расчетами, оценка стоимости компаний, а также снабжение участников рынка финансовой и инвестиционной информацией. Для рынка капитала США характерно тесное переплетение всех его участников на принципах свободной конкуренции за финансовые средства.

Ключевыми особенностями развития американской финансовой системы за последние десятилетия стали увеличение доли институциональных инвесторов, консолидация и универсализация банковской деятельности, укрепление финансового регулирования на волне банкротств в период мирового кризиса 2008–2009 гг.

В США интересы частных участников рынка пересекаются с задачами финансирования государственных расходов и управления дефицитом бюджета через инструмент казначейских облигаций. Впервые дефицитное финансирование было использовано для выхода из Великой депрессии и стимулирования экономики в период Второй мировой войны, а в XXI в. оно стало одним из главных инструментов экономической политики. В 2009–2012 гг. и в 2020–2021 гг. дефицит госбюджета превышал 8% ВВП. Параллельно происходил значительный рост национального государственного долга, достигшего по итогам 2021 г. 129% ВВП.

Тем не менее указанные тенденции нельзя считать катастрофическими ввиду особой роли госдолга и валюты США на мировом рынке капитала. Во-первых, эмиссия доллара как международного платежного средства позволяет создавать дополнительный спрос и стимулировать экономическое развитие по всему миру. Во-вторых, объем госдолга США не привязывается к какой-либо другой валюте или определенной покупательной способности, что позволяет избежать проблем с его выплатой и финансировать бюджет эмиссионными

деньгами. В-третьих, благодаря безупречной репутации сами американские облигации выступают привлекательным и безрисковым объектом для капиталовложений со стороны иностранных инвесторов и центральных банков.

Таким образом, лидирующее положение США на рынке капитала позволяет стране достаточно безопасно и устойчиво наращивать государственный долг. При этом существует инструмент его контроля в виде установления предельного значения госдолга Конгрессом США, решение о котором в последние годы стало предметом острых дискуссий между республиканцами и демократами.

Другой характерной особенностью финансовой системы США является отрицательное сальдо текущих операций платежного баланса, сохраняющееся на протяжении последних 50 лет. В его основе лежит высокий внутренний спрос в США, выступающий двигателем мирового развития и позволяющий торговым партнерам страны поставлять необходимые товары и услуги на американский рынок. В этой связи устойчивый дефицит платежного баланса США следует считать не случайным или негативным явлением, а неотъемлемой характеристикой ее текущего положения в мировой финансовой системе и одной из движущих сил глобализации.

Отрицательный баланс платежных операций компенсируется значительным чистым притоком капитала в США, который является ключевым фактором поддержания условий для экономического роста и повышения уровня жизни американского населения. За последние несколько десятилетий Соединенные Штаты стали крупнейшим в мире реципиентом капитала благодаря высокой инвестиционной привлекательности, огромной емкости внутреннего рынка, политической и экономической стабильности, а также становлению других развитых и развивающихся стран в качестве ведущих иностранных инвесторов.

Одновременно США являются крупнейшим в мире экспортёром капитала, а американские компании – лидерами в формировании глобальных

цепочек производства. Они создали так называемую «вторую экономику» – экономическое пространство из сети холдингов и филиалов за рубежом, которое обеспечивает занятость и развитие хозяйства как в странах, принимающих инвестиции, так и в самих Соединенных Штатах.

Если в структуре американских активов за рубежом почти половину составляют портфельные инвестиции и около трети – прямые, то в структуре активов нерезидентов в США 40% приходится на казначейские и корпоративные облигации, четверть – на акции американских компаний.

Объемы движения капитала с участием США демонстрировали последовательный рост в 1990–2000-х годах, но существенно замедлились в последние 10 лет в связи с мировым финансовым кризисом, а также изменениями в механизмах глобального производства и в национальной инвестиционной политике.

Особую роль в продвижении глобализации через создание международного производства играют прямые иностранные инвестиции, по накопленному объему которых США сохраняют безусловное лидерство. Активное участие страны в их движении способствует продвижению внешнеэкономических интересов и вносит существенный вклад американского капитала в мировой научно-технический прогресс благодаря передаче технологий, проведению научных исследований и опытно-конструкторских работ в принимающих странах. Вместе с тем сдерживающий эффект американской инвестиционной политики последних лет позволил японским и китайским компаниям обогнать США в рейтинге главных мировых инвесторов.

В структуре как стран-доноров, так и реципиентов ПИИ с участием США преобладают крупные развитые страны, что говорит о тесном переплетении капиталов этих государств и значительном объеме внутрикорпоративного финансирования.

Американское государство проводит регулирование международного движения капитала через развитое инвестиционное законодательство,

обеспечивающее согласованность национального и международного правовых режимов. Одним из главных инструментов политики США на этом направлении являются двусторонние договоры о поощрении и взаимной защите капиталовложений, обеспечивающие гарантии на инвестиционную деятельность и правовую защиту как американским компаниям за рубежом, так и иностранным в США. Помимо двусторонних соглашений Вашингтон активно использует многосторонние торгово-инвестиционные форматы и возможности международных финансовых институтов.

Значимое влияние на движение капитала с участием США оказало принятие в 2017 г. Закона о снижении налогов и создании рабочих мест, который привел к возврату существенного объема ПИИ назад в США и снижению стимула к размещению активов за рубежом. Проведение протекционистской инвестиционной политики Соединенными Штатами в последние несколько лет не является исключением, а идет в русле схожих глобальных тенденций. Начавшийся в 2010-х гг. тренд на снижение ПИИ и международного производства объясняется в числе прочих факторов растущей цифровизацией экономики, снижением отдачи от иностранных инвестиций, а также фрагментацией международной экономической политики.

Разрушительное влияние на зарубежные капиталовложения оказала пандемия COVID-19, после которой произошло перераспределение инвестиций в пользу цифровых технологий и дистанционных сервисов, а также компаний с наилучшими экологическими, корпоративными и социальными стандартами.

Производство будущего будут формировать несколько устойчивых траекторий, таких как решоринг (возвращение иностранных производств обратно в страну происхождения капитала), диверсификация (создание множества коротких и устойчивых цепочек стоимости в различных локациях), регионализация (вертикальная и горизонтальная интеграция цепочек стоимости с дублированием мощностей на региональном уровне) и

репликация (создание товаров и услуг непосредственно в месте их потребления благодаря использованию аддитивных технологий).

В этих условиях ключевым фактором успеха для экономики и финансовой системы любого государства становится приспособляемость к новой реальности, в которой главный актив – это информация и возможность ее обработки, анализа и распространения с помощью передовых технологий.

На сегодняшний день американские ТНК играют ведущую роль в процессе адаптации производства под нужды цифровой экономики.

ГЛАВА 4. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА США

4.1. История становления топливно-энергетического сектора США и его современная характеристика

Энергетическая безопасность, то есть обеспечение бесперебойного доступа к энергетическим ресурсам по приемлемой цене, является важнейшим компонентом устойчивого экономического развития любой страны. С учетом ограниченности многих видов ископаемого топлива, волатильности цен и участившихся попыток использовать природные ресурсы в качестве инструмента давления, энергетика приобретает все большее политическое значение в контексте обеспечения общей безопасности и суверенитета государства.

Место топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в современном экономическом и геополитическом положении США трудно переоценить. Он представляет собой совокупность различных отраслей и подсистем, служащих для преобразования, распределения и использования энергетических ресурсов всех видов. В состав ТЭК входят многочисленные предприятия по добыче первичного энергетического сырья – угля, нефти, природного газа, урана, его последующей переработке, обогащению и утилизации, а также транспортная инфраструктура, электростанции всех типов, трубопроводы, распределительные сети и подстанции.

Принимая во внимание важность энергетики в обеспечении национальной безопасности, несмотря на рыночную систему хозяйствования, значительная часть американских энергетических предприятий находится в государственной или смешанной собственности, а их деятельность стабильно субсидируется как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Под государственным управлением находятся многие крупные тепловые и гидроэлектростанции, магистральные линии электропередачи, региональные

распределительные энергетические сети, а также военно-стратегические нефтяные резервы и отдельные месторождения топливного минерального сырья.

Историю развития топливно-энергетического комплекса Соединенных Штатов можно разделить на несколько этапов. На первом из них, до конца XIX в., в качестве источника энергии преимущественно применялась широкодоступная в то время древесина. Далее ускоренная индустриализация, урбанизация и развитие железных дорог привели к увеличению использования угля, и к 1885 г. он стал основным источником первичной энергии (см. рис. 4.1).

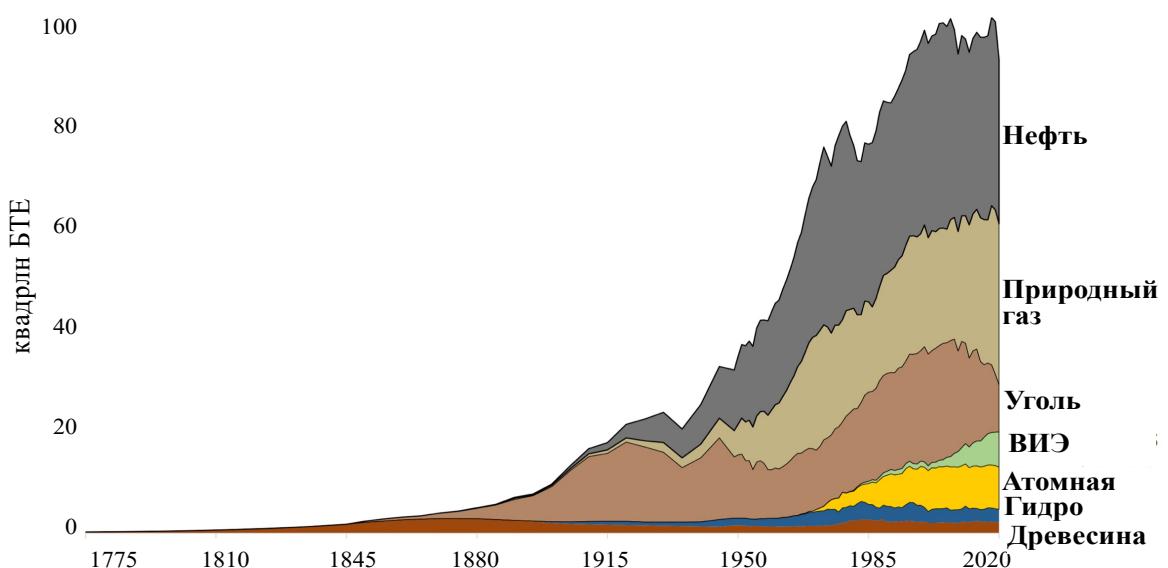

Рисунок 4.1. Первичное потребление энергии в США по основным источникам в 1775–2020 гг., в британских тепловых единицах.

Источник: U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/>

Однако на фоне разработки обширных месторождений углеводородов уже в середине XX в. нефть и природный газ стали доминирующими видами топлива в энергобалансе страны. Главными факторами увеличения потребления нефти являются дешевизна добычи и ее высокая энергоемкость, удобство транспортировки, а также возможность использования в виде

бензина и дизеля в двигателях внутреннего сгорания, обслуживавших стремительно растущее число частных автомобилей американцев.

Этот тренд был отчасти скорректирован лишь двумя нефтяными кризисами в 1970-х гг. Удорожание нефти и привязанного к ней по цене природного газа привело к новому витку активного применения дешевого угля в электроэнергетике вплоть до начала 2000-х гг. Параллельно во второй половине XX в. весомую долю в электrogенерации заняли атомная и гидроэнергетика, а с конца века взрывной рост сопровождал развитие альтернативных источников энергии.

В последнее десятилетие структура энергобаланса США продолжила изменения: из-за экологических ограничений и введения квот на выбросы доля угля в электрогенерации и общем энергопотреблении начала резко снижаться, а доля природного газа и возобновляемой энергетики как более экологичных источников – пропорционально увеличиваться. В результате в 2020 г. основными источниками энергии по-прежнему остаются углеводороды – нефть (35%) и газ (34%). Вместе с тем ВИЭ с учетом гидроэнергетики (12%) уже потеснили уголь (10%) и атомную энергетику (9%).

Общий объем первичного энергопотребления в США в 2020 г. составил около 93 квадриллионов британских тепловых единиц (квдрлн б.т.е.), или, если выразить это число в нефтяном эквиваленте, то около 2 350 млн тонн²⁰⁷. Следует учитывать, что около 25% из этого объема теряются в ходе переработки и электрогенерации и конечный объем энергопотребления составляет около 70 квдрлн б.т.е.

В сравнении с другими государствами такое потребление энергии весьма внушительно, и его превосходит лишь Китай (134 квдрлн б.т.е., или 3,4 млрд т в нефтяном эквиваленте²⁰⁸). Потребление энергии на душу населения в США (282 ГДж на чел.) также является одним из самых больших

---

²⁰⁷ January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>

²⁰⁸ Key World Energy Statistics 2021 / International Energy Agency // URL: <https://www.iea.org/reports/key-world-energy-statistics-2021>

в мире, уступая лишь Канаде, Брунею, Катару, Кувейту и Исландии²⁰⁹. При этом отметим, что оно достигло пика еще накануне первого нефтяного кризиса в 1974 г. и с тех пор остается стабильным, а с начала пандемии коронавируса в 2020 г. даже снижается. Такому тренду способствовало широкое применение технологий энергосбережения и политики «нулевых» выбросов, о чем будет подробно рассказано в следующем разделе.

В табл. 6.1 показано распределение потребления первичных источников энергии в США по основным секторам: промышленному (куда американская статистика также включает строительство, АПК, рыболовство и лесное хозяйство), транспортному, жилищному и коммерческому (обеспечение работы всех нежилых зданий и сооружений). Электроэнергетику стоит рассматривать как промежуточный, преобразующий сектор между первичными источниками энергии и ее конечным потреблением в экономике страны.

Как видно из таблицы, большая часть нефти и нефтепродуктов используется в транспорте (68%), а также в промышленном и сельскохозяйственном комплексе (26%). Природный газ и продукты его переработки также в значительном объеме направляются в промышленность (33%), но еще большая доля этого полезного ископаемого используется в электроэнергетике (38%), так как за последние несколько лет американские теплоэлектростанции почти повсеместно перешли с угля на газ. В 2015 г. выработка электроэнергии из углеводородов впервые сравнялась с угольной, а в 2020 г. уже превысила ее в два раза (1 520 и 770 тераватт-часов соответственно²¹⁰).

Таблица 4.1. Структура потребления энергии в США по первичным источникам и секторам в 2020 г., в %

Источник энергии и его	Распределение источника по секторам, в %	Сектор конечного использования	Распределение сектора по источникам, в %
------------------------	--	--------------------------------	--

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>

доля в энергобалансе			
Нефть 35%	26% - промышленность 68% - транспорт 3% - жилищный 2% - коммерческий 1% - электроэнергетика	Промышленность 24%	33% - нефть 41% - природный газ 9% - ВИЭ 4% - уголь 12% - электроэнергетика
Природный газ 34%	33% - промышленность 3% - транспорт 15% - жилищный 10% - коммерческий 38% - электроэнергетика	Транспорт 23%	90% - нефть 4% - природный газ 5% - ВИЭ 1% - электроэнергетика
Возобновляемые источники, включая гидроэнергетику 12%	20% - промышленность 11% - транспорт 7% - жилищный 2% - коммерческий 60% - электроэнергетика	Жилищный сектор 11%	8% - нефть 42% - природный газ 7% - ВИЭ 43% - электроэнергетика
Уголь 10%	10% - промышленность 90% - электроэнергетика	Коммерческий сектор 8%	9% - нефть 38% - природный газ 3% - ВИЭ 50% - электроэнергетика
Атомная энергия 9%	100% - электроэнергетика	Электроэнергетик а 34%	1% - нефть 33% - природный газ 19% - ВИЭ 23% - уголь 23% - атомная энергия

Источник: Составлено автором на основе U.S. Energy Information Administration // URL:

https://www.eia.gov/totalenergy/data/monthly/pdf/flow/total_energy_2020.pdf

Уголь, атомная энергия и возобновляемые источники в США практически полностью используются для производства электроэнергии. При этом выработка электричества из ВИЭ, включая энергию воды, в 2020 г. составила 750 тыс. ГВт·ч и практически сравнялась с атомной и угольной энергетикой.

В распределении потребления энергии по секторам примерно равные доли занимают промышленность (24%) и транспорт (23%), использующие преимущественно ископаемое топливо. Жилищный и коммерческий секторы вместе потребляют 19% всей производимой энергии, получая большую ее часть в виде электричества и газового отопления.

Таким образом, для США характерны отсутствие зависимости от какого-либо одного вида топлива и высокая диверсификация источников

энергии, а также использование их сравнительных преимуществ в различных секторах конечного потребления.

Для полноценного анализа ТЭК страны необходимо определить степень его зависимости от торговли энергоресурсами. Как видно из рис. 4.2, демонстрирующего динамику нетто-импорта основных видов топлива, на протяжении всей послевоенной истории Соединенные Штаты являлись крупным импортером углеводородов.

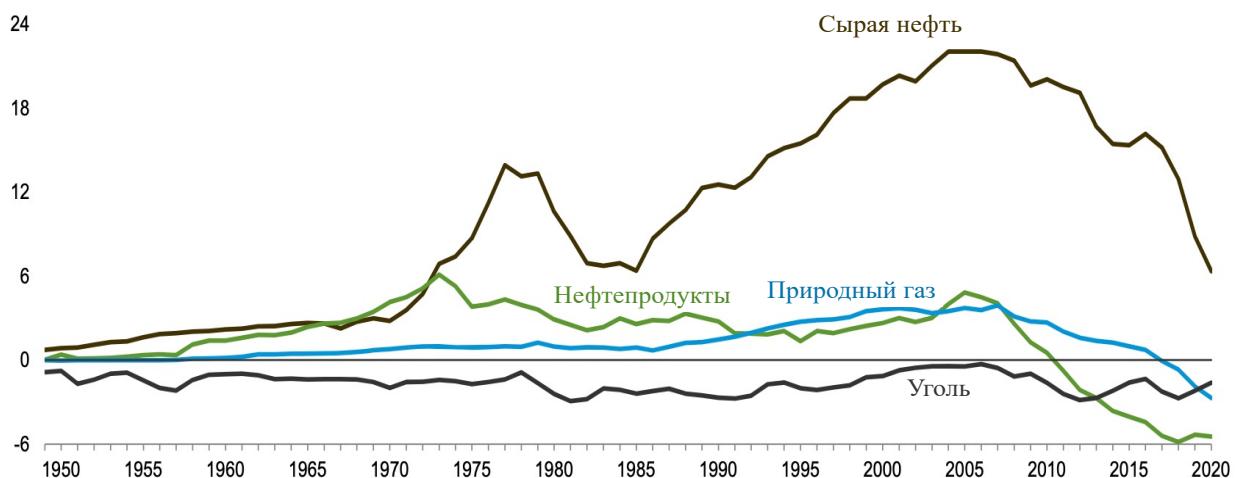

Рисунок 4.2. Нетто-импорт основных видов энергоресурсов в США В 1949-2020 гг., в квадрлн британских тепловых единиц.

Источник: *January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>*

Растущее потребление нефти и нефтепродуктов транспортным и промышленным комплексами США на протяжении 1950–1970-х гг. обусловили кратное увеличение ее поставок в страну, остановленное лишь скачками цен вследствие нефтяных кризисов. Однако с середины 1980-х гг. на фоне благоприятной ценовой конъюнктуры наращивание импорта нефти поэтапно продолжалось вплоть до огромных объемов – 14 млн баррелей в день (682 млн т в год) в 2005–2006 гг.²¹¹

²¹¹ January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>

Характерной чертой этого периода развития нефтегазового комплекса США было намеренное ограничение национальной добычи и даже консервация крупных месторождений по соображениям национальной безопасности и экономической выгоды. Объем добычи нефти и попутного нефтяного газа снизился с 10,5 млн барр. в сутки в 1985 г. до менее 7 млн барр. в 2005–2008 гг.²¹²

Одновременно значительных объемов достигли импортные поставки нефтепродуктов и природного газа. Нетто-импорт углеводородов в 2005 г. достиг 26 квадрлн б.т.е при общем потреблении энергии около 100 квадрлн б.т.е.²¹³ Именно в это время, на фоне американских военных операций в Ираке и Афганистане, неуклонного роста нефтяных цен и растущего влияния Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), развилось представление о крайне зависимом положении США на мировом рынке энергоносителей. Контроль над топливными ресурсами и обеспечение их стабильных поставок стал восприниматься не просто как экономическая выгода, а как стратегическая цель в интересах национальной безопасности.

Однако в конце 2000-х – начале 2010-х гг. параллельно начали развиваться несколько процессов, которые полностью изменили роль США на мировом энергетическом рынке. С одной стороны, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. в значительной мере изменил глобализационные процессы, усилив запрос на протекционизм и самообеспечение в ключевых отраслях, в том числе в энергетике. С другой стороны, обострение ситуации на Ближнем Востоке и посткризисное восстановление мировой экономики обеспечили длительный период высоких цен на углеводороды, что дало стимул геологоразведке и поиску новых технологий добычи.

И такие технологии были найдены именно в Соединенных Штатах. В ходе так называемой «сланцевой революции», начиная с 2007 г., в промышленную эксплуатацию были повсеместно внедрены эффективные

---

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

методы добычи нефти и газа из сланцевых пород, заключающиеся в комбинации наклонно-направленного бурения с протяженными горизонтальными участками и многостадийного гидроразрыва пласта.

В результате применения таких технологий США всего за несколько лет резко нарастили добывчу из сланцев сначала газа, а затем и сырой нефти (см. рис. 4.3), обойдя по общим объемам производства этих углеводородов крупнейших традиционных поставщиков, включая Россию и Саудовскую Аравию.

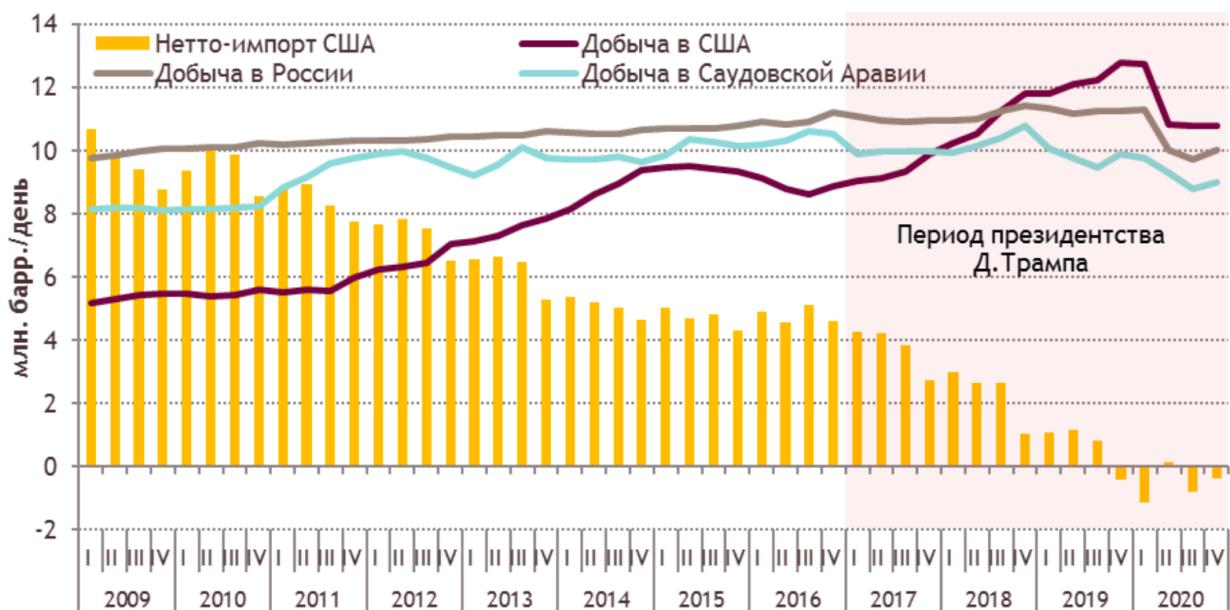

Рисунок 4.3. Объем добычи сырой нефти в США, России и Саудовской Аравии и нетто-импорт нефти и нефтепродуктов в США в 2009-2020 гг., в млн барр. в день.

Источник: *Новые векторы в энергетической политике США. Энергетический бюллетень, январь 2021 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации // URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/2290>*

В 2020 г. США добыли почти 600 млн т нефти (11,2 млн барр. нефти в сутки) и 949 млрд м³ природного газа (Россия – 722 млрд м³).²¹⁴ С 2017 г.

²¹⁴ Key World Energy Statistics 2021 / International Energy Agency // URL: <https://www.iea.org/reports/key-world-energy-statistics-2021>

страна стала экспортером газа, а с начала 2020 г., впервые в истории, нетто-экспортером нефти и нефтепродуктов.

«Сланцевая революция», однако, стала уникальным событием, которое сложно повторить как в других странах, так и в самих США в другое время и при другой конъюнктуре. Во-первых, свою роль здесь сыграли институциональные факторы американской модели, а именно наличие большого числа независимых сервисных компаний, заинтересованных в активном освоении нетрадиционных месторождений²¹⁵.

Во-вторых, несмотря на огромные объемы новых разведанных запасов, сланцевые месторождения имеют значительно более короткий срок эксплуатации. Быстрое падение добычи происходит уже после 5–6 лет активного использования скважин²¹⁶. В США этот процесс удается компенсировать огромными капиталовложениями, необходимыми для наращивания числа скважин наклонного бурения, увеличения протяженности их горизонтальных отрезков и более интенсивной обработки подземных нефтегазоносных пластов. Параллельно увеличиваются объем и концентрация закачиваемых в пласты химических реагентов и рабочих растворов.

В настоящее время Соединенные Штаты практически полностью обеспечивают свою экономику всеми необходимыми энергоносителями и даже постепенно примеряют новую для себя роль экспортёра природного газа. Так, в 2020 г. объем американских поставок газа составил 150 млрд м³ (экспорт России в этот же год – около 180 млрд м³), более трети из которого (57 млрд м³) направляется по трубопроводам в Мексику, 25 млрд м³ – в Канаду, а 68 млрд м³ реализуется в виде сжиженного природного газа на азиатские и европейские рынки. При этом сами США импортируют канадский газ в объеме свыше 70 млрд м³. Благодаря развитой системе трубопроводов и отсутствия торговых барьеров США и Канада действуют практически как единый энергетический

²¹⁵ Афонцев С.А. Новые тенденции в развитии мировой экономики. // Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, С. 38

²¹⁶ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 359.

рынок и являются крупнейшими двусторонними партнерами друг для друга в этой сфере.

Отдельно стоит затронуть развитие атомной энергетики в США, традиционно играющей важную роль в энергобалансе страны. По установленной мощности реакторов (96 ГВт) и общей выработке электроэнергии на АЭС (790 тераватт-часов в год) США занимают первое место в мире. Тем не менее отрасль в последние десятилетия фактически стагнирует, выработка энергии не увеличивается. С 2012 г. прекращена работа десяти блоков, а замещение мощностей не происходит.

Негативное отношение к атомной энергетике сформировалось в США после аварии на АЭС «Три-Майл-Айленд» в 1979 г., после чего государство перестало поощрять развитие отрасли. С того времени в секторе мирного атома было начато лишь четыре проекта, два из которых были отменены из-за своей дороговизны²¹⁷.

Препятствиями для комплексного развития отрасли являются ее раздробленность, слабая вертикальная интегрированность и отсутствие стабильного госфинансирования. В отличие от России или Франции, большая часть атомных энергоблоков в США находятся в частной собственности, и государство владеет только тремя АЭС.

Кроме того, при формировании федерального бюджета сталкиваются интересы различных групп, включая ярых противников атомной энергетики и ее конкурентов – производителей углеводородов и возобновляемых источников. Традиционно Республиканская партия более благосклонно относилась к ядерной энергии, в то время как демократы опасались за ее безопасность и экологические последствия. Свой негативный вклад в развитие АЭС внесла и «сланцевая революция», позволившая снизить цену на газ в стране в три раза.

---

²¹⁷ Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США по атомной энергетике. / «США & Канада: экономика – политика – культура», Выпуск № 9, 2021. с. 74

На международных рынках американские предприятия несколько уступают позиции «Росатому» и китайским государственным корпорациям. Основная компания, которая занимается экспортом услуг по сооружению АЭС и ядерного топлива, – «Вестингауз» – сейчас реализует лишь два проекта на территории США и шесть – на стадии оформления в Индии. Вместе с тем на рынке топливных продуктов американская корпорация занимает 23% поставок, в то время как «Росатом» – 16%²¹⁸. При этом «Вестингауз» активно подминает под себя рынки восточно-европейских стран, где используются реакторы советского производства.

Развитие возобновляемой энергетики представляется целесообразным рассмотреть в следующем разделе, посвященном будущему топливно-энергетического комплекса США.

4.2. Государственная политика США в энергетической сфере

Ввиду своей значимости для экономики США топливно-энергетический комплекс всегда являлся предметом особого внимания и регулирования со стороны государства. При определении контуров политики в этой сфере американское правительство традиционно руководствуется задачей поддержания национальной энергетической безопасности, подразумевающей устойчивое обеспечение эффективным, надежным и экологически безопасным энергоснабжения по доступным ценам.

Нормативно-правовой базой государственного энергетического регулирования служит разветвленная сеть законов и подзаконных актов, ведущая историю еще со времен Первой мировой войны. Тогда глобальный конфликт обозначил необходимость обеспечения стабильных поставок энергоносителей, а индустриализация требовала резкого наращивания возможностей и координированного управления ТЭК страны. В 1920 г. был принят Федеральный энергетический акт, переживший с тех пор несколько

---

²¹⁸ Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США по атомной энергетике. / «США & Канада: экономика – политика – культура», Выпуск № 9, 2021. С. 76.

поправок, а в 1938 г. – Закон по природному газу, регулирующий соответствующую отрасль и по сей день. Уже после Второй мировой войны были приняты основополагающие акты государственной политики в области окружающей среды – Закон о чистом воздухе 1963 г. и Закон о национальной экологической политике 1970 г.

На волне нефтяных кризисов 1970-х гг. и роста цен на традиционные энергоносители были приняты Закон об энергетической политике и консервации 1973 г. и Закон об энергетической безопасности 1980 г., впервые предоставивший субсидии возобновляемой энергетике. Власти США также стали оказывать сектору ВИЭ масштабную поддержку через государственные расходы на НИОКР, пилотные и демонстрационные проекты в данной сфере, а также через специальные «зеленые тарифы», по которым продавалась электроэнергия, произведенная с использованием ВИЭ.

Однако в 1980-е гг. цены на ископаемое топливо снизились, и все еще дорогая альтернативная энергетика стала менее конкурентной по сравнению с традиционной. Энтузиазм, с которым государство принялось развивать ВИЭ в 1970-е гг., быстро угас, и объемы господдержки значительно снизились. Одновременно выросла зависимость США от импорта ископаемых энергоносителей, которые характеризуются неустойчивой ценовой конъюнктурой и неуправляемыми колебаниями спроса.

В период наибольшего обострения этой зависимости в 2005 г. был принят Закон об энергетической политике, который дал широкие права Федеральной комиссии по регулированию в области энергетики и ввел первые обязательные меры по содержанию биоэтанола в автомобильном топливе. В 2007 г. были введены дополнительные стандарты энергоэффективности и расширены программы поддержки ВИЭ через Закон об энергетической независимости и безопасности.

Президент Б. Обама расширил и углубил стимулирующие меры Дж. Буша: дополнительные расходы на развитие возобновляемой энергетики были предусмотрены в обоих актах по противодействию мировому

финансовому кризису – Законе об экстренной стабилизации экономики 2008 г. и Плане американского возрождения и реинвестирования 2009 г., а также в ежегодных федеральных бюджетах в 2010–2012 гг. Ключевые меры поддержки ВИЭ включали в себя финансирование соответствующих НИОКР и инноваций, в том числе Агентства передовых исследований в области энергетики, продление налоговых льгот и денежных субсидий для электростанций и производств на ВИЭ, а также подготовку рабочей силы к трудуустройству в секторе чистой энергетики и ускорение процесса получения «зеленых» патентов. В результате этих мер в 2008–2012 гг. были удвоены установленные мощности ВИЭ, а в секторе чистой энергетики создано 900 тыс. рабочих мест и выдано 3,5 тыс. патентов²¹⁹.

В 2011 г. Б. Обама инициировал «Концепцию безопасного энергетического будущего» – стратегический план, который предполагал приоритетное инвестирование в альтернативную энергетику, чистые и безопасные энергетические технологии, а также увеличение топливных запасов, сокращение вредных выбросов и борьбу с изменениями климата.

Важной составляющей концепции стала задача достижения независимости экономики США от импортных топливных поставок. Реализации этой цели способствовала сланцевая революция, позволившая в короткий срок кратно нарастить добычу как нефти и попутных продуктов, так и природного газа.

Тем не менее выйти на лидирующие позиции среди производителей углеводородов страна смогла только при следующем президенте. Продолжая общий курс на усиление энергетической независимости США, Д. Трамп в остальном решительно отверг прежнюю программу администрации Б. Обамы. Он обвинил бывшее демократическое руководство в реализации курса на консервацию внутренней минерально-сырьевой базы, в провоцировании глубокого кризиса американской угольной отрасли и банкротств сланцевых

---

²¹⁹ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 396.

нефтегазовых компаний под гнетом неоправданно жестких экологических ограничений.

В качестве новой стратегической цели республиканское правительство обозначило энергетическое доминирование США, предполагающее максимальное вовлечение внутренней минерально-сырьевой базы на основе разработки сланцевых нефти и газа, гарантированное удовлетворение внутреннего спроса и развитие экспортного потенциала. При этом предусматривалось снижение объема экологических затрат за счет частичной отмены или ослабления государственных ограничений, а также применения инновационных технологий добычи углеводородов и утилизации отходов.

В 2017–2020 гг. США действительно добились заметных успехов в развитии нефтяной и газовой отрасли, став крупнейшим в мире производителем обоих ископаемых и даже их нетто-экспортером. Одной из важнейших общекономических мер, поддержавших энергетический сектор, стала налоговая реформа 2017 г. Снижение налоговой нагрузки увеличило финансовую устойчивость американских нефтегазовых компаний и позволило им снизить цену безубыточности добычи.

Д. Трамп проводил политику по смягчению экологического законодательства и устранению нормативных барьеров для разработки нефтегазовых месторождений, строительства трубопроводов и потребления ископаемого топлива. Так, он инициировал выход США из Парижского соглашения по климату и на международном уровне демонстративно не поддерживал различные инициативы, связанные с предотвращением глобального потепления. В первые месяцы президентства Д. Трамп одобрил старт спорных проектов строительства нефтепроводов Dakota Access и Keystone XL, по которым планировались поставки нефти из Канады и севера США на НПЗ на побережье Мексиканского залива.

Активная протекционистская политика Д. Трампа за рубежом также оказала значительное влияние на мировой энергетический рынок. Эмбарго на поставки сырой нефти из Венесуэлы и Ирана и ограничения в отношении ТЭК

России снизили конкурентоспособность поставщиков из этих стран и изменили расклад сил на мировом рынке нефти.

В то же время попытки республиканской администрации поддержать угольную отрасль не смогли переломить тенденцию на ее сворачивание, не столько из-за экологических ограничений, сколько из-за ценовой неконкурентоспособности угля в качестве топлива на ТЭС по сравнению с дешевым сланцевым газом. Кроме того, несмотря на отсутствие новых мер стимулирования ВИЭ на федеральном уровне, солнечная и ветроэнергетика смогли показать в период президентства Д. Трампа впечатляющий рост за счет удешевления технологий и масштабных субсидий, принятых на уровне отдельных штатов.

Дж. Байден уже в ходе предвыборной гонки заявлял о противоположных Д. Трампу взглядах на развитие энергетики страны. В центре политики нового президента находится «зеленая повестка», изложенная в девяти направлениях его Плана революции чистой энергетики:

- ужесточение ограничений на выбросы нефтегазовыми компаниями, более строгие стандарты экономии топлива для транспорта, а также запрет новых разрешений для добычи углеводородов;
- законодательное закрепление цели выхода США на нулевой уровень выбросов парниковых газов к 2050 г.;
- возвращение США в Парижское соглашение и продвижение международных инициатив в области климата;
- инвестирование в течение десяти лет 400 млрд долл. в «чистую энергетику» и связанные с ней инновации;
- ускорение внедрения «чистых» технологий во все отрасли экономики через модернизацию производств, повышение энергоэффективности и переход на возобновляемую электроэнергетику;
- приоритизация «экологической справедливости» для всех федеральных государственных органов власти;
- ужесточение ответственности за загрязнение окружающей среды;

– создание 10 млн рабочих мест в отраслях, связанных с реализацией плана;

– выполнение сообязательств перед работниками, занятыми в сфере добычи ископаемого топлива²²⁰.

Уже в первые дни пребывания Дж. Байдена в Белом доме было отозвано выданное Д. Трампом разрешение на строительство нефтепровода Keystone XL из Канады, и введены ограничения на разработку углеводородов на Арктическом шельфе. Принятый новым президентом исполнительный указ «О борьбе с климатическим кризисом в стране и за рубежом» требует учета вероятных последствий выбросов парниковых газов для всех федеральных инвестиций в инфраструктуру.

«Инфраструктурный план» Дж.Байдена, описанный ранее, изначально предполагал направление 56% выделяемых средств на переход США к низкоуглеродной экономике. В итоговой двухпартийной компромиссной версии законопроекта климатические расходы составляют уже значительно меньшую долю – всего около 100 млрд долл., не считая затрат на модернизацию систем водоснабжения и повышение устойчивости инфраструктуры к стихийным бедствиям. Кроме того, 21 млрд долл. выделяется на связанную с энергопереходом консервацию угольных шахт, нефтяных и газовых скважин²²¹.

Для достижения американского превосходства в мировой энергетике администрация Дж. Байдена делает основную ставку на ВИЭ. В течение ближайшего десятилетия планируется по меньшей мере удвоить мощности ветряной и солнечной генерации. Особый акцент делается на морской ветроэнергетике: уже санкционировано строительство трех ветропарков на

---

²²⁰ Fact Sheet: President Biden Takes Executive Actions to Tackle the Climate Crisis at Home and Abroad, Create Jobs, and Restore Scientific Integrity Across Federal Government. Washington, DC, January 27, 2021
\\ <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/27/fact-sheet-president-biden-takes-executive-actions-to-tackle-the-climate-crisis-at-home-and-abroad-create-jobs-and-restore-scientific-integrity-across-federal-government/>

²²¹ Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с китайским акцентом / США & Канада, выпуск № 12, 2021 г. – С. 92.

шельфе Атлантического океана совокупной мощностью свыше 2 ГВт, планируется выдача разрешений на строительство шельфовых ВЭС в Калифорнии и Мексиканском заливе.

Тем не менее достижение заявленной цели по переводу всей электроэнергетики на ВИЭ к 2035 г. выглядит маловероятным с учетом неминуемого снижения государственных субсидий на возобновляемую энергетику и низкую себестоимость газового топлива. Весьма спорной представляется возможность достижения поставленной президентом задачи глобального лидерства в электрификации транспорта. Даже с учетом прогнозируемого снижения цен на аккумуляторы и роста спроса на электромобили, их доля в автопарке США может к 2030 г. вырасти с сегодняшних 3% в 4–5 раз, но основную часть рынка будут по-прежнему занимать автомобили на двигателях внутреннего сгорания²²².

Последствия агрессивного климатического курса, взятого Дж. Байденом, могут иметь негативные последствия для развития нефтегазовой промышленности страны. В частности, освоению новых месторождений и развитию трубопроводной инфраструктуры будут препятствовать сокращение федеральной поддержки традиционной энергетики и дискриминация электростанций на ископаемом топливе, а также ужесточение регулирования выбросов метана предприятиями ТЭК. Некоторые эксперты считают, что в случае анонсируемого ограничения добычи углеводородов на федеральных землях может возникнуть ситуация, когда США, располагая огромными и доступными ресурсами, будет вновь полагаться на иностранные поставки нефти и газа.

В значительной степени развитие возобновляемой энергетики и повышение энергоэффективности зависит от финансирования научных исследований и прикладных разработок в этой сфере. Общий бюджет расходов США на НИОКР в энергетике достиг в 2020 г. 8,8 млрд долл., из

---

²²² Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с китайским акцентом / США & Канада, выпуск № 12, 2021 г. – С. 95.

которых 2,7 млрд долл. было потрачено на фундаментальные исследования, 2,5 млрд долл. – на исследования в области энергоэффективности, 1,4 млрд долл. – на атомную энергетику и около 1 млрд долл. – на ВИЭ²²³.

И если по абсолютным значениям затрат на НТП в энергетике США лидируют, то их относительная доля в ВВП (0,05%) хотя и значительна, но уступает некоторым развитым государствам, далеко продвинувшимися в изучении и применении технологий энергоэффективности, таким как Норвегия, Эстония, Швейцария, Япония, Канада или Австралия²²⁴.

В целях форсирования энергоперехода и выхода на безуглеродную и безвыбросную траекторию развития электроэнергетики «Инфраструктурный план» Дж. Байдена предполагает выделение 21,5 млрд долл. на разработку «чистых» технологий, в том числе 8 млрд долл. – на исследования водородной энергетики, 10 млрд долл. – на технологии улавливания углерода и снижения промышленных выбросов, 2,5 млрд долл. – на эксперименты с атомными реакторами следующих поколений и новыми модульными ядерными технологиями²²⁵.

Многое будет зависеть от степени поддержки климатического эксперимента Дж. Байдена на уровне штатов и муниципалитетов. Так, например, Калифорния, как наиболее активный в плане развития ВИЭ штат, уже на законодательном уровне делает все возможное для ускоренного энергоперехода, в том числе готовится запретить выдачу новых разрешений на применение загрязняющего окружающую среду гидроразрыва пласта, широко используемого при добыче сланцевого газа. Весьма амбициозно настроено и бизнес-сообщество: не только крупнейшие нефтегазовые ТНК (ExxonMobil, ConocoPhillips), но и автомобильные концерны заявляют о

---

²²³ IEA Key Energy Statistics 2020 // URL: <https://www.iea.org/countries/united-states>

²²⁴ Energy Policies of IEA Countries. United States Review 2019 / International Energy Agency // URL: <https://www.iea.org/reports/energy-policies-of-iea-countries-united-states-2019-review>

²²⁵ DOE Fact Sheet: The Bipartisan Infrastructure Deal Will Deliver For American Workers, Families and Ushers in the Clean Energy Future / U.S. Department of Energy, November 9, 2021 // URL: <https://www.energy.gov/>

намерении вкладывать огромные средства в экологизацию и в конечном счете стать углеродно-нейтральными.

Новым вызовом для государственной энергетической политики США и развития ТЭК страны в целом стал энергетический кризис 2021–2022 гг. Глобальный рост цен на энергоносители начался с резкого подорожания газа в Европе осенью 2021 г. на волне пробуждения мировой экономики после пандемии, а также целого ряда других причин: истощения запасов ввиду холодов зимой, перехода к зеленой энергетике и соответствующих ограничений на использование ископаемого топлива, а также безветренного летнего сезона, снизившего выработку энергии ветра в Европе в несколько раз.

С нарастанием геополитической напряженности к концу 2021 г. рост цен затронул уже все спотовые площадки природного газа, включая американскую (см. рис. 4.4), а также нефть, уголь и электроэнергию в целом. Украинский кризис в 2022 г. еще более усугубил инфляционный тренд на энергоносители.

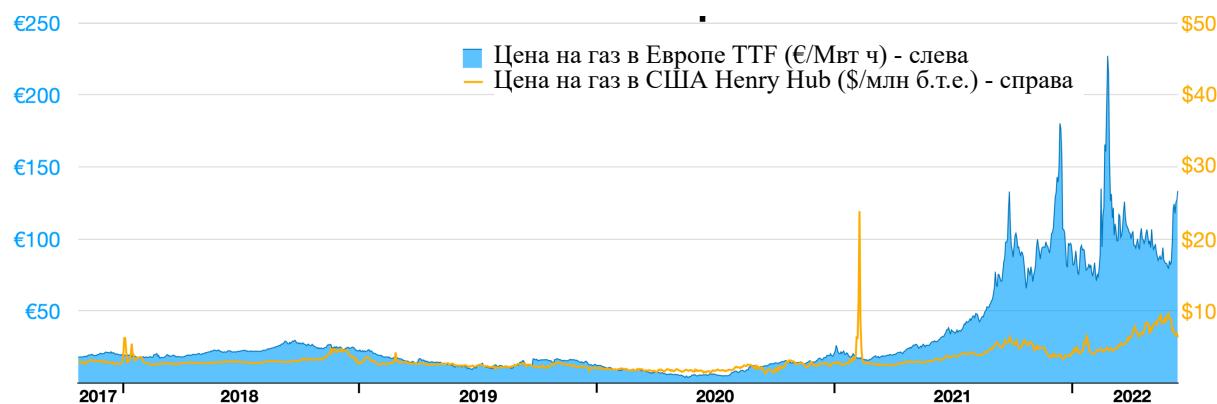

Рисунок 4.4. Цены спотовой торговли на природный газ в Европе и США в 2017–2022 гг.

Источник: U.S. Energy Information Administration // URL:
<https://www.eia.gov/>

Эксперты разнятся в оценках причин и триггеров текущего кризиса, но в качестве одного из фундаментальных факторов так или иначе называются ошибки в реализации подробно описанного в предыдущем разделе энергоперехода. Из-за вводимых в последние годы ограничений на ископаемое топливо и низкую ценовую конъюнктуру традиционные отрасли

ТЭК оставались сильно недофинансированными. Глобальные капиталовложения в разработку и добычу углеводородов в 2021 г. составили только 341 млрд долл., что на 23% ниже доковидного объема в 525 млрд долл. и вдвое – пикового значения 2014 г. в 700 млрд долл.²²⁶ В то же время инвестиции в возобновляемую энергетику не смогли восполнить этот недостаток, а спрос на энергию оставался высоким. В результате его первая повышательная волна после пандемии, усугубленная различными факторами, продемонстрировала недостаточность предложения нефти и газа на мировом рынке.

Глава Международного энергетического агентства заявил, что «мы одновременно переживаем нефтяной, газовый и электрический кризис. Он значительно глубже, чем нефтяные кризисы 1970-х и 1980-х гг., и, вероятно, продлится дольше»²²⁷. В то же время пока что в относительных величинах цены еще не достигли пиков 1970-х гг., а государства воздерживаются от экстремальных регулятивных мер по ограничению цен.

Тем не менее эксперты высоко оценивают вероятность их дальнейшего неконтролируемого роста на фоне попыток Европы отказаться от российских нефти и газа. В этом случае последствия кризиса могут принять угрожающие масштабы, затрагивая восстановление всей глобальной экономики после пандемии, усиливая инфляцию, подстегивая общественные протесты и нивелируя усилия по борьбе с изменениями климата.

Для США этот кризис несет разнонаправленные эффекты с учетом одновременного положения страны как крупнейшего производителя и потребителя энергии. С одной стороны, вслед за мировыми ценами на нефть цены на бензин в США только за 2021 г. выросли на 52%, что вызвало значительный общественный резонанс и подстегнуло и так рекордную

---

²²⁶ The world may be careening toward a 1970s-style energy crisis -- or worse / CNN Business, 03 June 2022 // URL: <https://edition.cnn.com/2022/06/02/business/energy-crisis-inflation/index.html>

²²⁷ Там же.

инфляцию. Природный газ, которым обогревают большинство домов в стране, подорожал за прошлый год в три раза²²⁸.

С другой стороны, эксперты не ожидают в США реального дефицита топлива, как в Европе. Являясь в настоящее время крупным экспортёром газа, США, наоборот, наращивают объемы поставок через океан для замены российского газа, увеличив инвестиции в добычу и строительство СПГ-терминалов. Как видно из рис. 4.5, в первые 4 месяца 2022 г. на Европу пришлось 74% экспорта сжиженного природного газа из США по сравнению с 34% годом ранее.

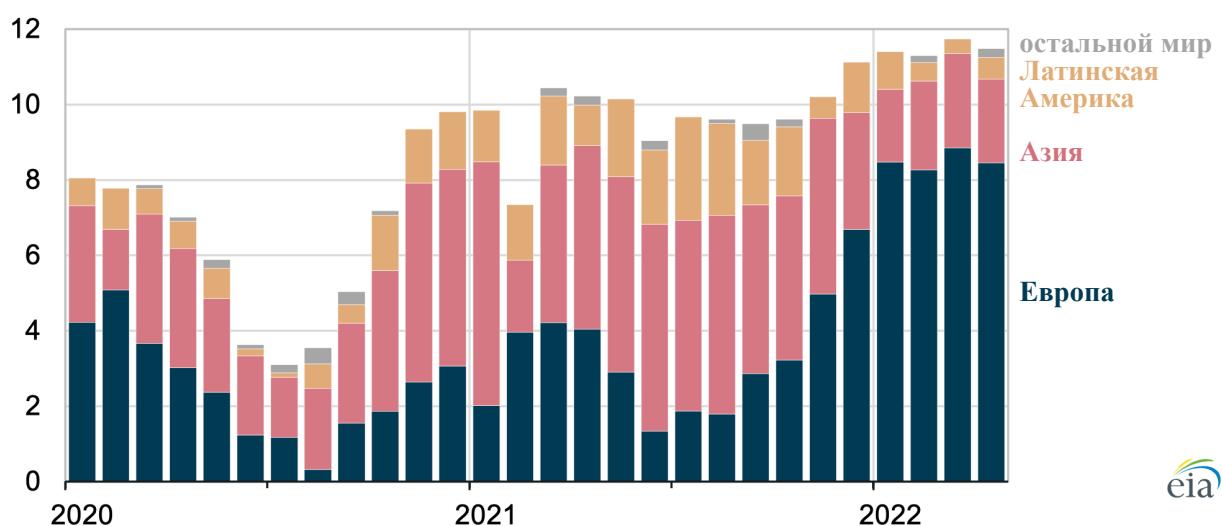

Рисунок 4.5. Объемы экспорта природного газа из США по регионам мира с января 2020 г. по апрель 2022 г. (млрд куб. футов в день).

Источник: U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/>

Таким образом, в результате текущего повышения цен США могут укрепить свои позиции на мировом рынке традиционных энергоносителей и направлять дополнительные доходы на повышение энергоэффективности и инвестиций в ВИЭ.

В то же время поборники энергоперехода опасаются, что из-за растущего европейского спроса частные американские компании предпочтут

²²⁸ Там же.

инвестировать в дальнейшее расширение инфраструктуры по добыче и экспорту газа, оставляя потребителей внутри страны с высокими ценами на топливо и отсутствием возможностей перейти на возобновляемые источники энергии. Так, в I квартале 2022 г. в США было установлено на 24% меньше солнечных панелей, чем за аналогичный период 2021 г.²²⁹ Чтобы достичь амбициозных целей по углеродной нейтральности и защиты окружающей среды, США необходимо утроить темпы снижения выбросов, и текущий энергетический кризис представляет собой самый серьезный вызов на этом пути.

4.3. Глобальный энергетический переход и изменение роли энергетики США на мировом рынке

Для истории мировой энергетической системы характерно несколько энергопереходов – серьезных структурных изменений, во время которых резко увеличивалась доля новых первичных источников энергии и происходило вытеснение старых. К настоящему времени завершилось уже три таких этапа: угольный во второй половине XIX в., нефтяной в 1920–1970-х гг. и газовый в 1970–2010-х гг., что на примере США можно наглядно увидеть на рис. 6.1 из предыдущего раздела.

Сейчас мир переживает четвертый энергопереход, более глобальный, чем все предыдущие: от ископаемых к возобновляемым источникам энергии, куда относят энергию солнца, ветра, воды, а также биотопливо. Одновременно происходят беспрецедентные по масштабу технологические прорывы в области повышения энергоэффективности.

В основе последнего энергоперехода лежат не экономические факторы, а осознанное решение международного сообщества обеспечить удовлетворение потребностей человечества, в том числе потребление энергоресурсов, без ущерба для мировой экосистемы. Важным элементом

---

²²⁹ Why an energy crisis and \$5 gas aren't spurring a green revolution / Washington Post, 14 June 2022 // URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2022/06/14/gas-prices-energy-climate/>

этого обязательства является борьба с изменениями климата, вызванными антропогенными факторами.

На глобальном уровне принимаются экстраординарные меры по сокращению выбросов диоксида углерода (декарбонизации), требующие невообразимых ранее расходов всех ведущих государств. В 2015 г. принято Парижское соглашение, целью которого является удержание роста средней температуры на планете в пределах 1,5 градуса Цельсия от доиндустриального уровня и переход к модели низкоуглеродного развития. К началу 2022 г. к соглашению присоединились 195 государств, включая США (вышли в ноябре 2020 г. и вернулись в феврале 2021 г.) и Россию.

Выбросы парниковых газов, признанных главной причиной потепления климата, регулируют с помощью различных систем квотирования, углеродных налогов и торговли выбросами. С 2019 г. отдельные страны и даже целые региональные организации, такие как Евросоюз, целиком начали провозглашение «зеленых курсов» с целью достижения климатической нейтральности, то есть уравнивания объемов эмиссии и поглощения CO₂ в рамках национальных экономик.

Соединенные Штаты в качестве своего определяемого на национальном уровне вклада в реализацию Парижского соглашения поставили задачу к 2030 г. снизить объем выбросов парниковых газов на 50–52% по сравнению с их максимальным уровнем 2005 г. (см. рис. 4.6).

Это решение было принято президентом Дж. Байденом в апреле 2021 г. наряду с более долгосрочной целью добиться нулевого уровня выбросов к 2050 г. Для экономики США эта задача диктует необходимость коренных изменений в энергопотреблении и перестройки всего хозяйственного комплекса к следующему, более совершенному технологическому укладу.

В практическом плане декарбонизация стимулирует компании брать на себя обязательства по полному переходу на ВИЭ и отказываться от финансирования проектов, связанных с высоким уровнем выбросов. В

противном случае это будет чревато удорожанием для них частного финансирования и лишением доступа к государственному.

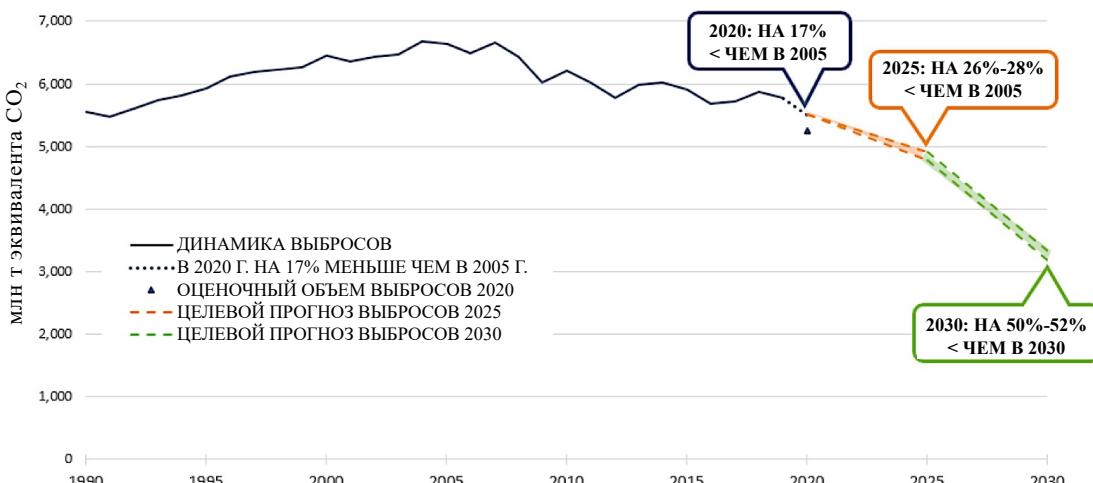

Рисунок 4.6. Объем выбросов парниковых газов в США в 1990–2020 гг. и прогноз в соответствии с целями до 2030 г.

Источник: *The United States of America Nationally Determined Contribution. Reducing Greenhouse Gases in the United States: A 2030 Emissions Target* // URL: <https://www4.unfccc.int/>

Конкуренция между ископаемыми и возобновляемыми источниками энергии выводится на новый уровень, когда вторым предоставляются различные административные и неэкономические преимущества. Многие государства, включая США, уже отходят от принципа технологической нейтральности и переходят к прямой дискриминации невозобновляемой энергетики. В результате крупнейшие ТНК, нацеленные на извлечение сырьевой ренты, в том числе американские ExxonMobil, Chevron и ConocoPhillips, теряют свою привлекательность и капитализацию. В ответ они вынуждены «озеленяться», сокращать выбросы парниковых газов и формировать соответствующие стратегии.

Стержнем глобальной «зеленой» повестки становятся возобновляемые источники энергии. В 2020 г. на них пришлось 90% прироста всех генерирующих мощностей в мире – около 250 ГВт, что сопоставимо со всей

энергосистемой Российской Федерации²³⁰. Эксперты едины в своих мнениях об устойчивости дальнейшего глобального роста солнечной и ветровой энергетики по объемам инвестиций и вводимых мощностей. В этой связи актуальным представляется анализ развития ВИЭ в США, которые являются пионером и лидером в этой перспективной области энергетики.

Рисунок 4.7. Объем потребления из различных видов возобновляемых источников энергии в США в 1950–2020 гг., в квадрлн б.т.е.

Источник: *January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>*

Как видно из рис. 4.7, до начала XXI в. возобновляемые источники энергии помимо гидроэнергетики и традиционной биомассы (древесины) в США практически не использовались. Первым в середине 2000-х гг. произошел бум производства биотоплива из кукурузы и пищевых отходов как альтернативы дорожающему бензину. С 2000 по 2011 гг. объем потребления биоэтанола и биодизеля вырос в 10 раз, с 0,2 до 2 квадрлн б.т.е.

В дальнейшем рост использования биомассы в энергетике США замедлился, но в 2020 г. США оставались лидером по производству биотоплива (более 1 млн барр. в день, или 42% от общемирового объема), почти в два раза превосходя Бразилию с 500 тыс. барр. в день²³¹. Особенno значителен разрыв по биоэтанолу, более половины общего объема которого

²³⁰ Митрова Т. Четвертый энергопереход: риски и вызовы для России / Ведомости, 31 января 2021 г. // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/31/856101-chetvertii-energoperehod>

²³¹ World Energy Review 2021 / Eni SpA // URL: <https://www.eni.com/>

приходится на США. По производству же биодизеля США с долей в 16% лишь вторые, уступая Индонезии (18%) и лишь немного опережая Бразилию (14%).

Перспективы дальнейшего наращивания биотоплива в энергобалансе США и других государств в качестве экологичной альтернативы ископаемым ресурсам достаточно туманны ввиду ряда естественных ограничений. Во-первых, максимальная доля этанола в топливной смеси для обычных двигателей внутреннего сгорания не может превышать 20–30%, оставшаяся часть в любом случае приходится на «незэкологичный» бензин. Во-вторых, для производства биотоплива требуются огромные объемы пищевых культур, посевы которых ограничены, а их дальнейшее использование для энергетических нужд может обострить продовольственную проблему. Наконец, ставится под сомнение сама углеродная нейтральность биотоплива, ведь его производство подразумевает весьма вредный для окружающей среды технологический процесс получения топливной смеси, а также вырубку огромных территорий растительности, которая могла бы поглощать углекислый газ.

Намного более устойчивыми источниками в настоящее время признаются энергия ветра и солнца. Ветроэнергетика получила развитие еще в 1980-е гг. на волне поиска альтернативы дорожающим углеводородам, роста экологической сознательности и появления современных технологий создания ветряных турбин. До 2000 г. ветровые электростанции (ВЭС) строились преимущественно в Калифорнии благодаря активным мерам господдержки, а уже в начале нового века они стали создаваться практически повсеместно, включая шельфовые участки.

В результате общий объем установленных мощностей ветровых установок в США вырос с 2,5 ГВт в 2000 г. до 135 ГВт на начало 2022 г.²³² В 2019 г. ветроэнергетика впервые превзошла гидроэнергетику как крупнейший

---

²³² Clean Power Quarterly Report Q4 2021 / American Clean Power Association // URL: <https://cleanpower.org/resources/clean-power-quarterly-report-q4-2021/>

возобновляемый источник энергии и в 2020 г. выработала уже 337 тераватт-часов, или около 8,5% от всей электроэнергии в стране²³³.

Крупнейшие ветряные фермы располагаются в Техасе и Калифорнии, при этом Центр ветряной энергетики Альта в Калифорнии является третьей самой крупной ВЭС в мире с мощностью в 1,55 ГВт. Климатические-географические особенности США позволяют не только успешно использовать для целей ветрогенерации континентальную территорию страны, но и исследовать огромный потенциал шельфовой ветроэнергетики. Благоприятными факторами в этом отношении выступают протяженная линия побережья, стабильные сильные океанические ветра и прибрежное расположение крупнейших городов как основных центров потребления электроэнергии.

В международном сопоставлении США долгие годы лидировали по развитию ветроэнергетики, но за последние несколько лет Китай кратно нарастил собственные мощности ветрогенерации и по итогам 2020 г. обеспечил 36% общемировой выработки электроэнергии этого типа, в то время как США только 26%²³⁴.

Стоимость электроэнергии, произведенной на ВЭС, постоянно снижается по мере внедрения новых технологий, снижения капитальных затрат на сооружение установок и увеличения отдачи от масштаба. И если еще 10 лет назад ветроэнергетика в США для обеспечения рентабельности нуждалась в значительных государственных субсидиях, то в 2020 г. она производила каждый киловатт-час электроэнергии по цене около 2–5 центов, что дешевле даже газовых электростанций (4–7 цента за киловатт-час)²³⁵.

Вместе с тем ключевыми проблемами в дальнейшем развитии ветроэнергетики остаются надежность и стабильность электроснабжения. Сила ветра весьма переменчива и зачастую непредсказуема, что требует

---

²³³ January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>

²³⁴ Там же.

²³⁵ "Lazard's Levelized Cost of Energy Analysis Version 14.0" / Lazard Ltd. (October 2020) // URL: <https://www.lazard.com/media/451419/lazards-levelized-cost-of-energy-version-140.pdf>

использования дополнительного буфера для накапливания избыточной электроэнергии или дублирования источника для подстраховки. Кроме того, в американском обществе растет озабоченность угрозой от ветровых установок для птиц и летучих мышей, которые вынуждены менять пути миграции и нередко гибнут в лопастях ветрогенераторов.

Самой быстрорастущей и наиболее популярной в повестке возобновляемой энергетики в США становится солнечная генерация. Первой в 1980–1990-е гг. развитие получила гелиотермальная энергетика, предусматривающая отражение и фокусировку солнечного света с нагреванием рабочей поверхности. Но настоящим сдвигом в сфере солнечной энергетики стало резкое удешевление в начале XXI в. технологии фотovoltaики – прямого преобразования фотонов в электроэнергию с помощью фотоэлементов.

Именно простота эксплуатации и легкость установки солнечных батарей для частного использования послужила причиной настоящего бума в этой области во многих южных штатах США. В Калифорнии, например, в 2021 г. был принят закон, обязывающий всех владельцев коммерческих зданий и многоквартирных домов устанавливать солнечные панели на крыше и перейти на полное электроснабжение от них к 2023 г. Частные дома оснащаются солнечными батареями в обязательном порядке уже с 2020 г.

С 2001 г. мощности солнечных электростанций всех типов ежегодно увеличивались на 20–30% и к концу второго десятилетия XX в. достигли 97 ГВт. Общая выработка солнечной генерации в 2020 г. составила 133 тераватт-часов, из которых 66% приходится на солнечные фермы промышленного масштаба, подключенные к федеральной энергосистеме, 31% – на малые солнечные батареи, и 2% – на гелиотермальные электростанции²³⁶.

---

²³⁶ Solar explained. Where solar is found and used / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/energyexplained/solar/where-solar-is-found.php>

На мировом рынке производства фотоэлементов и электроэнергии уже около десяти лет лидирует Китай. По совокупной мощности солнечных батарей промышленного масштаба он превосходит США втрое (253 ГВт против 73 ГВт), по выработке электричества из них – вдвое (270 против 117 тераватт-час)²³⁷.

Основной проблемой в дальнейшем наращивании солнечной энергетики в США остается необходимость использования в производстве аккумуляторов и полупроводников редкоземельных металлов, что повышает зависимость от Китая и других азиатских стран, а также недостаточность солнечного тепла в некоторых северных штатах.

Тем не менее общенациональное движение в пользу достижения углеродной нейтральности обеспечивает радужные перспективы практически для всех возобновляемых источников энергии в Соединенных Штатах. Об этом говорят экспертные прогнозы, которые еще десять лет назад и не предполагали, что бум альтернативной энергетики будет настолько быстрым и значительным.

Так, в 2013 г. Управление энергетической информации Министерства энергетики США предполагало, что к 2040 г. возобновляемые источники энергии не будут играть значимую роль в энергобалансе страны, а уголь останется наиболее используемым сырьем для электrogенерации. Однако история распорядилась по-другому, и уже сейчас, спустя менее десяти лет после построения прогноза, динамика развития ВИЭ превзошла все самые смелые ожидания, а борьба за углеродную нейтральность буквально уничтожила будущее угля в качестве топлива на ТЭС.

Тем не менее для целей исследования представляется полезным обратиться к наиболее актуальным прогнозам Управления энергетической информации, ведь его многолетние статистические базы данных и комплексные компьютерные модели являются основой Национальной

---

²³⁷ World Energy Review 2021 / Eni SpA // URL: <https://www.eni.com/>

системы энергетического моделирования США. Расчет прогнозных значений ведется на базе более 300 многокомпонентных уравнений, учитывающих тысячи переменных величин и рядов статистических показателей. При этом принимаются во внимание не только данные американского ТЭК, но и разнообразные макроэкономические тенденции и факторы, а также потенциальное воздействие новых нормативных правовых актов, кризисных ситуаций и политических рисков.

В 2021 г. Управление энергетической информации представило обновленный прогноз долгосрочных трендов энергетического сектора США на период до 2050 г. при различных сценариях цен на нефть, темпов экономического роста и стоимости возобновляемых источников энергии²³⁸. В базовом сценарии речь идет о средних ценах (93 долл. за барр.) и средних темпах роста ВВП (2,1%).

Согласно оценкам, уровень энергопотребления в стране будет расти достаточно медленно благодаря повышению энергоэффективности во всех секторах экономики и к 2050 г. достигнет лишь 84 квадрлн. б.т.е. (в 2020 г. – 70 квадрлн. б.т.е.). При этом сама структура энергобаланса продолжит меняться в соответствии с концепцией четвертого энергоперехода (см. рис. 4.8).

Доля угля, равно как и атомной энергетики, будет снижаться по мере вывода из оперативной деятельности основных мощностей и отсутствия новых проектов по их возмещению. При этом потребление энергии ветра и солнца вырастет вдвое – с 8 до 17 квадрлн. б.т.е. Соответствующим образом вырастет доля ВИЭ в электрогенерации – с 22% до 41% (преимущественно за счет ввода новых солнечных электростанций).

---

²³⁸ Annual Energy Outlook 2021 with projections to 2050 / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aoe/>

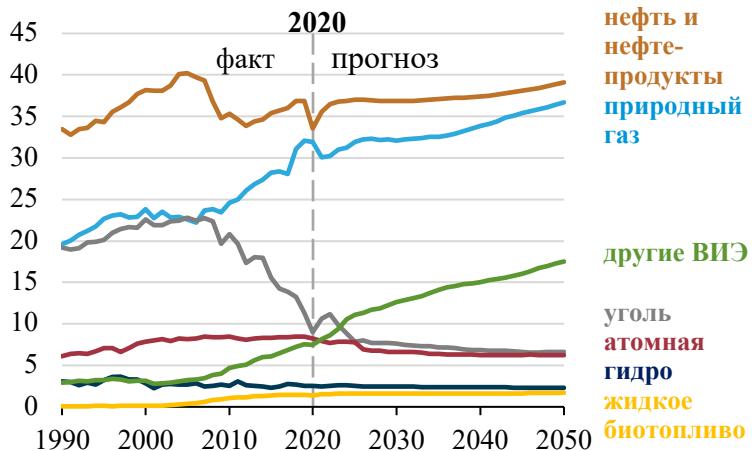

Рисунок 4.8. Потребление энергии в США по основным видам топлива в 1990–2020 гг. и прогноз до 2050 г., в квадрлн. б.т.е.

Источник: Annual Energy Outlook 2021 with projections to 2050 / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aoe/>

В то же время ископаемое топливо продолжит играть ключевую роль в энергобалансе страны. При сохранении конкурентных цен на него рост добычи сланцевой нефти и газа продолжится (см. рис. 4.9), и США смогут закрепить свои позиции в качестве нетто-экспортера углеводородов.

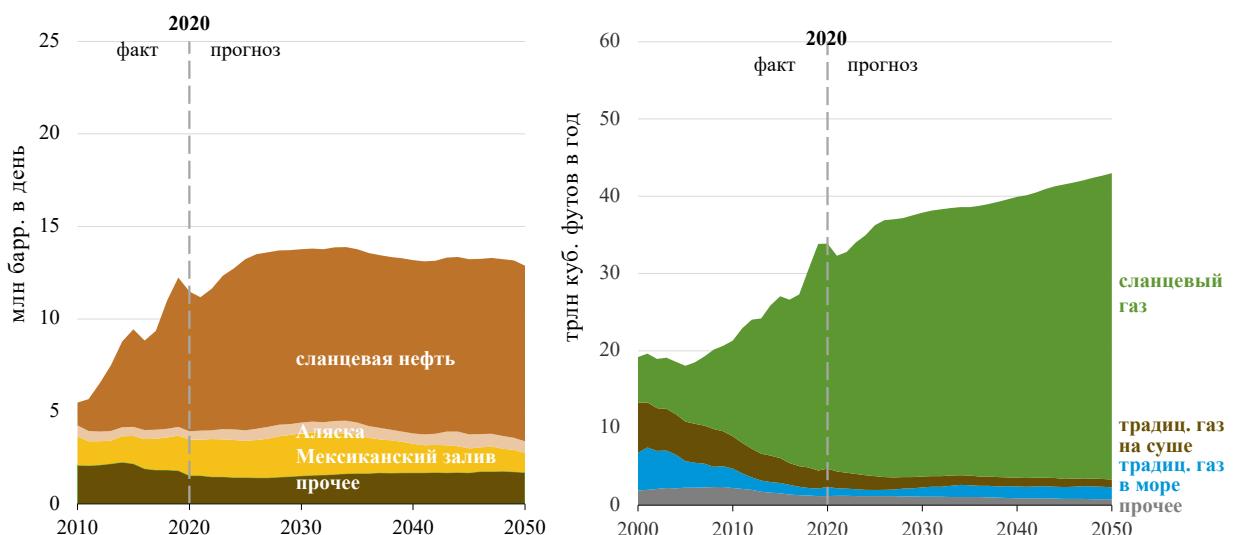

Рисунок 4.9 Добыча сырой нефти в США в 2010–2020 гг. и прогноз до 2050 г. (слева) и добыча природного газа в США в 2000—2020 гг. и прогноз до 2050 г. (справа).

Источник: Annual Energy Outlook 2021 with projections to 2050 / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aoe/>

В этом случае бензин в сочетании с биоэтанолом останется основным топливом для автомобилей, даже несмотря на рост использования электромобилей, а нефтепродукты – главным сырьем для различных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Дополнительные объемы добытого природного газа, в свою очередь, будут как использоваться в качестве сырья для электрогенерации на переоборудованных с углем ТЭС, так и идти на экспорт в виде СПГ.

В целом прогноз позволяет сделать вывод о высоких перспективах сохранения диверсификации и устойчивости топливно-энергетического комплекса Соединенных Штатов в ближайшие три десятилетия. Растущая добыча углеводородов наряду с опережающим развитием возобновляемой энергетики позволяют стране полностью обеспечить себя энергоресурсами в различных сценариях экономического роста и глобальной ценовой конъюнктуры.

Выводы по четвертой главе

Энергетическая безопасность является важнейшим компонентом не только экономического развития, но и национальной безопасности любого государства. Топливно-энергетический комплекс США представляет собой развитую сеть различных отраслей по добыче энергетического сырья, его переработке, электрогенерации и соответствующей транспортной инфраструктуре.

В истории развития ТЭК США можно выделить несколько энергопереходов, в ходе которых резко увеличивалась доля новых источников энергии и происходило вытеснение старых: от древесины к углю во второй половине XIX в., от угля к нефти в середине XX в. и, наконец, комплексный энергопереход XXI в. к возобновляемым источникам энергии через промежуточное увеличение доли газа как наиболее чистого из ископаемых видов топлива. В настоящее время до 2/3 в энергобалансе США по-прежнему занимают углеводороды, но доля ВИЭ уже превышает атомную и гидроэнергетику.

В распределении потребления энергии по секторам по 1/4 приходится на промышленность и транспорт, использующие преимущественно ископаемое топливо, еще 1/5 – на жилищный и коммерческий секторы, которые получают большую часть энергии в виде электричества и газового отопления. Таким образом, для США характерны отсутствие зависимости от какого-либо одного вида топлива и высокая диверсификация источников энергии, а также использование их сравнительных преимуществ в различных секторах конечного потребления.

При этом общий объем энергопотребления в последние десятилетия стабилизировался, но продолжает оставаться одним из самых высоких в мире как в абсолютных значениях, так и в пересчете на душу населения.

На протяжении всей послевоенной истории Соединенные Штаты являлись крупным импортером углеводородов, намеренно ограничивая добычу внутри страны. К середине 2000-х гг. страна оказалась в крайне зависимом положении на мировом рынке энергоносителей.

Однако уже в конце 2010-х гг. в США получила развитие разработка нефти и газа из сланцевых пород с использованием горизонтального бурения и гидроразрыва пласта. В результате применения этих новейших технологий Соединенные Штаты всего за несколько лет кратно увеличили добычу углеводородов, обойдя по общим объемам их производства Саудовскую Аравию и Россию.

Вместе с тем «сланцевая революция» несет в себе ряд рисков: быстрое истощение скважин, постоянную необходимость новых капиталовложений для поддержания уровня добычи, опасность применяемых технологий и растворов для окружающей среды и человека.

Тем не менее к настоящему времени США практически полностью обеспечивают свою экономику необходимыми энергоносителями. С 2017 г. страна стала экспортёром газа, а с начала 2020 г. – впервые в истории – нетто-экспортёром нефти и нефтепродуктов. Основной объем торговли происходит через развитую сеть трубопроводов с Канадой и Мексикой.

По развитию атомной энергетики США также занимают первое место в мире, но в последние десятилетия отрасль стагнирует и практически не получает новых инвестиций.

Более перспективной с точки зрения происходящего сейчас четвертого энергоперехода выглядит возобновляемая энергетика. В его основе лежат не экономические факторы, а желание обеспечить человеческие потребности без ущерба для мировой экосистемы.

США являются одним из лидеров глобальных усилий по борьбе с последствиями изменения климата, повышению энергоэффективности, введению соответствующих ограничений на выбросы парниковых газов. Дж. Байден поставил цель обеспечить нулевой уровень выбросов, или «углеродную нейтральность», к 2050 г. Для экономики США эта задача диктует необходимость коренных изменений в энергопотреблении и перестройки всего хозяйственного комплекса на более совершенный технологический уклад.

Стержнем американской «зеленой» повестки является развитие возобновляемой энергетики. В 2000-е гг. США одной из первых стран наладили массовое производство биотоплива и по сей день остаются лидером по использованию биомассы в энергетике. Вместе с тем естественные ограничения использования этанола в топливных смесях и лимиты посевных площадей делают перспективы дальнейшего наращивания использования биотоплива в США и во всем мире достаточно туманными.

Намного более устойчивыми источниками в настоящее время признаются энергия ветра и солнца. Климатико-географические особенности США позволяют стране успешно использовать для целей ветрогенерации как континентальную, так и шельфовую часть. На волне внедрения современных технологий ветряных турбин это направление энергетики в 2010-е гг. быстро стало самым быстрорастущим в США, недавно обойдя по установленной мощности гидроэнергетику. Ключевыми проблемами в дальнейшем развитии ВЭС остаются надежность и

стабильность электроснабжения. Наиболее перспективной сейчас считается солнечная электрогенерация на основе технологии фотовольтаики благодаря простоте эксплуатации и легкости установки солнечных батарей.

На горизонте ближайших 30 лет уровень энергопотребления в стране будет расти достаточно медленно благодаря повышению энергоэффективности во всех секторах экономики. Прогнозируется дальнейшее увеличение добычи сланцевых нефти и газа, замещение угольных электростанций газовыми и экспоненциальный рост мощностей ветряной и солнечной генерации при стагнации атомной и гидроэнергетики. В результате в энергобалансе страны существенно возрастет доля возобновляемых источников, но большую часть в нем будет по-прежнему занимать ископаемое топливо.

В международном сопоставлении Китай уже обошел США по развитию как ветряной, так и солнечной энергетики и может занять доминирующие позиции в мире в области ВИЭ уже в ближайшие несколько лет.

Республиканское правительство Д. Трампа реализовывало концепцию энергетического доминирования США, предполагающую максимальное использование собственной минерально-сырьевой базы на основе разработки сланцевых нефти и газа, гарантированное удовлетворение внутреннего спроса и развитие экспортного потенциала, а также смягчение экологического законодательства.

В центре энергетической политики Дж. Байдена находится «зеленая повестка», которая в качестве приоритетов выдвигает развитие ВИЭ, ужесточение экологических требований и переход к низкоуглеродной экономике. Агрессивный климатический курс демократической администрации может иметь негативные последствия для развития нефтегазовой промышленности, а также национальных и глобальных цен на энергоносители.

ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИДЕРСТВА США

5.1. Факторы лидерства США в научно-технической сфере

Научно-технический прогресс является одним из ключевых, если не главным фактором построения развитого постиндустриального общества. Наука создает знания, которые используются для изобретения качественно новых технологий, обеспечивающих государствам конкурентные преимущества в международном разделении труда.

К концу XX – началу XXI в. большинство передовых стран создали так называемую «новую экономику», в которой владение информацией и ее использование стали ключевыми в определении уклада хозяйственных отношений и всей общественной жизни. Пионером в такой трансформации, которую часто называют четвертой промышленной революцией, и актуальным лидером в развитии науки и технологий, безусловно, являются США.

Место и роль США в мировом научно-техническом потенциале, определяются рядом индикаторов, отражающих уровень развития науки, инновационной активности и подготовки кадров в США в сравнении с другими государствами, а именно общие затраты на НИОКР и образование, доля НИОКР в ВВП страны, доля высокотехнологичной продукции в экспорте и общем объеме производства, число исследователей, патентов и публикаций, а также ряд других количественных и качественных переменных.

Резкий подъем науки произошел в США на фоне противостояния с СССР в 1950–1960-е гг. – период научно-технической революции. Так, общие расходы на НИОКР выросли с 1,5% ВВП в середине 1950-х до 2,9% ВВП в конце 1960-х гг.²³⁹ Примерами настоящих прорывов в НТП в ту эпоху стали изобретение Интернета (1967 г.) и высадка первого человека на Луну (1968 г.).

---

²³⁹ Супян В.Б. Научно-технический потенциал – ключевой фактор развития экономики США в XXI веке // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 2. – С. 2.

В 1980–1990-е гг. произошел определенный сдвиг от государственных ассигнований на науку в пользу частного сектора, который оказался более приспособлен для решения задач мирного характера в условиях прекращения холодной войны и необходимости коммерциализации научных заделов, сформированных в прошлые десятилетия.

В целом за вторую половину XX в. США удалось создать самый значительный в мире научно-технический комплекс, до сих пор обеспечивающий американское экономическое лидерство в мире.

Как видно из рис. 5.1, в XXI в. расходы страны на НИОКР продолжили поступательный рост с некоторым замедлением в 2008–2009 гг. в связи с мировым экономическим кризисом.

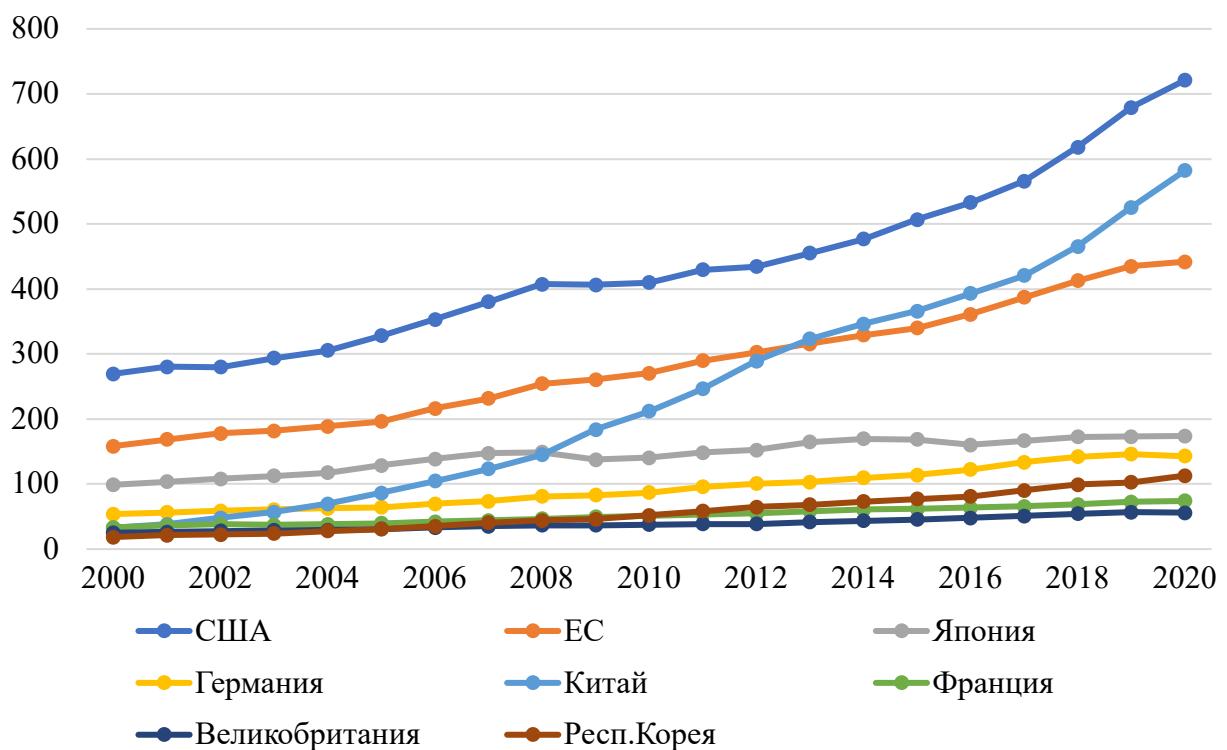

Рисунок 5.1. Динамика общих расходов на НИОКР отдельных стран мира в 2000–2020 гг., млрд долл.

Источник: OECD Main Science and Technology Indicators / URL: <https://stats.oecd.org/>

В 2020 г. абсолютные масштабы ассигнований на научные исследования достигли суммы в 720 млрд долл., что составляет четверть всех мировых

расходов на научные цели. Тем не менее Китай стремительно догоняет США по этому показателю. Если в 2000 г. Пекин тратил на НИОКР менее 50 млрд долл., в несколько раз уступая не только США, но и Японии и Германии, то в 2020 г. сумма расходов составила 582 млрд долл. (23% от общемировых).

Остальные конкуренты США являются развитыми странами с высоким уровнем НТП: Япония (174 млрд долл.), Германия (143 млрд долл.) и Республика Корея (113 млрд долл.). К другим государствам, осуществляющим масштабные расходы на НИОКР, относят Францию, Индию, Великобританию, Россию, Бразилию, Тайвань, Италию, Канаду, Испанию, Турцию и Австралию. Прочие страны занимают в мировом НТП значительно более скромную долю.

Если же сравнивать средние темпы роста затрат на науку за последние 20 лет у ведущих стран мира, то США (4,3%) уступают не только Китаю (17,3%), но и Республике Корее (9,8%), Индии (8%), Германии (5,4%), а также Евросоюзу в целом (5,1%). В результате за два последних десятилетия ассигнования на науку в США увеличились в 2,4 раза, в то время как в КНР произошел их шестнадцатикратный рост.

Опережающая динамика расходов на НИОКР у быстроразвивающихся государств, прежде всего Китая и Индии, а также некоторых развитых (Республика Корея и Германия), привела к тому, что доля США в мировом НТП за последние 20 лет снизилась с 37% до 25%.

Не менее важным показателем, чем абсолютные расходы на науку, является их доля в ВВП страны, позволяющая сопоставить интенсивность НТП в странах разного экономического потенциала (см. рис. 5.2). По этому параметру в 2019 г. США занимали 8-е место в мире (3,1%), уступая Израилю, Республике Корее, Японии, Швеции, Австрии, Германии и Тайваню.

В начале XXI в. США тратили на науку только около 2,5% ВВП, и в 2009 г. Б. Обама поставил цель поднять этот показатель до 3%. Спустя 10 лет, в 2019 г., расходы Вашингтона на науку наконец достигли этого порога.

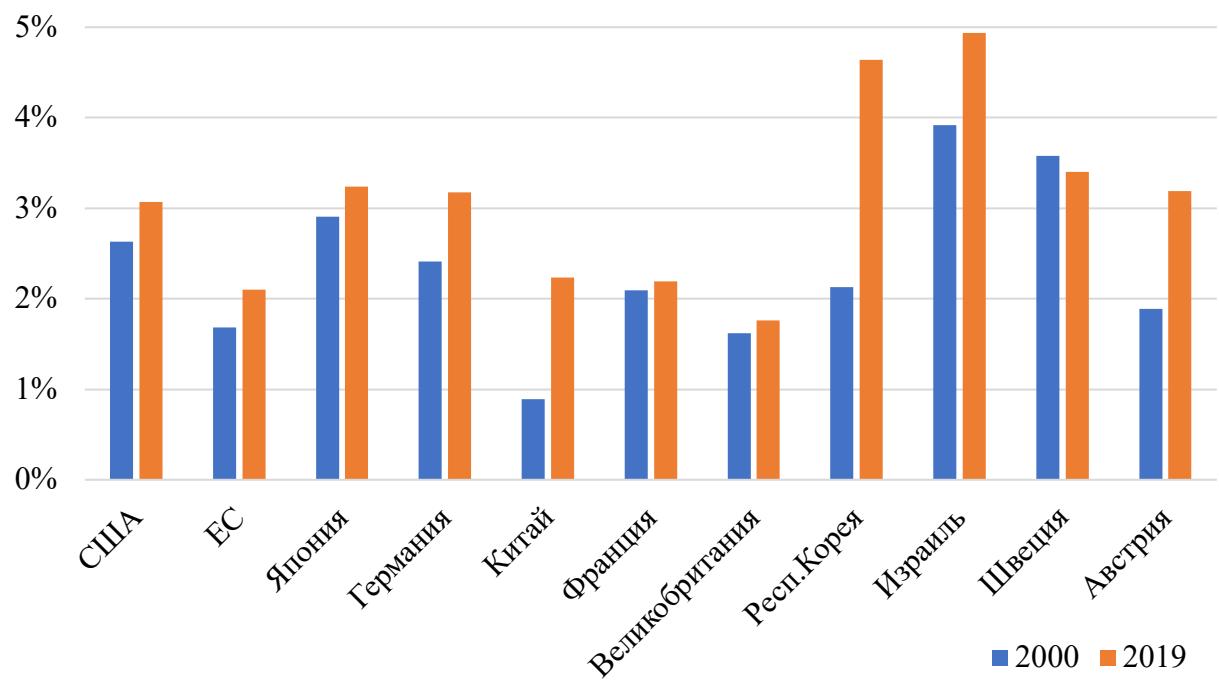

Рисунок 5.2. Доля расходов на НИОКР в ВВП отдельных стран мира в 2000 и 2019 гг.

Источник: OECD Main Science and Technology Indicators 2021 / URL: <https://stats.oecd.org/>

В это же время Китай и Республика Корея, в отличие от других развивающихся стран, добились кратного увеличения доли расходов на НИОКР в ВВП, что и стало одной из главных причин их научно-технологического прорыва в XXI в.

Стоит учитывать тот факт, что правительства имеют ограниченное влияние на достижение показателей в этой сфере, так как большую часть финансирования НИОКР обеспечивает бизнес. Причем, в противовес устоявшемуся мнению о ключевой роли государства в научной деятельности в азиатских странах, а не в западных, в реальности ситуация прямо противоположная: в КНР, Японии и Республике Корее на бизнес приходится более 75% общих расходов на НИОКР, в то время как в США и в ведущих европейских государствах – от половины до двух третей.

Страны также значительно разнятся по структуре проводимых научных исследований, которых выделяют три типа: фундаментальные, прикладные и

опытно-конструкторские. Фундаментальные исследования до сих пор составляют существенную долю в западных государствах: в США – 17%, во Франции – 21%. В то же время Китай тратит на них лишь 6% от общих расходов на НИОКР²⁴⁰.

Помимо финансовых ресурсов, ассигнуемых на НИОКР, США находятся среди лидеров по человеческим ресурсам, используемым в научных исследованиях. Численность американских ученых и исследователей в 2020 г. превысила 1,5 млн чел. (для сравнения: в Китае – 2,3 млн, в Японии – 689 тыс., в России – 397 тыс.)²⁴¹. Если сравнить число исследователей на тысячу человек, то по этому показателю США (10 чел. на 1000 занятых) уступают ряду европейских и азиатских стран (в Японии, Швеции и Дании – 15 чел., Финляндии и Тайвани – 14 чел., Норвегии – 13 чел.)²⁴².

Вместе с тем США отличает высокая концентрация научного потенциала в специальных технологических кластерах, в которых созданы все условия для обмена знаниями, инноваций и их внедрения в производство. В Соединенных Штатах расположены 24 из 100 крупнейших в мире кластеров (19 – в Китае, 9 – в Германии, 5 – в Японии)²⁴³, в том числе такие известные научные центры, как Сан-Франциско – Сан-Хосе (Кремниевая долина), Бостон – Кэмбридж и Нью-Йорк.

Целесообразно проанализировать коммерческую отдачу от влияемых в НТП ресурсов на примере производства и экспорта наукоемкой продукции. По оценке Национального научного фонда США, к наиболее высокотехнологичным отраслям относятся авиастроение и космическая промышленность, фармацевтика, электроника, оптика, компьютерные технологии и программное обеспечение.

---

²⁴⁰ 2020 The State of U.S. Science & Engineering / National Science Board. Science & Engineering Indicators // URL: <https://ncses.nsf.gov/indicators/>

²⁴¹ OECD Main Science and Technology Indicators Volume 2020 Issue 2 // URL: <https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/>

²⁴² Там же.

²⁴³ Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>

Как демонстрирует ис. 5.3, объем глобального производства наукоемкой продукции в 2018 г. составил около 2,3 трлн долл., почти треть из которого (1,04 трлн долл.) пришлась на США. В то же время с 2003 г. доля страны в мировом производстве наукоемких товаров снизилась с 38% до 32%, а доля Китая выросла с 6% до 21%.

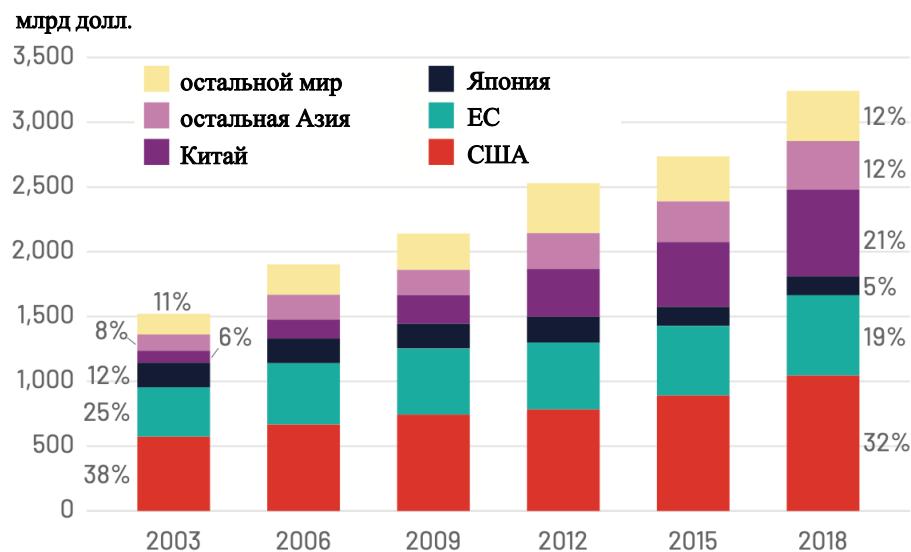

Рисунок 5.3. Производство наиболее наукоемкой продукции в ведущих государствах и регионах мира в 2003–2018 гг.

Источник: 2020 The State of U.S. Science & Engineering / National Science Board. Science & Engineering Indicators // URL: <https://ncses.nsf.gov/indicators/>

По объему производства во многих отдельных высокотехнологичных отраслях США также занимают первое место: в авиакосмическом производстве – 55% общемирового объема продаж, в производстве компьютерного оборудования – 34%, медикаментов и биопрепараторов – 30%²⁴⁴. США являются лидером и в экспорте наукоемких услуг – таких, как компьютерные, информационные, коммуникационные, инженерные, занимая около 35% мирового рынка²⁴⁵.

В целом доля высокотехнологичного сектора в ВВП США составляет 40%, что даже выше, чем в Евросоюзе (32%) или Японии (30%).

²⁴⁴ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 33.

²⁴⁵ Там же, с. 33.

С начала XXI в. Бюро экономического анализа США также выделяет в статистике термин «цифровая экономика», под которой подразумевается совокупность цифровой инфраструктуры, электронная торговля и компьютерная обработка данных, включая технологии искусственного интеллекта и больших данных. По оценке Бюро, доля «цифровой экономики» в ВВП США в 2018 г. составила 9%²⁴⁶.

Американские компании являются мировыми лидерами по затратам НИОКР сразу в нескольких отраслях: в компьютерных технологиях и программном обеспечении – Alphabet (20 млрд долл. в 2019 г.), в машиностроении – General Electric (3,7 млрд долл.), в химической промышленности – DowDupont (2,6 млрд долл.), в производстве медицинского оборудования – Medtronic (2,1 млрд долл.), потребительских товаров – Procter & Gamble (1,9 млрд долл.), финансовых услуг – PayPal (1 млрд долл.)²⁴⁷.

Другим показателем, демонстрирующим коммерческое использование прорывных технологий в стране, является воздействие в экономике венчурного капитала, инвестируемого в инновации. Под венчурным капиталом в контексте драйвера экономического роста экономики США понимается тип инвестирования в частный капитал на ранней или начальной стадии развития предприятия, обладающего сильным потенциалом роста. США являются одним из мировых лидеров по доле венчурного капитала в ВВП (1,3%), однако их опережают не только некоторые развитые государства – Сингапур (2,5%) и Израиль (2,1%), но и Китай (1,9%), вкладывающий огромные средства в новые технологии и высокорисковые активы²⁴⁸.

Для более полной картины необходимо также сравнить непосредственно объем знаний, производимый разными государствами. Одним из ключевых показателей здесь является количество научных публикаций, превысившее во

---

²⁴⁶ Nicholson J. New Digital Economy Estimates / U.S.Bureau of Economic Analysis, August 2020 // URL: <https://www.bea.gov/system/files/2020-08/New-Digital-Economy-Estimates-August-2020.pdf>

²⁴⁷ Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>

²⁴⁸ Там же.

всем мире 2,9 млн в 2020 г. США с 456 тыс. статей и монографий уже уступают Китаю с 670 тыс. (рост более чем в 2 раза за 10 лет)²⁴⁹.

Вместе с тем США остаются лидером по научным трудам в отдельных областях, таких как медицина и биотехнологии. Кроме того, доля американских публикаций в 1% наиболее цитируемых в два раза больше, чем в общем количестве, что говорит о высокой значимости работ ученых из США для всего мира²⁵⁰. Тревожным фактором является стагнация этого показателя, по которому американский научно-технический потенциал уступает уже Великобритании, Австралии, Японии и даже Саудовской Аравии²⁵¹.

США продолжают лидировать по числу защищенных докторских степеней (40 тыс. в 2016 г.). В то же время в XXI в. в Китае вместе со впечатляющим ростом исследовательского потенциала университетов количество полученных докторских степеней также кратно увеличилось, достигнув 34 тыс. в 2016 г. При этом их подавляющее число (32 тыс.) приходится на инженерные и естественные науки, и в этой области КНР уже давно является мировым лидером²⁵².

Значительно уступают Китаю Соединенные Штаты и по числу зарегистрированных международных патентов (59 тыс. в 2020 г. против 68 тыс. у КНР)²⁵³. Более того, среди десяти компаний с наибольшим числом патентных заявок лишь одна американская – Qualcomm, при этом три китайских – Huawei, Oppo, Boe Technology, три японских – Mitsubishi, Sony и Panasonic, две южнокорейских – Samsung и LG²⁵⁴.

---

²⁴⁹ Publications Output: U.S. Trends and International Comparisons / Science & Engineering Indicators 2022, October 28, 2021 // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20214/>

²⁵⁰ Publications Output: U.S. Trends and International Comparisons / Science & Engineering Indicators 2022, October 28, 2021 // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20214/>

²⁵¹ Second Place America? Increasing Challenges to U.S. Scientific Leadership / Report by the Task Force on American Innovation, May 2019

²⁵² 2020 The State of U.S. Science & Engineering / National Science Board. Science & Engineering Indicators // URL: <https://ncses.nsf.gov/indicators/>

²⁵³ Patent Cooperation Treaty Yearly Review 2021 // World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_901_2021.pdf

²⁵⁴ Там же.

Для оценки накопленного НТП страны и его влияния на развитие науки в мире зачастую обращаются к числу Нобелевских лауреатов от того или иного государства. За почти 120 лет этой престижной международной премии удостаивались свыше 1000 человек, и 388 из них – американцы (133 – граждане Великобритании, 109 – Германии, 70 – Франции, 32 – Швеции, 31 – России/СССР)²⁵⁵. Даже с учетом того, что премия вручается не только ученым и исследователям, но и деятелям искусства и политики, такой расклад однозначно демонстрирует наибольший вклад науки США в общечеловеческое развитие.

Одним из наиболее взвешенных агрегированных показателей уровня научно-технического потенциала можно считать глобальный инновационный индекс, ежегодно рассчитываемый Корнелльским университетом вместе с французской бизнес-школой INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности. В рейтинге 2021 г. США заняли 3-е место в мире после Швейцарии и Швеции, поднявшись с 2018 г. на три позиции²⁵⁶. Помимо высочайших результатов практически по всем метрикам, включая качество высшего образования, исследований и производства новых знаний и технологий, США также заняли 1-е место по общей стоимости брендов. Среди 5000 самых дорогих брендов 1359 – американские, а три крупнейших из них – Amazon, Google и Apple – вместе оцениваются в 521 млрд долл.²⁵⁷

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о чрезвычайно высоком уровне научно-технического потенциала США. Различные показатели однозначно свидетельствуют о мировом лидерстве страны в этой ключевой для экономического развития сфере. В то же время преодолевший свое технологическое отставание и стремительно нарастающий инвестиции в науку Китай в ближайшее время смесят США с первых позиций если не по

---

²⁵⁵ Nobel Prize Winners by Country / World Atlas // URL: <https://www.worldatlas.com/articles/top-30-countries-with-nobel-prize-winners.html>

²⁵⁶ Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>

²⁵⁷ Там же.

качественным, то по количественным характеристикам НТП (объем расходов на НИОКР, число публикаций и патентов).

Опережающими темпами развивается наука и у некоторых других конкурентов США из числа передовых азиатских и европейских стран, таких как Республика Корея, Сингапур, Индия, Израиль.

Для понимания факторов успешного развития научно-технического комплекса в США следует в первую очередь предметно разобрать его структуру как по источникам финансирования, так и по направлениям освоения средств.

Как видно из табл. 5.1, бизнес обеспечивает свыше 70% расходов на НИОКР, прежде всего в области прикладных исследований и разработок. При этом, как уже было отмечено в предыдущем разделе, доля бизнеса в американской науке вовсе не рекордна и уступает соответствующим показателям ключевых развивающихся стран.

Таблица 5.1. Структура выделенного финансирования
НИОКР в США в 2020 г.

Источники финансирования	Фундаментальные исследования		Прикладные исследования		Разработки		Всего	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Федеральное правительство	43,8	40,6	43,7	31,3	50,3	10,9	137,8	19,5
Штаты и местные органы власти	2,7	2,5	1,7	1,2	0,6	0,1	5,0	0,7
Бизнес	36,2	33,5	78,6	56,3	402,7	87,4	517,5	73,1
Университеты	14,3	13,3	6,0	4,3	2,2	0,5	22,5	3,2
Некоммерческие организации	10,9	10,1	9,5	6,8	4,7	1,0	25,1	3,5
Всего	107,9	100,0	139,5	100,0	423,4	100,0	708,0	100,0

Источник: U.S. Research and Development Funding and Performance: Fact Sheet Updated October 4, 2021 / Congressional Research Center // URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R44307.pdf>

Федеральное правительство остается вторым по важности источником ассигнований на НИОКР в целом (138,9 млрд долл., или 21,2%), и главным – по расходам на фундаментальные исследования (43,9 млрд долл., или 40,7%).

Университеты и бесприбыльные организации также являются важными донорами фундаментальной науки – 13,6 и 14,7 млрд долл. соответственно.

Что касается расходования выделяемых средств (см. табл. 5.2), то характерной чертой американской системы является самостоятельное осуществление бизнесом большей части финансируемых им НИОКР (более 98%).

Таблица 5.2. Структура освоенного финансирования НИОКР в США в 2020 г.

Источники финансирования	Фундаментальные исследования		Прикладные исследования		Разработки		Всего	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Федеральное правительство	12,6	11,7	21,6	16,4	31,5	6,8	65,7	9,3
Штаты и местные органы власти	0,1	0,1	0,5	0,4	0,0	0,0	0,7	0,1
Бизнес	34,7	32,2	81,0	58,2	416,3	90,4	532,0	75,1
Университеты	50,9	47,2	22,6	17,7	7,6	1,7	81,1	11,5
Некоммерческие организации	9,6	8,9	13,8	7,3	5,2	1,1	28,5	4,0
Всего	107,9	100,0	139,5	100,0	460,5	100,0	708,0	100,0

Источник: U.S. Research and Development Funding and Performance: Fact Sheet Updated October 4, 2021 / Congressional Research Center // URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R44307.pdf>

Частные предприятия являются главным исполнителем опытно-конструкторских разработок новейшей продукции и технологий (более 90% средств). В осуществлении фундаментальных исследований, которые считаются базовыми для будущего развития НТП в стране, ведущую роль играет система высшего образования. Университеты реализуют почти половину их общей стоимости, хотя доля бизнеса в их финансировании и расходах постепенно растет.

В США действует многосекторная система финансирования и освоения ассигнований на научные исследования, с участием государства, бизнеса и вузов по различным направлениям НИОКР.

С 1993 г. также функционирует Национальный совет по науке и технике,

Специальное федеральное агентство, отвечающее развитие научно-технического комплекса страны, – Национальный научный фонд (ННФ), имея годовой бюджет более 8,6 млрд долл., финансирует четверть всех федеральных исследований, реализуемых университетами и колледжами. В отдельных областях, включая математику, компьютерные и социальные науки, ННФ является главным источником государственного финансирования²⁵⁸.

Основной вид деятельности Национального научного фонда – это выдача грантов (12 100 в 2020 г. со средним сроком 3 года) для финансирования конкретных проектов, выбранных на конкурсной основе как наиболее важные и перспективные. ННФ также способствует обмену научно-технической информацией среди ученых и инженеров, оценивает состояние различных областей науки и участвует в разработке государственной политики в этой сфере.

Важную консультативную роль для американского правительства выполняют три академии: Национальная академия наук (создана в 1893 г.), Национальная инженерная академия (1964 г.) и Институт медицины (1970 г.). Они предоставляют комплексные рекомендации в госорганы в отношении развития науки и техники по своему профилю, а также содействуют международному научному общению и кооперации в сфере научных исследований. Координирует деятельность трех академий созданный в 1916 г. Национальный научный совет.

Независимая экспертиза и контроль за расходованием денег являются основой американской системы государственного финансирования науки, обеспечивая ее гибкость и высокую эффективность. При этом правительство действительно прислушивается к мнению научного сообщества, оставляя ему на откуп выбор конкретных направлений проведения исследований и определение путей решения проблем в области НТП.

---

²⁵⁸ National Science Foundation FY 2022 Budget Request to Congress / URL:
<https://nsf.gov/about/budget/fy2022/pdf/fy2022budget.pdf>

Государство является также одним из основных заказчиков инновационных товаров и услуг, создавая платежеспособный спрос на НИОКР. Учитывая, что отсутствие такого спроса зачастую представляет собой одно из основных препятствий на пути проведения разработок и внедрения инноваций, вклад государственных контрактов остается особенно значимым.

Федеральная контрактная система США отличается четким распределением полномочий, разнообразием способов закупок и типов заключаемых контрактов, поощрением конкуренции, а также приоритетом ценности для конечного потребителя. Общий объем госзакупок в США составляет около 0,5 трлн долл. в год²⁵⁹, при этом значительная его часть зарезервирована для малых предприятий, что должно оказывать поддержку инновациям.

Например, Министерство энергетики США активно использует так называемые закупки технологий, которые будут развиваться с нуля (development procurement). При этом используются совместные контракты и другие гибкие формы сотрудничества государства с бизнесом.

Госзакупки контролируются развитой системой внутреннего и внешнего надзора, важнейшую роль в которой играют контрактные управляющие. Они защищают интересы США в контрактных отношениях и отвечают за обеспечение всех действий, необходимых для эффективных закупок, соответствующих требованиям законов.

Государство, таким образом, играет координирующую и направляющую роль в американской экономической системе, основанной на производстве и практическом использовании новых знаний и технологий. Основным элементом такой системы, собственно производящим эти знания, являются университеты, а именно их образовательная, исследовательская и инновационная деятельность.

---

²⁵⁹ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 199.

Фундамент современной модели партнерства государства, университетов и бизнеса в сфере НИОКР сформировался в 1940–1950-е гг., когда произошел резкий скачок правительственные расходов на науку. Высшим учебным заведениям была тогда отведена особая роль в формировании научного капитала страны через фундаментальные исследования, в то время как прикладные и опытно-конструкторские разработки оставались прерогативой бизнес-структур.

В.Б. Супян выделяет несколько ключевых результатов деятельности университетов, способных внести вклад в экономический рост и инновационное развитие страны: производство знаний, формирование человеческого капитала, передача технологий и неявных знаний, а также непосредственное создание технологических инноваций в пределах вузов²⁶⁰.

При этом в качестве основного показателя вовлеченности университетов в экономику выделяется их участие в разработке и развитии технологий для их дальнейшей передачи бизнесу. Такой симбиоз университетов и частного сектора способствует росту числа нововведений и их разнообразия, сокращает срок превращения университетских разработок в коммерчески успешные продукты, а также расширяет рынки сбыта инноваций.

Правовой базой для кооперации усилий государства, высших учебных заведений и предпринимателей США стал ряд федеральных законов, принятых в 1980–1990-е гг. В частности, закон Бэя – Доула (1980 г.) закрепил за университетами, неприбыльными организациями и малым бизнесом патентные права на изобретения, финансируемые за счет государственных контрактов и грантов. По инициативе ННФ были также развернуты программы стимулирования передачи технологий из университетов в промышленность путем создания совместных специализированных исследовательских центров.

---

²⁶⁰ Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития // Весь мир, 2018. – С. 199.

Существует ряд важных моментов, обеспечивающих конкурентное преимущество американским университетам. Во-первых, в США именно университеты ответственны за проведение НИОКР. Высокий уровень развития науки в университетах значительно повышает качество преподавания различных предметов, а также дает возможность привлекать студентов к практическим исследованиям.

Во-вторых, программы высших учебных заведений в США весьма гибки, избирательны и адаптируемы под конкретного студента, что повышает их привлекательность и эффективность для подготовки специалистов в быстро меняющихся рыночных условиях.

В-третьих, несмотря на устоявшееся представление о преимущественно частном и платном характере обучения в американских вузах, в стране существует развитая система государственной и внегосударственной поддержки талантливых студентов, в том числе через так называемые «эндаументы», то есть фонды частных пожертвований от влиятельных выпускников университетов.

Наконец, основные финансовые и человеческие ресурсы в американской академической среде сосредоточены в сравнительно небольшом костяке исследовательских университетов (по классификации Центра Карнеги, их сейчас 261), которые являются основными центрами фундаментальной науки и подготовки специалистов и научных кадров высшей квалификации.

В списках лучших вузов мира американские университеты неизменно занимают первые строчки. Так, последний рейтинг QS от августа 2021 г. возглавляет Массачусетский технологический институт, Стэнфордский университет на третьем месте, Гарвардский – на пятом, Калифорнийский технологический – на шестом. Эти и другие американские вузы давно стали международными научными и образовательными брендами и во многом определяют НТП не только Соединенных Штатов, но и всего мира. Из 100 ведущих университетов – 28 американские. Вместе с тем растет качество

азиатских вузов: в текущем году в 100 лучших входят уже по 6 китайских и южнокорейских университетов²⁶¹.

Отдельно отметим значение уникальной предпринимательской культуры американского общества для академической сферы. В ведущих университетах США создаются условия, максимально благоприятные для проявления изобретательности студентов, их участия в стартапах и крупных бизнес-проектах. Американский дух свободы творчества и конкуренции способствует рождению фундаментальных инноваций, которые приводят к глобальным технологическим сдвигам. Американские ИТ-гиганты Google и Facebook, изначально созданные как учебные проекты студентами Стэнфорда и Гарварда соответственно, – живое тому подтверждение.

Неотъемлемой частью научно-технического комплекса США служат также финансируемые федеральным правительством научно-исследовательские центры (НИЦ). Они представляют собой бесприбыльные организации, осуществляющие независимые и объективные НИОКР под руководством федерального правительства и в интересах всего общества. НИЦ запрещено участвовать в производстве коммерческой продукции и конкурировать с бизнесом за госзаказы.

Главное преимущество НИЦ – их высокая организационная гибкость, позволяющая создавать высококвалифицированные команды для оперативного выполнения конкретных проектов. Накапливаемая ими база знаний также активно используется в процессе трансфера технологий между государством, вузами и предприятиями.

С 1967 г. НИЦ разделяются на три типа, каждый из которых выполняет определенную функцию в развитии научно-технического комплекса США. Научно-исследовательские лаборатории (R&D laboratories) решают проблемы, находящиеся вне компетенции частного сектора, с последующим выведением удачного решения на коммерческий рынок. Исследовательско-аналитические

---

²⁶¹ QS World University Rankings 2022 // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022>

центры (*studies and analysis centers*) – это «мозговые центры», которые разрабатывают модели социально-экономической и внешней политики государства, формулируют конкретные рекомендации для госорганов и политических партий. К числу наиболее известных в мире американских исследовательско-аналитических центров можно отнести Фонд Карнеги за международный мир, Центр имени Вудро Вильсона, Центр стратегических и международных исследований, Брукингский институт, Корпорацию «РЭНД», Национальное Бюро экономических исследований и др.

Наконец, центры системного проектирования и интеграции (*systems engineering and integration centers*) занимаются различными техническими аспектами использования технологий во взаимодействии с частным сектором. Такие центры создавались преимущественно по отраслевому признаку, обеспечивая техническую поддержку оборонному комплексу, аэрокосмической промышленности, системе кибербезопасности и другим стратегическим областям.

Анализ элементов инновационного развития США был бы неполным без учета такого фактора, как международное сотрудничество в области передачи технологий и использование иностранных человеческих ресурсов.

Огромное число научных исследований осуществляется совместно учеными из разных стран. США – лидер в межгосударственном сотрудничестве в этой области. В научном рейтинге *Nature Index* США занимают первое место по количеству совместных с коллегами из других стран научных статей, изданных в 2020 г. в ведущих журналах и научных публикациях – свыше 28 тыс.²⁶²

Причем несмотря на устоявшееся мнение о преобладающем научном сотрудничестве западных государств между собой, главными партнерами американских ученых являются китайские (22%). Их доля значительно превышает число совместных публикаций американцев с коллегами из

---

²⁶² Nature Index 2021 Annual Tables / URL: <https://www.natureindex.com/annual-tables/2021>

Великобритании, Германии (по 9%), Канады, Франции и Японии (по 5%)²⁶³. В то же время в 2020 г. впервые отмечено отсутствие прироста числа совместных американо-китайских публикаций, что вызвано ужесточением требований США к сотрудничеству с КНР по причинам национальной безопасности.

США – крупнейший в мире «магнит» студентов, ученых и исследователей со всего света. Так, в 2018 г. на учебу в американские университеты приехали 970 тыс. чел. (19% от всех выезжающих за рубеж студентов в мире), из них 28% – китайцы (272 тыс.), 12% – индийцы (116 тыс.)²⁶⁴.

Многие из иностранцев остаются в стране не только ради трудоустройства в частных компаниях, но и для научно-исследовательской деятельности. 34% всех выданных докторских степеней в американских университетах приходится на иностранных исследователей, из которых более половины – граждане всего трех стран: Китая (29%), Индии (13%) и Республики Кореи (10%)²⁶⁵. Четверо из пяти защитившихся в США иностранцев остаются в стране на срок более чем 5 лет. Таким образом, США сохраняют у себя наиболее ценные и амбициозные человеческие ресурсы, способные произвести огромную отдачу для наращивания американского НТП.

Наглядно значение иностранной рабочей силы для НТП США демонстрирует рис. 5.4.

В общем количестве рабочих мест, связанных с проведением научных исследований, доля иностранцев составляет свыше 30%. Причем по большинству областей чем выше научная степень работников, тем большую долю занимают среди них рожденные за пределами США. Так, более половины докторов инженерных, математических и компьютерных наук являются выходцами из-за рубежа.

---

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ 2020 The State of U.S. Science & Engineering / National Science Board. Science & Engineering Indicators // URL: <https://nces.ed.gov/indicators/>

²⁶⁵ Там же.

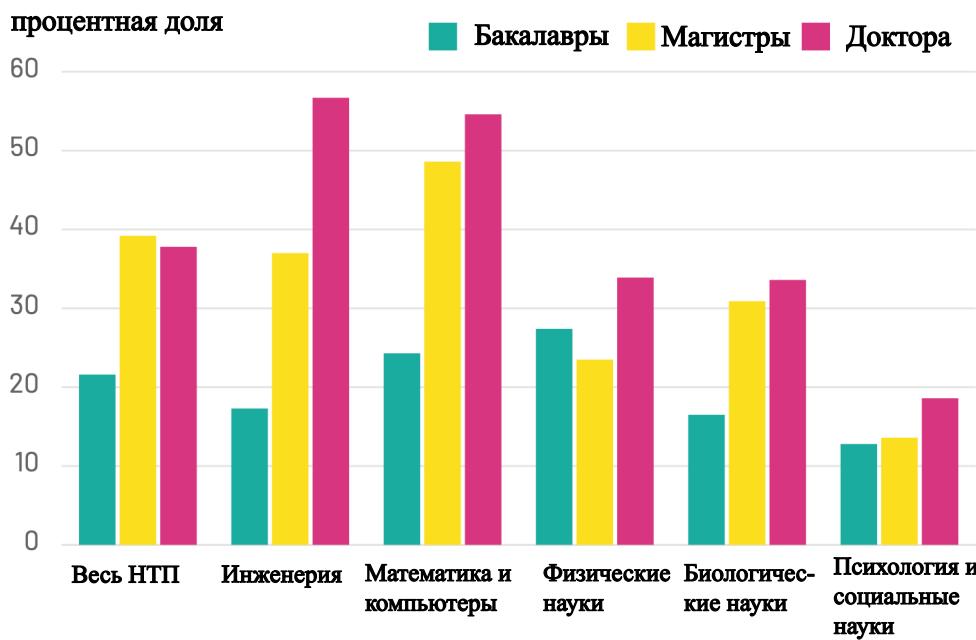

Рисунок 5.4. Доля людей, рожденных за пределами США, в различных областях американской науки.

Источник: 2020 The State of U.S. Science & Engineering / National Science Board. Science & Engineering Indicators // URL: <https://ncses.nsf.gov/indicators/>

Научно-технический комплекс США, таким образом, компенсирует нехватку собственных кадров с помощью беспрецедентной по объему «утечки мозгов» из-за рубежа. Приезд на обучение и постоянная иммиграция наиболее образованных и стремящихся заниматься наукой людей отвечают экономическим и политическим интересам США, и поэтому всячески поощряются государством.

Специальные американские иммиграционные визы EB-1B (для признанных научных деятелей, профессоров и исследователей) и O-1 (для лиц «с выдающимися способностями») позволяют через сито критериев отбирать и привлекать наиболее ценные иностранные кадры. И талантливые ученые и инженеры со всего света действительно стремятся попасть в США, ведь там созданы одни из самых благоприятных условий в мире для занятия исследованиями и наукой.

Исследование факторов научно-технического лидерства США позволяет сделать вывод о том, что в его основе лежат развитая институциональная структура и комплексное взаимодействие государства, университетов и бизнеса. Государство при этом играет скорее направляющую и координирующую роль, определяя с помощью научно-исследовательских центров приоритеты научной деятельности и осуществляя финансирование фундаментальных исследований, в то время как высшие учебные заведения в связке с частным сектором реализуют различные виды НИОКР и обеспечивают внедрение инноваций в экономику.

Симбиоз этих усилий позволил создать в стране наиболее благоприятные условия для научно-исследовательской деятельности, которые привлекают лучших специалистов со всего мира и позволяют США занимать ведущие позиции в создании и применении новых знаний.

Несмотря на все очевидные достижения, американский научно-технический потенциал сталкивается с многочисленными вызовами.

Во-первых, не лишена недостатков система образования США, в особенности школьного. Как видно из табл. 5.3, американские восьмиклассники занимают далеко не первые места в международном экзамене по математике и физике для четвероклассников и восьмиклассников TIMSS. Учащиеся Соединенных Штатов уступают не только школьникам ведущих азиатских стран и территорий (Сингапур, Республика Корея, Тайвань, Гонконг, Япония), но и России, Ирландии, Норвегии, Израиля и некоторым другим государствам с сильной системой школьного образования. По результатам другого международного экзамена по математике, физике и чтению для 15-летних школьников – PISA – американские ученики заняли 24 место в мире²⁶⁶.

Из слабых мест системы школьного образования в США можно отметить также чрезвычайно большое соотношение числа учеников и

---

²⁶⁶ Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>

учителей, равное 15 человекам (79-е место в мире). Уровень образования американских школьных учителей по физике и математике, исчисляемый процентом получивших магистерскую степень, составляет 60%, что чуть выше среднего уровня для развитых государств и намного ниже стран-лидеров (Финляндия, Чехия, Словакия, Португалия – более 98%)²⁶⁷.

Таблица 5.3. Место и средний балл США по результатам международного экзамена по математике, физике и естествознанию (TIMSS) в 2019 г.

Экзамен	Место США (средний балл)	Лидирующие страны (средний балл)
Математика (4 класс)	15 место (535 баллов)	Сингапур (625), Гонконг (602), Респ. Корея (600), Тайвань (599), Япония (593)
Физика и естествознание (4 класс)	9 место (539 баллов)	Сингапур (595), Респ. Корея (588), Россия (567), Япония (562), Тайвань (558)
Математика (8 класс)	12 место (515 баллов)	Сингапур (616), Тайвань (612), Респ. Корея (607), Япония (594), Гонконг (578)
Физика и естествознание (8 класс)	11 место (522 балла)	Сингапур (608), Тайвань (574), Япония (570), Респ. Корея (561), Россия (543)

Источник: составлено автором на основе TIMSS 2019 International Results in Mathematics and Science / International Association for the Evaluation of Educational Achievement // URL: <https://timss2019.org/reports/>

Относительно невелики и общие государственные расходы на образование в Соединенных Штатах – около 5% ВВП (42-е место в мире)²⁶⁸.

Высшее же образование, даже несмотря на систему скидок и грантов, остается недоступным для многих американцев. Средние годовые расходы студента на учебу в американском университете выросли за последние 30 лет в три раза – с 15 тыс. до более 45 тыс. долл.²⁶⁹ Образование в ведущих вузах

²⁶⁷ Elementary and Secondary STEM Education. Science & Engineering Indicators / National Science Board // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb2021/teachers-of-mathematics-and-science>

²⁶⁸ Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>

²⁶⁹ Супян В.Б. Научно-технический потенциал - ключевой фактор развития экономики США в XXI веке // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 2. – С. 7.

США обходится и того дороже – свыше 70 тыс. долл. США в год. В результате небогатые слои американского общества явно недопредставлены среди научных кадров и специалистов высшей квалификации в целом.

В результате нехватка квалифицированных научно-исследовательских кадров ощущается все более остро, и растущий недостаток ученых восполняется иммигрантами. При этом страны, бывшие традиционным источником таких кадров для США, сами делают упор на подготовку качественных специалистов, увеличивая расходы на образование и НИОКР. Во все более конкурентном мире даже при условии сохранения привлекательных условий для научной работы США в значительно меньшей степени придется рассчитывать на иностранные мозги.

Мировой научно-технический прогресс идет бок о бок с процессом глобализации. Объединение НТП различных государств, осуществление совместных НИОКР и трансфер технологий позволяют значительно ускорить процесс создания инноваций и их внедрения в экономику. По мнению многих экспертов, США как развитая постиндустриальная страна с доминирующими позициями в передовых отраслях является наибольшим бенефициаром глобализации.

Вместе с тем после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. произошел рост антиглобалистских настроений не только в отдельных слоях общества, но и в политических элитах, что нашло отражение в экономической политике ведущих государств мира. Президентство Д. Трампа стало символом такой смены вектора для США.

Естественно, что продвижение им односторонних подходов в духе «Америка превыше всего» и радикально консервативной повестки не могло не сказаться на политике США в области развития науки и технологий. Многие ученые и эксперты обвиняют Д. Трампа в последовательном уничижении роли науки в принятии решений федеральным правительством, а также попытке сократить финансирование НИОКР по широкому спектру областей исследования.

Так, при согласовании федерального бюджета Д. Трамп ежегодно пытался уменьшить общие государственные ассигнования на науку, и только позиция Конгресса не позволяла ему это сделать. Развитие НИОКР продвигалось администрацией лишь по узкому спектру приоритетных для нее направлений, куда входили исследования в области искусственного интеллекта, квантовая наука и лунная программа НАСА «Артемис».

Больше других пострадало от политики Д. Трампа Агентство по охране окружающей среды США. Помимо постоянного сокращения его бюджета и цензуры докладов и результатов исследований, во главе ведомства был поставлен сподвижник Д. Трампа – С. Прютт, отвергавший сам факт человеческого воздействия на глобальное потепление.

Задокументированы случаи давления администрации на профессоров и ученых с той целью, чтобы их точка зрения не противоречила официальной²⁷⁰. Были отменены многие регулятивные постановления и требования по экологичности промышленной продукции, а также сокращены гранты и господдержка на исследования в области изменения климата. Некоторые эксперты связывают такую политику с близостью республиканских кругов к крупным нефтяным и химическим компаниям, которые противодействуют научным исследованиям в областях, угрожающих их бизнесу.

Изменилась сама официальная риторика в отношении места науки в принятии политических решений. Если Б. Обама считал ее неоспоримым фундаментом и ключевым фактором глобального американского лидерства, то Д. Трамп подвергал сомнению многие результаты научных исследователей и общепринятые в академическом обществе тезисы. Как утверждает одна из ведущих исследователей Агентства по окружающей среде Бетси Смит, вынужденная уволиться из него в 2017 г.: «Смена политики является нормальным делом для каждой новой администрации. Но обычно это происходит на основе новых исследований и тщательного анализа. Сейчас же

---

²⁷⁰ Science Under Attack: How Trump Is Sidelining Researches and Their Work. / The New York Times. Dec. 28, 2019 // URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/28/science/trump-administration-war-on-science.html>

они по сути дают понять, что все, что делают экономисты, ученые и карьерные исследователи – не важно»²⁷¹.

Популистские решения Д. Трампа в иммиграционной сфере также не способствовали сотрудничеству американских ученых с зарубежными коллегами. В частности, ощутимый ущерб международным научным связям нанес запрет 2017 г. на въезд в США граждан шести государств и ограничения для представителей ряда других стран. Вице-президент Ассоциации американских университетов Л. Бороус считает, что эти и другие решения Д. Трампа по ужесточению иммиграционного законодательства серьезно «ухудшили условия для привлечения в США высококвалифицированных иностранных специалистов»²⁷².

В то же время последствия для развития науки от общего разворота американской экономической политики в сторону протекционизма можно трактовать по-разному. По мнению сторонников Д. Трампа, его стремление вернуть производства в США не препятствует НТП, а лишь стимулирует его, так как научно-технический прогресс приведет к снижению трудовой составляющей затрат компаний настолько, что они потеряют стимул к переводу предприятий за рубеж²⁷³. Косвенным подтверждением данного тезиса можно считать пример компаний И. Маска Space X и Tesla, которые добились значительной экономии на издержках благодаря созданию полной производственной цепочки в автомобильной и аэрокосмической отраслях на заводах исключительно на территории США.

В любом случае научно-техническому комплексу США и всего мира придется считаться с последствиями глобального экономического и социального кризиса, вызванного пандемией коронавируса. Если COVID-19, с одной стороны, продемонстрировал взаимозависимость и уязвимость всех

---

²⁷¹ Science Under Attack: How Trump Is Sidelining Researchers and Their Work. / The New York Times. Dec. 28, 2019 // URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/28/science/trump-administration-war-on-science.html>

²⁷² How Trump damaged science — and why it could take decades to recover / Nature. Oct 05, 2020 // URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02800-9>

²⁷³ Супян В.Б. США: глобализирующаяся экономика в глобализирующемся мире / Международная жизнь. 2018. № 4. С. 100.

стран перед общей угрозой, то с другой – фрагментировал международные экономические отношения.

Межгосударственное сотрудничество в области образования и науки серьезно пострадало от закрытия границ и ограничения на передвижения людей, товаров и услуг. Безусловно, изыскиваются новые возможности для продолжения обучения и совместных исследований на расстоянии, но они не могут в полной мере заменить живого контакта и синергии от коллективной работы.

Многие эксперты, тяготеющие к демократическим взглядам, считают «антинаучную» политику Д. Трампа одной из основных причин тяжелых последствий пандемии для американского общества. Утверждается, что президент намеренно игнорировал предупреждения научного сообщества об опасности коронавируса и распространял ложные сведения в стремлении избежать введения ограничительных мер в преддверии выборов²⁷⁴.

Победа кандидата от Демократической партии Дж. Байдена на президентских выборах в ноябре 2020 г. во многом привела к возврату научно-технической политики США к временам Б. Обамы. Дж. Байден отменил большую часть решений Д. Трампа в области защиты окружающей среды и миграционной политики, усилил позиции ученых в администрации, повысив статус советника президента по науке до члена кабинета, а также стал приоритетным образом развивать исследования в области медицины и наукоемких промышленных технологий²⁷⁵. В январе 2021 г. Дж. Байден поручил создать рабочую группу для изучения последствий политического вмешательства в науку в период предыдущего президента, в том числе случаев искажения или непубликации результатов исследований²⁷⁶.

---

²⁷⁴ How Trump damaged science – and why it could take decades to recover / Nature. Oct 05, 2020 // URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02800-9>

²⁷⁵ What a Joe Biden presidency will mean for five key science issues. / Nature. Oct. 01, 2020 // URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02786-4>

²⁷⁶ Malakov D. Biden orders sweeping review of government science integrity policies / Scienceinsider, January 27, 2021 // URL: <https://www.science.org/news/2021/01/new-biden-scientific-integrity-policy>

Независимо от политики американских президентов пандемия COVID-19 способствует неминуемым изменениям в глобальном раскладе сил в области научно-технического прогресса. Исходя из имеющихся данных, можно прогнозировать скорое лидерство Китая по основным количественным параметрам развития НТП. Агентство Bloomberg в своем исследовании 2018 г. утверждает: «Хочется нам этого или нет, но восхождение Китая на вершины научных рейтингов – это свершившийся факт»²⁷⁷.

Вместе с тем в стремительно изменяющейся цифровой экономике главным конкурентным преимуществом может стать прорыв в отдельной, наиболее перспективной области. ЮНКТАД выделяет несколько прорывных технологий, которые могут сформировать будущее человечества и его следующий хозяйствственный уклад.

Как видно из табл. 5.4, США находятся в числе стран-лидеров по всем 11 технологиям, занимая первое место по числу публикаций и патентов в таких областях, как искусственный интеллект (ИИ), блокчейн, 3D-печать, робототехника, дроны, генная инженерия и нанотехнологии. В то же время в настоящее время Китай уже лидирует в сфере изучения «больших данных», интернета вещей, пятого поколения мобильной связи, а также использования солнечной энергии.

Таблица 5.4. Число публикаций, патентов, прогнозы объемов рынка и страны-лидеры по развитию основных передовых технологий

Технология	Объем рынка, млрд долл.		Общее число публикаций / патентов	Страны-лидеры по публикациям и патентам
	в 2018 г.	к 2025 г.		
Искусственный интеллект	16	191	403 596/ 116 000	США, Китай, Великобритания, Германия
Интернет вещей	130	1 500	66 467/ 22 180	Китай, США, Индия, Республика Корея
Большие данные	32	157	73 957/ 6 850	Китай, США, Индия, Республика Корея

²⁷⁷ China Is Overtaking the U.S. in Scientific Research/ Bloomberg Opinion. Sep. 18, 2018 // URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-09-12/chinese-researchers-are-outperforming-americans-in-science>

Блокчейн	0,7	61	4 821 / 2 975	США, Китай, Великобритания
5G	0,6	277	6 828 / 4 161	Китай, Республика Корея, США
3D-печать	10	44	17 039 / 13 215	США, Китай, Германия, Великобритания
Робототехника	32	499	254 409 / 59 535	США, Китай, Япония, Республика Корея, Германия
Дроны	69	141	10 979 / 10 897	США, Китай, Республика Корея, Франция
Генная инженерия	3,7	9,7	12 947 / 2 899	США, Китай, Великобритания, Швейцария
Нанотехнологии	1	2,2	152 359 / 4 293	США, Китай, Германия, Россия
Солнечная энергия	54	334	10 768 / 20 074	Китай, США, Индия, Республика Корея

Источник: составлено автором на основе Technology and Innovation Report 2021 / United Nations Conference on Trade and Development // URL: <https://unctad.org/page/technology-and-innovation-report-2021>

Отечественные экономисты, в частности С.А. Афонцев, также добавляют к наиболее перспективным технологиям будущего «виртуальную реальность», или VR, и ставшее популярным в последний год создание метавселенных. Наибольший потенциал эта технология может иметь в секторах развлечений, здравоохранения и образования²⁷⁸.

Развитие каждой из указанных технологий является существенным драйвером экономического роста, однако судя по объему публикаций и регистрируемых патентов, а также общественного внимания к сфере, потенциально революционной областью знаний может стать создание искусственного интеллекта (ИИ). Американское и китайское правительства уже начали настоящее соревнование в данной сфере.

Первая государственная программа в США в сфере ИИ была запущена в 2016 г. и дополнена в 2019 г., обеспечив отрасли стабильный рост госфинансирования, не сравнимый ни с одной другой областью НИОКР. В

---

²⁷⁸ Афонцев С.А. Новые тенденции в развитии мировой экономики. // Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, С. 41.

свою очередь Китай объявил о реализации «Плана создания ИИ следующего поколения» в 2017 г. с перспективой наращивания стоимости этих исследований до 150 млрд долл. к 2030 г.²⁷⁹

По общему числу публикаций и патентов в сфере искусственного интеллекта Соединенные Штаты удерживают первенство с 73 тыс. исследований и 29 тыс. патентов²⁸⁰. Более того, американские компании Alphabet (Google), Amazon, Apple, IBM и Microsoft являются крупнейшими поставщиками услуг ИИ на рынке, объем которого к 2025 г. может достичь 200 млрд долл.

В то же время по такому важному показателю, как вложения венчурного капитала в ИИ, Китай, как видно из рис. 5.5, демонстрирует взрывной рост и в 2018 г. уже почти догнал США (15,5 млрд против 16 млрд долл.). При этом инвестиции всех остальных стран в ИИ несравненно меньше, что не дает повода сомневаться в размере ставок, сделанных двумя государствами на прорыв в этой области. По числу рабочих мест в сфере ИИ лидирует КНР (свыше 12 тыс. в 2019 г.), в то время как в США их менее 7,5 тыс., в Японии – 3,4 тыс.²⁸¹

---

²⁷⁹ Science & Engineering Indicators / National Science Board // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20205/artificial-intelligence-technology>

²⁸⁰ Technology and Innovation Report 2021 / United Nations Conference on Trade and Development // URL: <https://unctad.org/page/technology-and-innovation-report-2021>

²⁸¹ Там же.

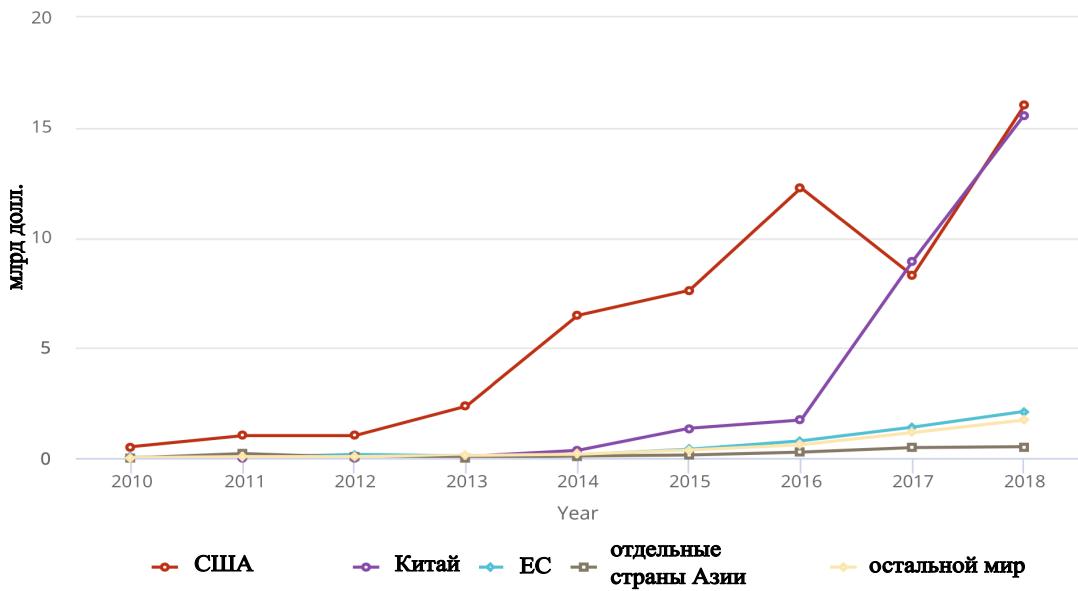

Рисунок 5.5. Венчурные инвестиции в исследования, связанные с искусственным интеллектом, в отдельных странах в 2010–2018 гг.

Источник: *Science & Engineering Indicators / National Science Board // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20205/artificial-intelligence-technology>*

Несмотря на то, что и Китай, и США декларируют в качестве одной из главных целей развития искусственного интеллекта минимизацию связанных с ним рисков, таких как создание враждебного к человечеству ИИ, настоящая гонка и тотальная секретность разработок в этой сфере сами по себе создают угрозу использования технологии не во благо мира.

ИИ является лишь одной из сфер нарастающего технологического противостояния США и Китая. Гонка с Пекином в сфере НТП объявлена Дж. Байденом императивом национальной безопасности. Опередить Поднебесную в сфере высоких технологий планируется в том числе с помощью существенного наращивания затрат на научные фундаментальные и прикладные исследования.

Так, в апреле 2021 г. был принят закон «Об инновациях и конкуренции» (The United States Innovation and Competition Act), предполагающий направление 195 млрд долл. на НИОКР по 10 приоритетным областям технологического соперничества США с Китаем, в том числе искусственный интеллект, квантовые вычисления, робототехника и беспроводная связь.

Также в Конгрессе рассматривается законопроект «Обеспечение американского лидерства в науке и технологиях», который ставит своей целью стимулирование инноваций в государственном секторе. Среди прочего планируется увеличить финансирование Национального научного фонда и исследовательских лабораторий Министерства энергетики США.

Помимо мер поощрения развития собственного НТП продолжается начатая Д. Трампом политика дискриминации в отношении технологий и технологических компаний КНР. Регулярно расширяется черный список китайских корпораций, «подрывающих безопасность и демократические ценности США» в сферах телекоммуникаций, микроэлектроники и авиатехники. Под особым контролем – мировой лидер по технологиям 5G Huawei и крупнейший производитель микросхем SMIC. Кроме того, действует запрет на инвестиции резидентов США в предприятия, поставляющие продукцию для ВПК Поднебесной.

Отдельное внимание сконцентрировано на стабилизации цепочек снабжения с учетом критической зависимости США от китайских поставок редкоземельных металлов и полупроводников, которые используются в автомобилестроении, электроники, нефтехимии и других наукоемких отраслях. Специальный указ Дж. Байдена предписывает федеральным ведомствам США решить проблему обеспечения страны важнейшими для национальной безопасности товарами, такими как фармацевтика и автомобильные аккумуляторы.

Курс на мировое лидерство в производстве полупроводников возведен американской администрацией в статус национального приоритета. В 2021 г. принят закон «О создании полезных стимулов для производства полупроводников для Америки» (CHIPS for America Act), предполагающий инвестиции в объеме 52 млрд долл. в производство микроэлектроники для нужд ВПК и гражданской промышленности²⁸².

---

²⁸² Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с китайским акцентом / США & Канада, выпуск № 12, 2021 г. – С. 92.

5.2. Китай и США в условиях глобального экономического противостояния

Если внешнеполитическая линия КНР эпохи Дэна Сяопина была сформулирована как «оставаться в тени, проявлять скромность, не высовываться, набраться терпения»²⁸³, то современный Китай, как это сформулировано Си Цзиньпином, претендует на роль глобального лидера в «сообществе единой судьбы человечества». Пекин демонстрирует растущее нежелание развиваться в отведенных западными странами и международными институтами рамках, жить по правилам либерального миропорядка, установленного при доминирующей роли США.

На этом фоне нарастает всеобъемлющее противостояние Китая и США, соперничество двух моделей в экономическом, политическом и даже идеологическом поле. Уникальность ситуации состоит в том, что в основе этого противостояния лежит глубокий торгово-экономический симбиоз Китая и США, получивший название Chimerica²⁸⁴. Будучи глубоко вмонтированными в существующую концепцию глобализации, две страны долгое время получали значительные выгоды от взаимозависимости, обусловленной сверхпотреблением в США и экспортной экспансии КНР. Более того, доходы от поставок в Америку в значительной мере направлялись на покупку американских долговых обязательств, что, в свою очередь, стимулировало дальнейший рост потребительского спроса на китайские товары в Соединенных Штатах²⁸⁵.

Сектор американского бизнеса остается самым большим в КНР – более 3000 компаний, из которых 320 – крупные корпорации, такие как General Electric, AT&T, Avon, работающие в Поднебесной уже несколько

---

²⁸³ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021 : монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. – М.: ИДВ РАН, 2022. – С. 231.

²⁸⁴ Ferguson N., Schularick, M. “Chimerica” and the Global Asset Market Boom // International Finance. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 215–239.

²⁸⁵ Ефременко Д.В. Chimerica в стадии полураспада: деградация китайско-американских отношений при Д.Трампе и ее последствия для мирового порядка / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание // М.: ИДВРАН, 2020. – С. 98.

десетилетий²⁸⁶. Продолжает расти и приток капитала из Китая в США: в 2010-х годах объем притока прямых иностранных инвестиций КНР в Соединенные Штаты превысил американский в Китае и достиг максимума в 50 млрд долл. в 2016 г. (см. рис. 5.6).

Таким образом, к середине прошлого десятилетия экономики Китая и США оказались глубоко интегрированы не только на торговом, но и на производственном и финансовом уровнях. Однако по мере усиления Китая в сферах доминирования США, прежде всего в области высоких технологий, положительный эффект от торговых и инвестиционных дисбалансов между двумя странами все больше смещался в пользу КНР, что вызывало растущее раздражение Вашингтона. В ходе слушания в Палате представителей США в сентябре 2018 г. подчеркивалось, что по вине КНР американская экономика ежегодно теряет от 225 до 600 млрд долл.²⁸⁷, в том числе из-за кражи интеллектуальной собственности, демпинга цен и несправедливой конкуренции.

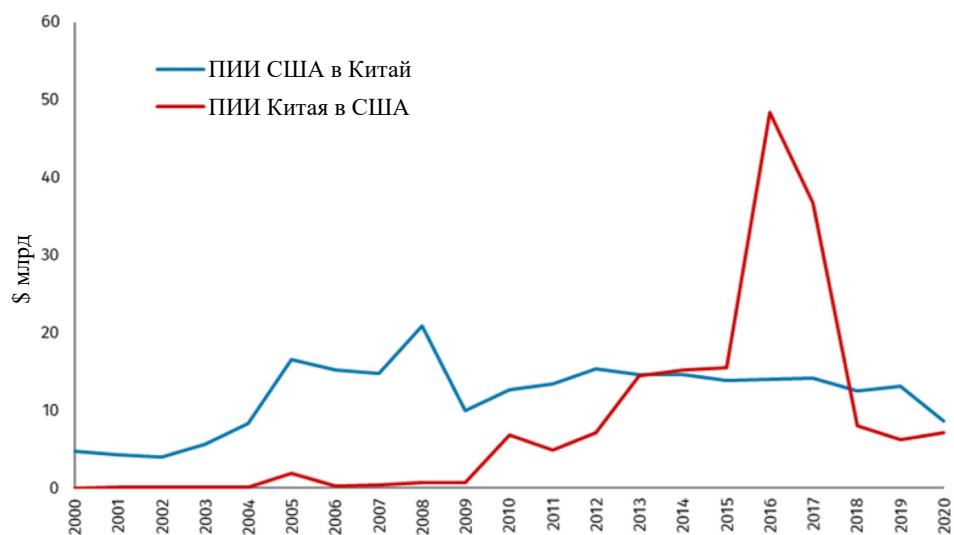

Рисунок 5.6. Прямые иностранные инвестиции США в Китай и Китая в США.

²⁸⁶ Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: РИПОЛ классик, 2021. — С. 226.

²⁸⁷ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021 : монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. — М.: ИДВ РАН, 2022. — С. 233.

Источник: Two-Way Street: 2021 Update US-China Investment Trends / 2021 Rhodium Group and National Committee on U.S.-China Relations // URL: <https://www.us-china-investment.org/research>

В результате после прихода к власти Д. Трампа США перешли к открытому сдерживанию Китая, а в 2018–2019 гг. с взаимным увеличением тарифных барьеров началась полноценная торговая война между двумя странами.

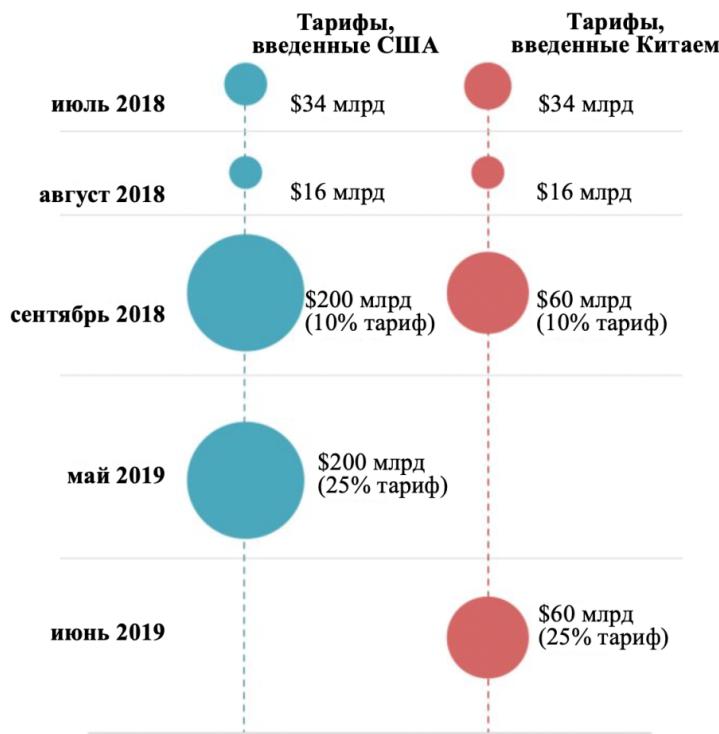

Рисунок 5.7. Хронология и объем введенных торговых ограничений между США и Китаем в 2018–2019 гг., млрд долл.

Источник: A quick guide to the US-China trade war / BBC News. 16 January 2020 // URL - <https://www.bbc.com/news/business-45899310>

Как видно из рис. 5.7, общий объем товарооборота, попавшего под различного рода ограничения, составил свыше 600 млрд долл.

По оценкам Управления Конгресса США по бюджету, введенные ограничения имели негативный эффект для американской экономики, приведя

к потерям как в ВВП (на 0,3%), так и в объеме потребительского спроса и инвестиций, не говоря уже о падении объемов торговли с КНР²⁸⁸.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, целью Д. Трампа не было введение торговых ограничений как таковое. 15 января 2020 г. президент США и вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ заключили договоренности по «первой фазе» торговой сделки, согласно которой значительная часть тарифов отменялась и обе стороны брали на себя обязательства по дополнительному наращиванию товарооборота. При этом в соглашение вошли важные для США положения об открытии китайского финансового рынка для американских компаний и возобновлении поставок американской нефти и сжиженного природного газа.

Признаваемое рядом экспертов поражение Китая в торговой войне объясняется прежде всего тем, что к моменту острой фазы противостояния он еще не успел создать собственный экономический макрорегион и независимую банковско-финансовую систему, что позволило бы ему безболезненно пережить «открепление» от американской экономики.

Вторым после торговых ограничений блоком антикитайской политики США стало противодействие технологическому потенциалу КНР путем ограничения деятельности его техгигантов ZTE и Huawei, обвинений в кибершпионаже, отказа от поставок в Поднебесную передовых технологий и микрочипов. Учитывая, что инновационное производство в КНР пока еще сильно зависит от иностранных составляющих, такие меры могут затормозить планы Пекина по реализации проекта «Сделано в Китае 2025».

Для нивелирования этого риска КНР реализует программу по разработке глобальных стандартов для новых технологий – «Китайский стандарт 2035», что должно позволить стране создать собственную, конкурирующую с западной технологическую экосистему и стать чистым получателем, а не плательщиком лицензионных сборов.

---

²⁸⁸ An Update to the Budget and Economic Outlook: 2019 to 2029 / Congressional Budget Office, August 2019 // URL - https://www.cbo.gov/system/files/2019-08/55551-CBO-outlook-update_0.pdf

К торговым и технологическим санкциям США с 2020 г. добавились и «коронавирусные», связанные с якобы сокрытием Пекином информации о распространении COVID-19 и ставшие центральным элементом антикитайской линии Вашингтона в ходе пандемии.

Важно отметить, что экономическая составляющая противостояния является «оборотной стороной» политico-идеологической атаки Вашингтона, обвиняющего Пекин в ужесточении «коммунистического режима» и нарушении прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Гонконге. Основанием для подобной риторики стали развернутые Си Цзиньпином реформы по централизации власти под его руководством, расширению роли Китайской коммунистической партии в общественно-политической и экономической жизни КНР, а также созданию дополнительных барьеров в информационной среде для более жесткого контроля над обменом идеями и капиталом между страной и внешним миром.

Последний пример репрессивных мер – принятый в августе 2021 г. масштабный пакет мер регулирования технологической и образовательной отраслей, включающих ограничение частного образования и участия иностранного капитала в экономике²⁸⁹. Известный специалист по Китаю Э. Экономи считает, что тем самым китайское руководство, по сути, отказывается от политики максимальной открытости и постепенности, сформулированной Дэном Сяопином²⁹⁰.

В результате обострения американо-китайского противостояния статус КНР как конкурирующего партнера США был, по сути, изменен Вашингтоном на статус geopolитического соперника, противоборство с которым в экономике распространилось и на другие сферы. Тесные торговые и инвестиционные связи больше не являются гарантией того, что разногласия не перерастут в острый конфликт. Так, директор Национальной разведки США в

---

²⁸⁹ Китай ужесточает регулирование частного бизнеса. Рынок заволновался / Русская служба BBC News, 12 августа 2021 г. // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58160034>

²⁹⁰ Economy E. The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State / Oxford University Press, 2018.

2020–2021 гг. Дж. Рэтклифф выразил уверенность, что «КНР представляет наибольшую угрозу для Америки со времен Второй мировой войны» и что «Пекин намерен властствовать над США и остальным миром в экономической, военной и технологической сферах»²⁹¹.

Действующий президент США Дж. Байден значительно смягчил американскую риторику в отношении Пекина, обвинив Д. Трампа в убытках от торговой войны, но на деле не отказался от большей части дискриминирующих мер в отношении КНР. Показательно, что Вашингтон не торопится продолжать торговые переговоры с партнером, при этом не забывая напоминать тому о недовыполнении данных Д. Трампу в рамках сделки обещаний в части увеличения закупок американских товаров.

Новая администрация продолжает обвинять Китай в применении политики «инновационного меркантилизма», инвестиций влияния, а также в нарушениях прав человека в Гонконге и Синьцзяне. Новые торговые договоренности с КНР должны теперь содержать требования о соблюдении трудовых и экологических норм и исключать риски использования принудительного труда. В 2021 г. вводились ограничения на ввоз из Синьцзяна поликристаллического кремния, который применяется в изготовлении солнечных батарей. Одновременно усиливается давление на Пекин по климатической проблематике с целью ускорить болезненный для китайской экономики переход на возобновляемые источники энергии.

Новое политico-экономическое равновесие в отношениях между США и Китаем, вне зависимости от руководства двух стран, может оказаться устойчиво протекционистским, как, в частности, отмечает С.А. Афонцев²⁹².

Автор полагает, что несмотря на негативный откат в отношениях, пока оба государства сохраняют парадигму взаимного поведения,держивающую

---

²⁹¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021 : монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. – М. : ИДВ РАН, 2022. – С. 232.

²⁹² Афонцев С.А. Политика и экономика торговых войн // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 197.

от перехода граней допустимого по отношению друг к другу, что может стать основой продолжения их взаимодействия в будущем.

Вместе с тем дальнейшее нарастание противоборства за глобальное доминирование может привести к распаду Chimerica и фундаментальному технологическому расколу, когда не только США и Китаю, но и всем странам придется сделать сложный geopolитический выбор в пользу одной или другой информационно-коммуникационной системы. Очевидно также, что конфликт будет продолжаться еще очень долго, постоянно менять формы и тематически расширяться. В то же время любое продолжение конфронтации неизбежно приведет к потере ряда экономических выгод как для конфликтующих сторон, так и для всего мирового хозяйства.

Отметим, что другие государства не могут выбрать простое следование американской или китайской экономической модели. Проведенный анализ показал, что обе модели по своей сути уникальны и опираются на ряд важных преимуществ, которые недоступны ни одной другой стране в мире. При этом если американская модель создала действующий хозяйственный миропорядок и пожинает плоды от сохраняющегося контроля над его механизмами, то китайская смогла успешно встроиться в глобальную экономику, действующую по лекалам США, и получить от нее максимальные выгоды для собственного развития.

Повторить «китайское чудо» в другом государстве и в другой макроэкономической конъюнктуре весьма проблематично, что демонстрируют примеры Индии, Бразилии или Мексики, достигших определенных успехов, но пока не сумевших преодолеть «ловушку стран со средним уровнем доходов». В любом случае опираться при догоняющем развитии им приходится на созданные американцами технологии и экономические институты.

Достижение США доминирующего положения в мировой экономике к концу XX в. на фоне победы либерально-демократических ценностей над

коммунизмом породило размышления о «конце истории» и окончательном триумфе западной модели построения общества и хозяйства.

Тем не менее начало нового тысячелетия продемонстрировало преждевременность подобных рассуждений. За последние два десятилетия на мировой экономической и политической арене появился новый крупный игрок, действующий по совершенно другим рецептам и опирающийся на иные культурно-цивилизационные опоры, нежели США и страны Запада. За относительно короткий исторический срок Китай превратился из полуколонии, стоявшей на грани государственного распада²⁹³, в сверхдержаву с современной и диверсифицированной экономикой.

В настоящее время именно КНР является главным конкурентом США, а текущий виток американско-китайского противостояния впору называть новой «холодной войной». При этом Поднебесная представляет собой интерес не просто как соперник Соединенных Штатов в абсолютных экономических показателях или международном разделении труда, а прежде всего как реальная альтернатива американской экономической модели. Для понимания перспектив лидерства Пекина в мировом хозяйстве следует рассмотреть факторы успеха и проблемы китайской модели и сопоставить их с американской.

На протяжении тысячелетий Китай был одним из самых успешных и устойчивых государств, и его отставание от западного мира произошло лишь в XIX в. из-за неудачной модели развития на фоне научно-технологической революции в Европе, а также двух проигранных Опиумных войн и фактической потери национального суверенитета. Большую часть XX в. страну также сотрясали внешние и внутренние события, закончившиеся чудовищными для экономики и общества экспериментами Мао Цзэдуна 1960–1970-х гг.

---

²⁹³ Экономика КНР в годы 13- й пятилетки (2016–2020) / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. — М.: ИДВ РАН, 2020. – С. 31.

Возрождение Поднебесной началось с реформ фактического лидера КНР с 1978 г. Дэна Сяопина, который признал кризис командно-административной системы хозяйствования и стал поэтапно внедрять рыночные элементы в экономику страны. При сохранении государственного контроля над ключевыми отраслями произошло значительное расширение свободы предпринимательства на низовых уровнях, а также открытие страны для иностранного капитала.

Китайские реформы не копировали полностью ни восточные, ни западные экономические модели, хотя тщательно изучались и европейская, и сингапурская, и японская. Не стесняясь использовать различные заимствования, Китай все же построил свою уникальную модель, сочетающую признаки капитализма и социализма, но не сводимую ни к одному из них. Ее главная особенность – централизованное управление на макроуровне при высокой и вполне либеральной конкуренции между малыми и средними предприятиями. При этом если Дэн Сяопин называл такую модель «социализмом с китайской спецификой», то действующий Председатель КНР Си Цзиньпин говорит уже о «китайском социализме», что подчеркивает национальную ориентированность модели.

Один из общепризнанных факторов ее успеха – это постепенность, продуманность преобразований и стратегическое видение, позволяющее не метаться в поисках лучших решений, а видеть долгосрочную цель и шаг за шагом достигать ее. Наиболее красноречивое доказательство такой последовательности – непрерывный и устойчивый экономический рост страны на протяжении последних 40 лет. При этом дело не в том, что китайские руководители знают какой-то секрет и не делают ошибок, а в скорости их признания и исправления, а также реагирования на новые вызовы. Несмотря на кажущуюся жесткость и тяжеловесность централизованной системы управления, китайская модель является достаточно гибкой и обладающей высокой скоростью реакции.

Еще одна важная составляющая китайского чуда – сохраняющаяся при любом внутреннем и внешнем фоне социальная ориентированность государства. Официально декларируемая цель госполитики – построение общества «равного благоденствия», или «сяокан»²⁹⁴, что представляет собой весьма гибкую интерпретацию социалистических идей, адаптированных под конкретную социально-экономическую среду.

Сама общественная среда Поднебесной формировалась на протяжении тысячелетней истории страны под влиянием конфуцианства и других восточных религиозно-философских течений. Китайские традиции образования и управления поощряют скромный и терпеливый труд, стремление учиться, реальными заслугами зарабатывать жизненные блага и достигать цели. В национальных органах власти стимулируется жесткая конкуренция, строгий отбор и ротация чиновников, а среди руководителей разного уровня много реально талантливых и прекрасно подготовленных людей²⁹⁵. При этом для подготовки высококачественных политических, деловых и финансовых элит активно продвигается обучение за рубежом, в стране также созданы эффективные стимулы для возвращения выпускников на родину.

Наконец, китайская модель имеет оформленную и наделенную смыслом идею, глобальную цель развития, с подачи Си Цзиньпина получившую название «китайская мечта». Не имеющую строгого определения, ее можно охарактеризовать как самосознание нации, стремление к приобретению экономического и политического лидерства страны в мирной и стабильной международной обстановке.

Для населения такая мечта дает новые смыслы, понимание того, для чего развивается государство и какое место в этой структуре предназначено для каждого отдельного человека. В масштабе страны речь идет о возрождении

---

²⁹⁴ Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: РИПОЛ классик, 2021. — С. 14.

²⁹⁵ Там же, с. 12.

национально ориентированного мировоззрения, базирующегося на осознании уникальности своих культурных ценностей, идее социальной справедливости и разделения взаимной ответственности государства и общества.

Китайская модель претерпела значительные изменения даже в ходе ее успешного применения в последние четыре десятилетия, по мере достижения задач социально-экономического развития и смены приоритетов государственной политики.

Активное внедрение рыночных элементов и предоставление льгот и гарантий зарубежным инвесторам в 1980–1990-е гг. превратило страну с самой дешевой рабочей силой в мире в привлекательное место для размещения разнообразных предприятий, направленных на экспортное производство. В результате объем вывоза китайских товаров за последние 20 лет XX в. увеличился в 22 раза²⁹⁶, а КНР получила статус «фабрики мира»²⁹⁷. При этом правительство требовало от иностранных инвесторов в обмен на доступ к растущему китайскому рынку внедрять самые передовые технологии.

Такая политика позволила Китаю заработать на экспортных поставках огромные средства, которые были грамотно вложены в науку, производственные инновации, реформирование неэффективных отраслей, строительство современной транспортной инфраструктуры. Ключевым элементом китайской модели оставалась доминирующая роль государства в инициации и реализации всех крупных проектов.

Пекину удалось в полной мере воспользоваться собственными конкурентными преимуществами в условиях мировой экономической системы, созданной при лидирующей роли США. На фоне нарастания глобализационных процессов в конце XX в. и начале XXI в. Китай занял важнейшее место в международном разделении труда, что было закреплено принятием страны во Всемирную торговую организацию в 2001 г.

---

²⁹⁶ World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

²⁹⁷ Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: РИПОЛ классик, 2021. С. 10.

Однако к концу 2000-х годов стали наблюдаться истощение старых драйверов роста и достижение лимитов экстенсивного развития. По мере роста себестоимости и повышения оплаты труда экспортно ориентированное производство в Китае становилось все менее конкурентоспособным. Если в нулевые годы среднегодовые темпы роста ВВП достигали двухзначных отметок (см. рис. 5.8), то несмотря на уверенное прохождение мирового финансового кризиса экономика КНР росла далее уже в среднем на 8–9% в год, а после 2014 г. – на 6–7%. Доля экспортта при этом, достигнув максимума в 36% ВВП в 2006 г., постепенно снизилась до 20% в связи с опережающим ростом внутреннего рынка и менее благоприятной ценовой конъюнктурой.

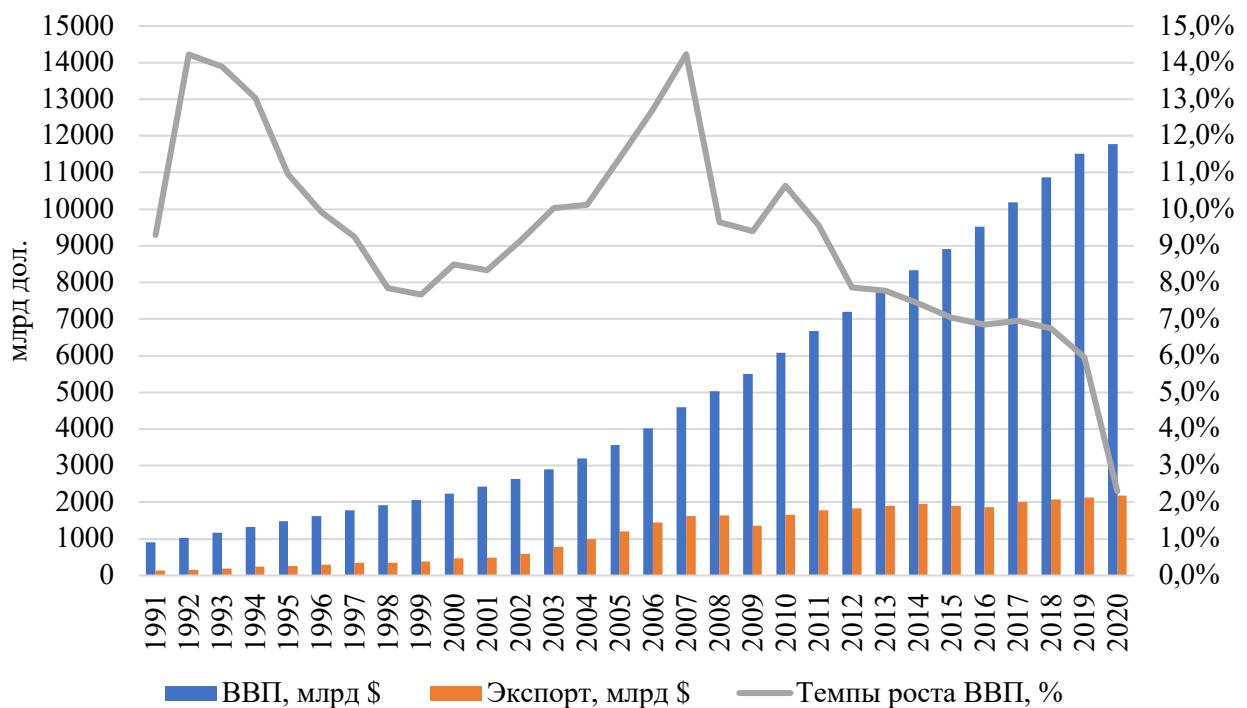

Рисунок 5.8. Объемы ВВП, экспорт и темпы роста ВВП Китая в 1991–2020 гг.

Источник: составлено автором на основе *World Bank National Accounts Data* // URL: <https://data.worldbank.org/>

Таким образом, Китай столкнулся с типичными трудностями для развивающихся государств при переходе к новой модели роста. Снижение роли дешевой рабочей силы как главного сравнительного преимущества означает, что поддержание устойчиво высоких темпов роста требует

активного замещения труда капиталом и внедрения новых технологий для повышения совокупной факторной производительности²⁹⁸.

Уже в 2013–2014 гг. Китай начал активную перестройку модели своей экономики, переходя от массового и сравнительно дешевого производства к развитию передовых отраслей и высоких технологий. Такая задача потребовала значительного повышения качества рабочей силы и квалификации, а значит, и комплексного развития системы образования. Достижения в этой сфере впечатляют: из государства с практически полностью безграмотным и сельским населением Китай превратился в страну со всеобщим базовым образованием, самым большим числом студентов и объемом расходов на образовательные цели в мире²⁹⁹. В развитии этой сферы в Китае видят залог подготовки нового поколения для технологического прорыва в будущее.

С точки зрения макроэкономического планирования произошла смена акцентов с формального увеличения ВВП к повышению его качества, то есть росту доли сферы услуг и производств с высокой добавленной стоимостью. В 2015 г. была принята амбициозная программа «Сделано в Китае 2025», призванная обеспечить лидерство КНР в области развития высоких технологий и экспорта соответствующей продукции. Приоритет был отдан развитию искусственного интеллекта, по степени внедрения которого китайские компании опережают западные (по данным опроса Boston Consulting Group в 2018 г., 32% китайских предприятий использовали технологии ИИ по сравнению с 22% в США)³⁰⁰.

При этом существенным образом поменялась стратегия интеграции Китая в мировое хозяйство. Если раньше он занимал свободные ниши в международном разделении труда в рамках действующих производственно-

---

²⁹⁸ Афонцев С.А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5. С. 38.

²⁹⁹ Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – С. 12.

³⁰⁰ Там же, с. 12.

сбытовых цепочек, то в 2010-х годах было принято решение создать собственную глобальную логистическую цепочку, от дизайна и производства продукта до его сбыта на внешние рынки по контролируемым КНР торговым путям.

Эта концепция получила оформление в мегапроекте «Один пояс – один путь» (см. рис. 5.9), призванном соединить Китай с Европой и Африкой наземными и морскими транспортными артериями. К июню 2020 г. инициатива включала более 3000 проектов в области инфраструктуры, энергетики, водоснабжения и недвижимости общей суммой свыше 4 трлн долл.³⁰¹

Параллельно с реализацией торгового «Шелкового пути» происходит активное перемещение китайских производств за рубеж в стремлении добиться более низкой себестоимости и контроля над перспективными развивающимися рынками. Увеличивается присутствие Китая и в иностранной финансовой сфере и активах международных банков.

Рисунок 5.9. Карта китайского мегапроекта «Один пояс – один путь»

Источник: Deutsche Welle (DW) // URL: <https://www.dw.com/ru/>

Новая экономическая политика Китая включает также дополнительные меры поощрения деловой активности, в том числе сокращение (а для малого

³⁰¹ BRI Connect: An Initiative in Numbers // Refinitiv Analytics 2020 // URL: <https://www.refinitiv.ru/ru/belt-road-initiative-data-insight#>

бизнеса – фактическое обнуление) налога на прибыль и НДС в 2019 г., облегчение условий выдачи кредитов и выпуска облигаций, сокращение числа областей, запрещенных для иностранных капиталовложений. В результате удается сохранять инвестиционную привлекательность страны, что выражается в стабильном притоке капитала в форме ПИИ в объеме 150–250 млрд долл. ежегодно³⁰².

В результате динамичного внутреннего развития, успешной интеграции в мировое хозяйство и своевременной адаптации модели китайская экономика поэтапно стала крупнейшим производителем промышленной продукции в мире в 2001 г., крупнейшим экспортёром – в 2013 г. и, наконец, крупнейшей экономикой при подсчете по паритету покупательной способности – в 2014 г.³⁰³ При этом отметим, что, опережая большинство государств по абсолютным показателям, КНР пока еще заметно отстает от развитых стран по качественным параметрам экономического развития. Так, по уровню ВВП по ППС на душу населения – 17 300 долл. – Китай занимает только 83-е место³⁰⁴. В связи с этим достижение среднего уровня доходов населения страны рассматривается лишь как промежуточная цель на пути построения «общества благороденствия» к 2050 г.³⁰⁵

В то же время китайская экономическая модель сталкивается с рядом вызовов и структурных проблем, которые могут стать существенными препятствиями на пути достижения амбициозной «китайской мечты». Некоторые экономисты, например А.А. Мовчан, прогнозируют в дальнейшем неминуемое снижение темпов роста ВВП КНР по мере истощения эффекта «низкой базы» (крайне низкого стартового уровня развития хозяйства)³⁰⁶.

---

³⁰² World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

³⁰³ Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. – М.: ИДВ РАН, 2020. – С. 9.

³⁰⁴ World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

³⁰⁵ Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание / М.: ИДВ РАН, 2020. – С. 84.

³⁰⁶ «Первое предупреждение» – Андрей Мовчан о предпосылках заката китайского экономического чуда / Movchan Group, 6 августа 2021 г. // URL: <https://movchans.com/ru/publications-2/>

Другой риск остановки «китайского чуда» – ожидаемая перспектива прекращения благоприятной конъюнктуры на мировых рынках сбыта, сопровождавшей взлет экономики КНР в последние 30 лет. Глобальными тенденциями, позволяющими говорить о такой угрозе, являются снижение материалоемкости ВВП развитых стран, падение спроса на сырье в связи с развитием альтернативной энергетики, а также негативные последствия пандемии для индустриальных производств (в том числе их возвращение в страны сбыта, о чем пойдет речь в главе, посвященной движению капитала).

Существенным негативным фактором являются нарастающие дисбалансы в финансовой сфере КНР, которые, в отличие от США, не могут быть нивелированы инструментами денежно-кредитной политики западных стран. Так, взрывной рост экономики в 2000-е годы во многом поддерживался кредитной экспансией на корпоративном уровне. В 2020 г. отношение долгов государства, региональных органов власти и частного сектора к ВВП страны составило 317% против 170% у США; при этом иностранные инвесторы владеют лишь 2% этих обязательств, что свидетельствует о низком уровне доверия международного капитала к обязательствам Поднебесной³⁰⁷.

Незначительной остается роль юаня в мировой валютно-финансовой системе. Его доля в торгах основными валютными парами составляет лишь 4% из 200% (против 88% у доллара и 32% у евро)³⁰⁸. В валютных резервах центральных банков доля юаня, несмотря на закрепление за ним решением МВФ статуса пятой резервной валюты в мире, едва достигает 2%³⁰⁹.

Ограниченнность возможностей китайской финансовой системы была продемонстрирована и в условиях противодействия пандемии коронавируса. Если США и западные страны, как описано выше, для спасения экономики реализовали программы стоимостью в триллионы долларов и десятки

---

³⁰⁷ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 136.

³⁰⁸ Triennial Central Bank Survey: Foreign Exchange Turnover in April 2019 / Basel: Bank for International Settlements, 2019.

³⁰⁹ Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves / International Monetary Fund, 2021 // URL: <https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>

процентов от собственного ВВП, то в КНР общий объем кредитования пострадавших отраслей составил весьма скромные 560 млрд долл., или 4% ВВП страны³¹⁰.

Еще одним негативным драйвером, непосредственно влияющим на конкурентоспособность экономики КНР, является быстрое старение населения и удорожание труда. Из-за увеличения продолжительности жизни и падения рождаемости китайское население стремительно стареет. По прогнозам ООН, к 2050 г. доля пожилых людей старше 65 лет в КНР вырастет с текущих 12% до 26%; их численность составит в таком случае 366 млн человек, что больше, чем все население Соединенных Штатов³¹¹. Поддержка такого числа нетрудоспособного населения уже сейчас требует принятия масштабных социальных программ, которые ложатся на плечи государства и работодателей и в конечном счете удорожают себестоимость продукции.

После введения целого ряда мер по соцобеспечению, обязательных медицинских и страховых отчислений в 2000–2010-е гг. некогда дешевая рабочая сила стала одной из самых дорогих в Азии: среднемесячная зарплата китайского рабочего достигла к концу 2019 г. 6867 юаней (около 1 тыс. долл.)³¹². Рост зарплат в последние годы происходил быстрее, чем увеличение производительности труда, что делает китайскую продукцию массового производства неконкурентоспособной по сравнению с более дешевыми аналогами из Индии, Мексики, стран Юго-Восточной Азии.

Принимаемые китайским правительством меры свидетельствуют о том, что страна не намерена оставаться в «ловушке среднего дохода», а стремится перейти на качественно новый уровень, где она будет конкурировать уже с Японией, Южной Кореей, Западной Европой и США. Более того, по мере

---

³¹⁰ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 93.

³¹¹ United Nations World Population Prospects 2019 // URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>

³¹² Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / А.А. Маслов; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – С. 12.

возрастания экономического потенциала приобретают другой масштаб и политические амбиции Поднебесной.

Как уже было сказано, благосостояние народа и построение общества «всеобщего благоденствия» – одна из ключевых целей государственной политики Китая. Председатель КНР Си Цзиньпин назвал ее коренным требованием социализма и главной миссией Коммунистической партии страны³¹³.

До начала проведения экономических реформ в 1980-х гг. жизненный уровень китайского населения оставался крайне низким. За чертой бедности проживали 250 млн чел. (более 25% населения страны)³¹⁴. В Тайване качество жизни населения было намного выше, при том, что стартовые позиции в начале 1950-х гг. у двух моделей китайского развития были одинаковые. Руководству КНР стало очевидно, что доказать преимущество социализма и решить проблему воссоединения с Тайванем можно будет только в том случае, если уровень жизни в стране будет сопоставим с тайваньским.

На первом этапе реформ до конца XX в. общий рост благосостояния происходил за счет опережающего увеличения доходов населения, зарабатывавшего квалифицированным трудом или предпринимательством. В первую очередь это были жители крупных городов, доходы которых выросли за 20 лет в 14 раз – с 490 юаней в 1980 г. до 7000 в 2000 г.³¹⁵

В то же время происходил рост социальной дифференциации, и большая часть населения осталась не затронутой позитивными эффектами «китайского чуда». Так, индекс Джини в доходах китайцев вырос с 0,33 в 1980 г. до 0,4 в 1994 г. и 0,45 в 2000 г³¹⁶. Социальный разрыв происходил по

---

³¹³ Studying Xi Jinping's Compendium of Poverty Alleviation Provisions. Decisively fight for the eradication of poverty, write a new page in the history of the fight against poverty of humanity / People's Daily. 21.08.2018 (In Chin.) / URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0821/c1001-30239990.html>

³¹⁴ Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. – С. 132.

³¹⁵ Там же, с. 136.

³¹⁶ Там же, с. 136.

линии «богатый восток» – «бедный запад», а также «развитые города – отсталые деревни».

По мере укрепления экономики и бюджетных доходов с начала 2000-х гг. произошло постепенное смещение акцента в пользу государственных программ помощи социально незащищенной части общества за счет введения пенсий, пособий, социального страхования, развития бесплатного образования и здравоохранения. Государство стало активно перераспределять доходы в пользу тех общественных групп, которые потеряли от реформ – вытесненных с земли крестьян и освобожденных с предприятий рабочих и служащих.

В 2010–2015 гг. акцент в государственной социальной политике делался на охват сельских жителей системой государственных услуг и социального обеспечения. В 2009–2011 гг. в сельской местности была широко внедрена новая система социального страхования по старости, которая давала каждому возможность собственными средствами обеспечить себе пенсионные выплаты. В результате удалось сдержать рост дифференциации по доходам как между городом и селом, так и между богатыми приморскими районами и бедными внутренними. Если в 2001 г. средний доход жителей западных городов составлял лишь 50% от дохода жителей Шанхая, Гуандуна и других приморских восточных городов, то к 2017 г. соотношение изменилось до 75%³¹⁷. И хотя население деревень продолжает получать менее половины дохода городских жителей, разрыв понемногу, но снижается.

В 2015 г. 5-й пленум Центрального комитета КПК предложил своего рода «дорожную карту» построения «общества малого благоденствия» («сяокан») к 2020 г., которое должно было стать промежуточной целью на пути к «обществу всеобщей зажиточности» к 2030 г. При этом предполагалось не только существенное повышение жизненного уровня населения до показателей стран со средним уровнем дохода, но и увеличение

---

³¹⁷ Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. – С. 152.

образовательного ценза, ожидаемой продолжительности жизни, качества медицинских и социальных услуг.

Ключевой задачей пятилетки было объявлено полное ликвидирование бедности, при том, что в 2011 г. граница бедности была повышена почти в два раза – до 2300 юаней. В качестве других приоритетных направлений повышения уровня жизни населения китайское государство видит развитие образования как основного фактора социальной мобильности, дальнейшее расширение системы социального страхования, развитие системы общественного здравоохранения, обеспечение равного доступа населения к получению социальных услуг.

Наглядную картину успехов КНР в социальной сфере дает динамика показателей индекса развития человеческого потенциала страны (ИРЧП), рассчитываемого ООН с 1990 г. Как видно из табл. 5.5, сам индекс Китая вырос за три десятилетия с 0,499 (группа стран с низким ИРЧП) до 0,761 (группа стран с высоким ИРЧП) и находится в настоящее время на 52-м месте в мире. При том, что наибольший вклад в увеличение ИРЧП внес рост ВВП на душу населения, очевиден существенный в прогресс и в других, социальных показателей индекса – продолжительности жизни (с 69 до 77 лет) и образования (с 9 до 14 лет).

Таблица 5.5. Показатели индекса развития человеческого потенциала КНР в 1990–2020 гг.

	1990	2000	2010	2015	2020
Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	0,499	0,588	0,699	0,739	0,761
Средняя ожидаемая продолжительность жизни (лет)	69,1	71,4	74,4	75,9	76,9
Ожидаемая продолжительность образования (лет)	8,8	9,6	12,9	13,8	14,0

Источник: *Human Development Report 2020// URL:*
<https://www.hdr.undp.org>

Как отмечает известный китайский исследователь Ху Аньган, показатель ИРЧП серьезно различается по провинциям, что демонстрирует

сохраняющуюся социально-экономическую дифференциацию внутри страны. Если в 2000 г. лишь Шанхай и Пекин обладали высоким уровнем ИРЧП, а большая часть провинций оставались бедными, то к настоящему времени уже все территории Китая, кроме Тибета, имеют ИРЧП выше 0,7, а крупные города и прибрежные провинции – свыше 0,8³¹⁸.

Отдельно стоит рассмотреть один из главных общественных вызовов Поднебесной в последние десятилетия – борьбу с бедностью. По данным Белой книги КНР, за последние 40 лет бедное население в Китае сократилось более чем на 850 млн чел., что составляет свыше 70% от общего вклада в дело сокращения бедности в мире³¹⁹. Решение этой сложнейшей задачи в стране с населением 1400 млн чел. в столь сжатые сроки представляется уникальным мировым опытом и наглядным примером эффективной работы китайской модели.

Борьба с бедностью фактически началась с первых лет образования КНР и в первые десятилетия сводилась к решению насущных проблем выживания. Комплексное планирование государственной политики в этой сфере началось в период реформ 1980-х гг., но безусловный приоритет она получила после XVIII съезда КПК в 2012 г. Ликвидация бедности была провозглашена важнейшей частью стратегического плана по построению общества «сяокан» к 2020 г. как его нижняя граница и минимальная гарантия обеспечения социальной справедливости.

Тогда были проведены масштабные исследования бедных районов, которые выявили глубокую, застойную бедность в сельской местности, прежде всего в отдаленных территориях запада страны, где проживают нацменьшинства. При этом главными причинами бедности были названы болезни (40–45% всех случаев), стихийные бедствия (20%), проблема

---

³¹⁸ Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. – С. 144.

³¹⁹ Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. – С. 144.

образования (10%) и нехватки рабочей силы в семье (10%)³²⁰. Одной из глубинных первопричин сложившейся ситуации экспертами называется долговременное сохранение раздельной системы управления городом и деревней как двумя сферами национальной экономики, что привело к неравномерности их развития и возникновению неполной занятости в сельских районах.

В стратегии борьбы с бедностью упор был сделан на ускорение интеграции города и деревни и реформу земельной системы, что позволило обеспечить практически полную занятость в деревне. Вместе с тем ликвидировать бедность, связанную с болезнями, оказалось намного сложнее и, помимо профилактики инфекционных заболеваний и обеспечения равного доступа к медицинским услугам, потребовало пересмотра всей государственной стратегии в этой сфере.

В 2015 г. Си Цзиньпин выдвинул концепцию адресной борьбы с бедностью, которая включила следующие элементы:

- мобилизация всех уровней государственного аппарата и общества при руководящей роли партии и развитой координации центра с провинциями;
- использование научно обоснованных методов (системы дифференцированного управления борьбы с бедностью, механизма контроля и выявления динамики состояния бедности, увязки с процессами урбанизации);
- адресность усилий, то есть требование исходить из реальной ситуации и анализировать конкретные проблемы, вести целенаправленную работу, добиваясь эффективности (понимать, кому помогать, как помогать и как закрепить результаты);
- масштабное государственное финансирование с привлечением общественного и частного капитала;

---

³²⁰ Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Ч. 1 / Азия и Африка сегодня, 2020, № 8. – С. 6.

- максимальное привлечение к борьбе с бедностью самих бедных масс, добиваясь их превращения из объекта помощи в субъект;
- особый контроль за домохозяйствами после их «выхода» из состояния бедности во избежание случаев повторного сползания в нищету;
- жесткая система персональной ответственности за организацию, результаты деятельности и потраченные средства.

В качестве целевых показателей использовался общенациональный критерий порога бедности (доход 2300 юаней на душу населения в год в неизменных ценах 2010 г.) и выполнение пяти потребностей – в пище, одежде, 9-летнем образовании, основных медицинских услугах и безопасности жилья. Для снятия с района или уезда «ярлыка бедности» доля населения за чертой бедности в нем должна быть менее 2%.

В результате реализации данной стратегии численность населения за чертой бедности в 2012–2019 гг. сократилась со 100 млн чел. до 5,5 млн чел., т.е. 95% бедных вышли из состояния нищеты³²¹. К концу 2020 г. оставались только 52 бедных уезда и 1113 бедных деревень, и, как заявил Председатель КНР, «проблема региональной бедности, в основном, была решена»³²². Практически все бедное сельское население страны было включено в систему медицинского страхования. Сократился и уровень относительной бедности: разрыв в средних доходах между бедными и остальными сельскими районами уменьшился с 36% до 28%³²³.

Естественно, в ходе реализации программы выявился и ряд проблем. Задача демонстрации результатов в короткие сроки привела к распространению случаев формализма, бюрократизма и даже подтасовки показателей эффективности работы. Кроме того, на практике процесс закрепления результатов преодоления бедности оказался дольше и сложнее, чем ее первоначальная ликвидация. Наконец, в результате принятых

---

³²¹ Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Ч. 1 / Азия и Африка сегодня, 2020. № 8. – С. 5.

³²² Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Ч. 2 / Азия и Африка сегодня, 2020. № 9. – С. 14.

³²³ Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Ч. 1 / Азия и Африка сегодня, 2020. № 8. – С 6.

государством мер осложнилось положение относительно бедного населения, чьи доходы лишь немного выше официальной черты бедности и которое поэтому не получило государственную помощь.

Последняя из обозначенных проблем может получить официальное признание в случае очередного повышения официального порога бедности. При прошлом таком шаге правительства в 2011 г. численность бедного населения в стране сразу выросла с 27 млн до 128 млн чел.³²⁴

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о нескольких основных факторах, позволивших Китаю успешно справиться с решением самой сложнейшей хронической проблемы страны – бедностью.

Во-первых, в основе действий государства лежал экономический потенциал, достигнутый благодаря реформам, политике открытости и, как следствие, высоким темпам экономического роста на протяжении десятилетий.

Во-вторых, борьба с бедностью удалась во многом благодаря успехам в урбанизации, позволившим глубоко изменить структуру населения и переместить в город, в зону более высокой производительности труда и соответствующих доходов, до 300 млн чел. сельскохозяйственной рабочей силы.

В-третьих, применяемые на практике методы прошли тщательную научную разработку и апробацию.

Наконец, главный фактор успеха, объединяющий все предыдущие, – это сама специфика китайской модели, позволяющая концентрировать силы на решении больших дел и гарантировать участие всех уровней правительства и широких масс в борьбе с национальными проблемами.

Как полагают эксперты, успехи государства в борьбе с бедностью уже обеспечили долгосрочную поддержку Коммунистической партии и ее видения развития страны со стороны широких слоев китайского народа. Огромную

---

³²⁴ Там же. С. 17.

роль здесь играет личный фактор Си Цзиньпина как автора и руководителя реализации новой стратегии.

Ожидается, что теперь Китай примется за решение не менее сложной задачи – борьбы с относительной бедностью. Следует учитывать, что эта проблема лежит в области социального неравенства и полностью устранена быть не может.

Пожалуй, главным тестом на прочность социальной основы китайской модели в последние годы стала пандемия коронавируса. В 2020 г. КНР первой столкнулась с серьезными социально-экономическими проблемами, связанными с распространением новой инфекции.

Ответом на беспрецедентную эпидемию стало незамедлительное и всестороннее использование мобилизационного ресурса китайской системы государственного управления. Китай ввел одни из наиболее жестких в сравнении с другими странами меры по остановке производства, изоляции территориальных единиц, прекращению транспортного сообщения, замораживанию международных экономических контактов. В общественной сфере повсеместно применялось массовое тестирование граждан на COVID-19, отслеживание опасных контактов, изолирование заболевших в больницах, закрытие школ, прочие ограничения и меры социального контроля. При малейших признаках коллективного инфицирования зараженная территория изолировалась от внешнего мира, все ее население переводилось на домашний режим, а предприятия и организации закрывались.

В числе приоритетов борьбы с пандемией и ее последствиями государство неизменно отмечало сохранение базового уровня народного благосостояния и стабилизацию занятости. Для этих целей были введены широкие меры поддержки населения в форс-мажорных обстоятельствах, полностью компенсировались расходы граждан на лечение, профинансировано ускоренное возведение специализированных инфекционных госпиталей. Только затраты в области здравоохранения, эпидемиологического контроля и сооружения медицинских учреждений

превысили 400 млрд юаней (около 60 млрд долл.)³²⁵. Еще почти 900 млрд юаней (примерно 135 млрд долл.) было потрачено на поддержку уязвимых слоев населения, а также на финансирование бесперебойной работы государственных услуг на местах.

Успехи Китая в удержании распространения коронавирусной инфекции позволили стране одной из первых вернуться после «локдауна» к полноценной экономической и общественной жизни и стать локомотивом мирового развития в 2020–2021 гг. Очевидно, что ключевую роль здесь в очередной раз сыграло мобилизационное преимущество китайской модели в решении социальных проблем национального масштаба.

5.3. Стратегические приоритеты экономической политики США в первой трети XXI века

Для полноценной оценки эффективности американской модели следует проанализировать текущее состояние экономики США и то, как она справляется с крупнейшими вызовами последних лет – мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. и пандемией коронавируса, объявленной в 2020 г.

Динамика экономического развития США, как и других стран с рыночным хозяйством, подчиняется циклическим колебаниям.

---

³²⁵ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019–2021 : монография / Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. – М.: ИДВ РАН, 2022. – С. 57.

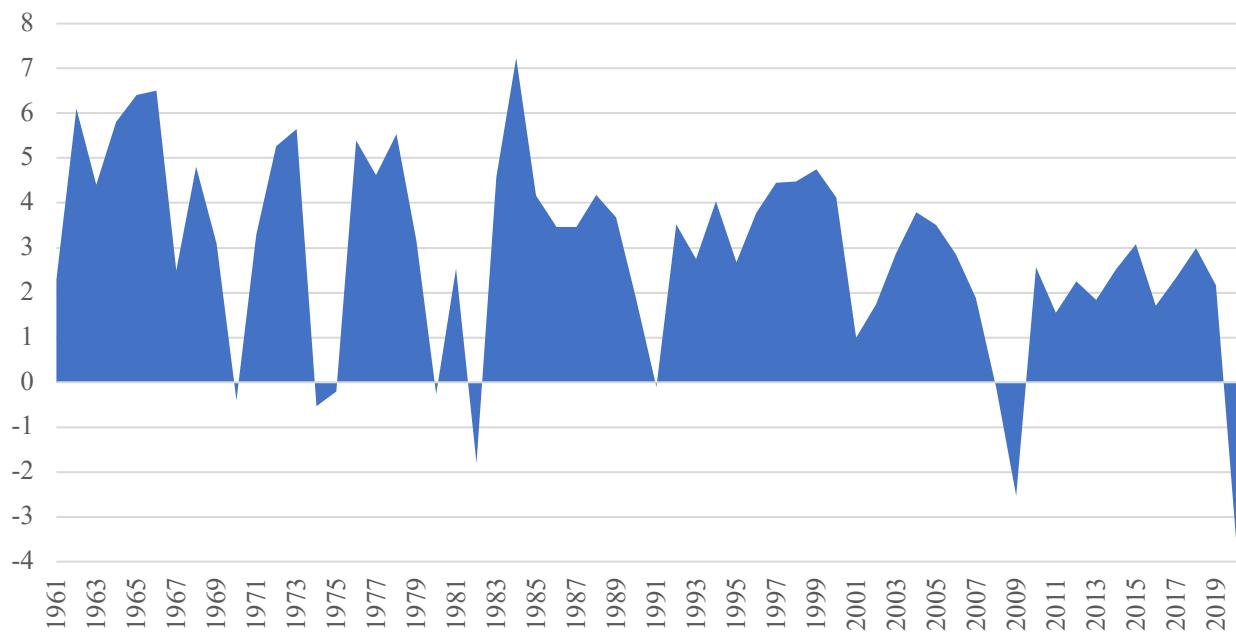

Рисунок 5.10. Динамика среднегодового роста ВВП в США в 1961–2019 гг., в %.

Источник: *World Bank national accounts data and OECD National Accounts data // URL: <https://data.worldbank.org/>*

Как видно из рис. 5.10, за последние 60 лет экономика США прошла через восемь циклических спадов, каждый раз довольно быстро восстанавливаясь после падений. Самая продолжительная рецессия продолжалась с декабря 2007 г. до июня 2009 г., однако общая длительность последующего подъема также стала рекордной и составила 10 лет и 8 месяцев, оборвавшись лишь в апреле 2020 г. в связи с буквальной остановкой глобальной экономики из-за пандемии COVID-19.

В среднем за рассматриваемый период экономика США росла на 2,9% в год, что, принимая во внимание масштаб и высокий уровень развития страны к началу периода, является весьма успешным результатом.

По мнению экспертов, наблюдаемый долгосрочный тренд в пользу снижения темпов роста ВВП вызван в первую очередь замедлением роста занятости и производительности труда³²⁶. В то же время ряд факторов,

³²⁶ Супян В.Б. Американская экономическая модель: характерные черты и эффективность в начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. – С. 16.

которые составляют основу американской экономической модели, будут способствовать дальнейшему поддержанию в США приемлемых темпов увеличения ВВП и сохранению его высокого качества.

Для структуры американской экономики характерна очень большая доля потребления (67% в 2020 г.) и низкая доля инвестиций (17%), что демонстрирует рис. 5.11. Государственные расходы вносят не менее важный вклад в ВВП (18%), чем частные капиталовложения, а отрицательное сальдо внешнеторговых операций уменьшает общий объем ежегодного валового внутреннего продукта на 3%.

При этом структура распределения ВВП США остается на протяжении последних трех десятилетий весьма стабильной и отражает характерные черты постиндустриального общества, в котором благодаря новому качеству воспроизводственного процесса потребление заменяет накопление и может рассматриваться как инвестиции в наиболее важный экономический фактор – человеческий капитал.

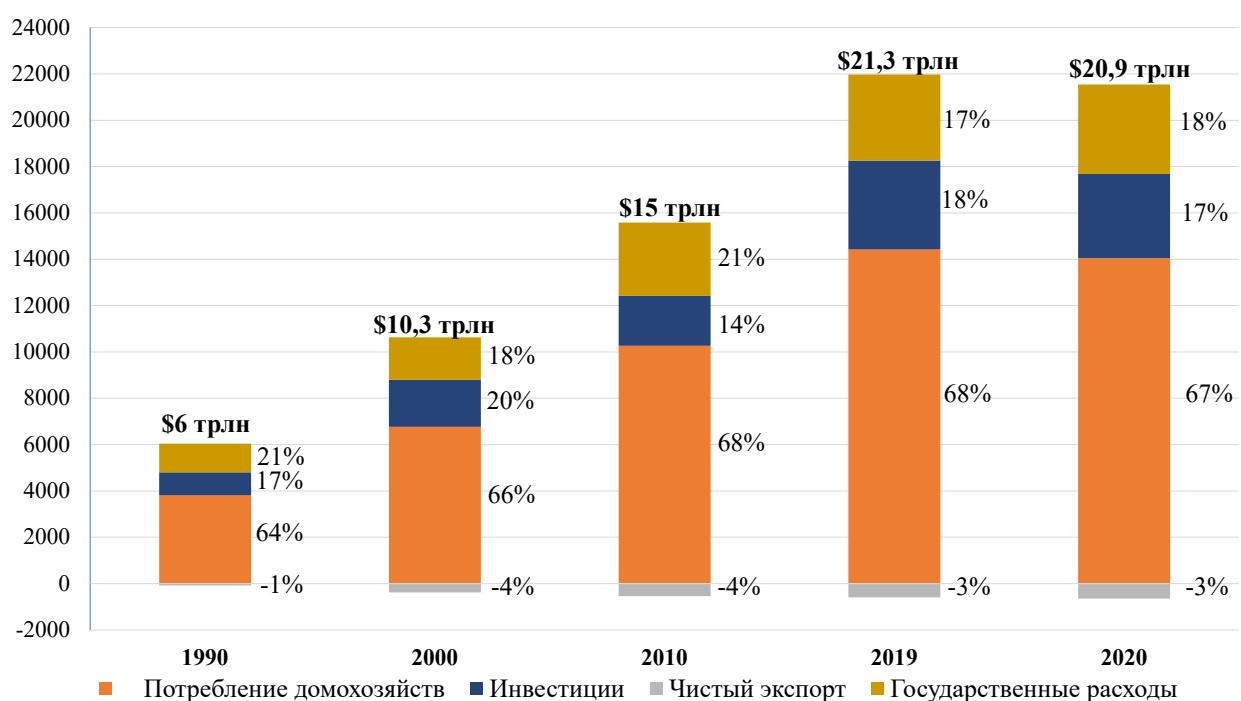

Рисунок 5.11. Объем и структура ВВП США, 1990–2020 гг., млрд долл. и %.

Источник: составлено автором на основе данных U.S. Bureau of Economic Analysis, July 2021 // URL: <https://www.bea.gov/data/gdp>

Для оценки позиций США в мировой экономике следует использовать такой показатель, как доля страны в глобальном объеме ВВП. Из рис. 5.12 видно, что на протяжении последнего полувека США сохраняют лидирующее положение в глобальной экономике. Страна производила до половины общемирового объема ВВП сразу после Второй мировой войны, но по мере восстановления и опережающего развития европейских экономик и Японии доля США постепенно снизилась до 25% к 1980 г.

Лидерство Соединенных Штатов в научно-технической революции и построении постиндустриального общества обеспечило стране сохранение и даже упрочение положения в мировом хозяйстве к концу XX в.: в 2000 г. на США приходилось 30% общемирового производства. В роли двух других центров силы закрепились Европейский союз (22% от глобального ВВП в 2000 г.) и Япония (15%).

Начало нового тысячелетия ознаменовалось выходом на глобальную сцену нового игрока – КНР, доля которого в мировой экономике увеличилась за два последних десятилетия в 5 раз.

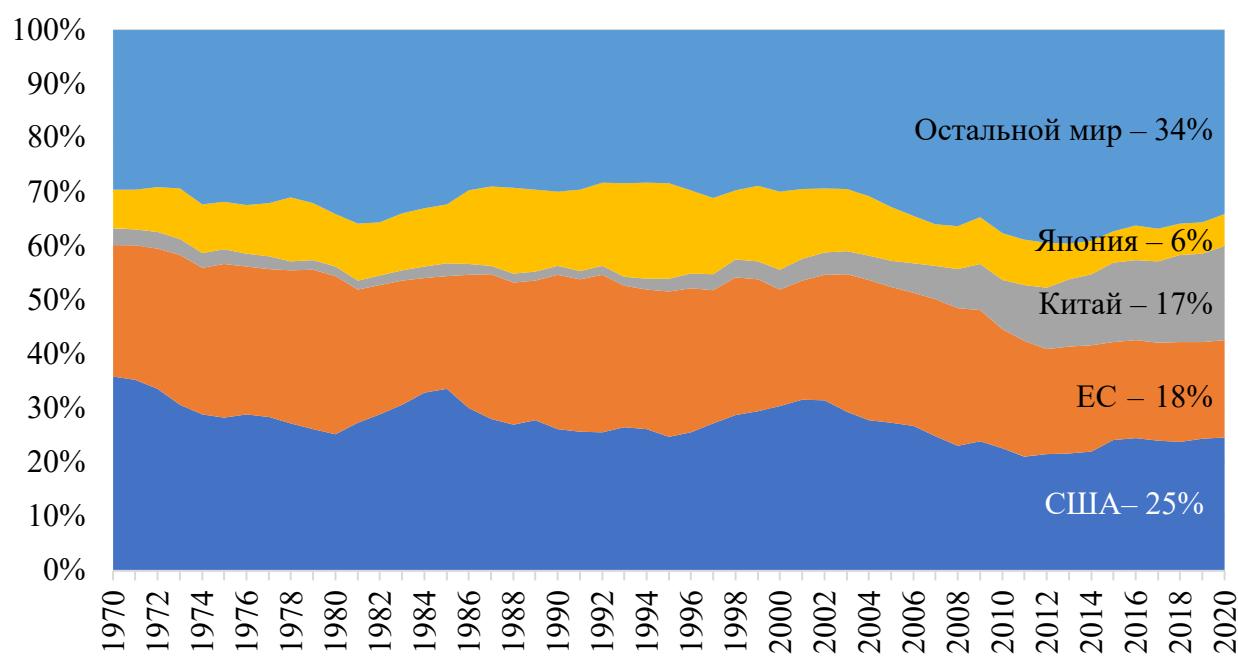

Рисунок 5.12. Доля США и отдельных стран в общемировом объеме ВВП, 1970–2020 гг., %.

Источник: составлено автором на основе World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

К настоящему времени США продолжают лидировать по номинальному объему ВВП, который в 2020 г. даже после постпандемийного падения составил 20,9 трлн долл., или 25% от общемирового. Доля Китая достигла в прошлом году 17%, в то время как японская экономика ввиду продолжительной рецессии составляет лишь 6%. Европейский союз на фоне кризиса евро, «Брекзита» и неравномерного роста 27 государств, составляющих объединение, также несколько потерял свои позиции в мировом хозяйстве: его совокупный ВВП составил в 2020 г. 14,7 трлн долл. (18% от общего).

При расчете ВВП по паритету покупательной способности США уже несколько лет как уступили глобальное лидерство Китаю. Американская экономика по ППС составляет только 16% от общемировой, а китайская – 18% (24,3 трлн долл.)³²⁷.

Вместе с тем более репрезентативным для оценки благосостояния граждан страны является расчет ВВП на душу населения по ППС. По этому показателю США (63 тыс. долл. на чел.) опережают большинство развитых стран и уступают лишь некоторым малым экономикам и нефтяным монархиям Персидского залива. Для сравнения: средний ВВП на душу населения в Евросоюзе составляет 44 тыс. долл., в Японии – 42 тыс. долл., России – 28 тыс. долл., Китае – 17 тыс. долл.³²⁸

По мнению некоторых экспертов, расчет показателей валового внутреннего продукта как механизма оценки экономического роста и развития уже несколько устарел и не подходит для «новой экономики» знаний и информации³²⁹. Во-первых, расчет добавленной стоимости от деятельности людей с уникальными компетенциями весьма затруднен. Во-вторых, по мере

---

³²⁷ World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

³²⁸ World Bank National Accounts Data // URL: <https://data.worldbank.org/>

³²⁹ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 157.

увеличения расходов на научные исследования при одновременном снижении себестоимости производства копий товара разбивка его стоимости по годам также становится нерелевантной. В-третьих, в системе координат добавленной стоимости сложно учитывать показатели совокупной полезности, предоставление товаров и услуг на безвозмездной основе, а также экстерналии (негативные последствия) того или иного производства.

Ряд ученых предпринимали попытки найти другие подходящие показатели, такие как Индекс устойчивого экономического благосостояния, Индикатор подлинного прогресса и даже Индекс счастья, однако ни один из них не стал подлинной заменой ВВП. Тем не менее одним из репрезентативных показателей, описывающих современную экономику, можно считать валовое внутреннее богатство, то есть стоимость всех активов хозяйствующих субъектов за вычетом суммы их обязательств.

По этому показателю, по расчетам швейцарского банка Credit Suisse, США занимают первое место в мире с результатом в 126 трлн долл., или 30% от общего объема (при расчете на одного взрослого человека – 465 тыс. долл. или второе место после Швейцарии). В то же время Китай с его высокой долей сбережений и инвестиций стремительно наращивает национальное богатство, составившее в 2020 г. почти 75 трлн долл.³³⁰

Еще одним важным показателем, свидетельствующим о потенциале дальнейшего роста экономики, прежде всего в промышленном секторе, является уровень загруженности производственных мощностей. В США на протяжении последних 60 лет он обычно соответствовал циклическим колебаниям и составлял от 70% до 90% с долгосрочным трендом на снижение в связи с переходом к постиндустриальной модели экономического развития. В кризисный 2009 г. загруженность мощностей падала до 67%, а в период «локдауна» 2020 г. – до 63%; к середине 2021 г. этот показатель вернулся на

---

³³⁰ Global Wealth Databook 2021 / Credit Suisse, June 2021 // URL: <https://www.credit-suisse.com/>

более привычную докризисную отметку в 75%³³¹, что соответствует нормальной загруженности предприятий с сохранением потенциала для будущего органического роста без необходимости серьезных капиталовложений.

Анализ динамики социально-экономического развития и положения США в мировом хозяйстве позволяет говорить о лидирующей роли страны в глобальной экономике, которая лишь укрепилась в результате мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Этот кризис зародился в результате дисбалансов развития финансовой сферы в самих Соединенных Штатах: пузыря на рынке активов и рисковых операций кредитных учреждений с производными инструментами. Однако вскоре кризис приобрел всеобъемлющий и всемирный масштаб, что позволило говорить о так называемой «Великой рецессии» по аналогии с Великой депрессией 1929–1933 гг.

Реакцией американской экономической модели на кризис стали решительные действия государства, прежде всего в лице Федеральной резервной системы, которая впервые в истории снизила до нуля ставку рефинансирования для частных банков и инициировала программы «качественного смягчения», то есть выкупа долгосрочных финансовых активов. Вливание денег в экономику происходило практически в неограниченных объемах: к 2014 г. баланс ФРС достиг 4,4 трлн долл., увеличившись с 2008 г. почти в 5 раз³³².

Одновременно правительство наращивало бюджетные расходы для поддержки пострадавшего населения и бизнеса: в 2008–2011 гг. суммарный дефицит федерального бюджета составил почти 4,5 трлн долл.³³³ В результате принятых мер американская экономика, хотя и медленнее, чем после

---

³³¹ Industrial Production and Capacity Utilization - G.17 / Board of Governors of the Federal Reserve System, July 15, 2021 // URL: <https://www.federalreserve.gov/releases/g17/>

³³² Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 67.

³³³ Там же, с. 59.

предыдущих спадов, но достигла предкризисного уровня ВВП уже к середине 2011 г. Беспрецедентные масштаб и продолжительность государственного вмешательства для стимулирования экономики обеспечили самый длительный в истории подъем, который, вероятно, мог продолжиться, если бы не драматические события первой половины 2020 г.

Объявленная в марте пандемия коронавируса COVID-19 вынудила правительства большинства стран ввести общенациональные карантины и закрыть границы, что впервые в истории привело к масштабному экономическому спаду, вызванному намеренными действиями государств. По итогам первого полугодия 2020 г. было зафиксировано значительное сокращение ВВП (36%) и рост безработицы (до 14,7%) наряду с обвалом фондовых рынков (на пике падения индекс S&P 500 потерял треть своей стоимости³³⁴). При этом ряд исследователей³³⁵ считает, что кризис имел циклическую основу и пандемия лишь ускорила его неминуемое наступление.

Американское правительство ответило на кризис невиданными мерами экономического стимулирования, которые отчасти повторяли примененные в 2008–2009 гг. Их главным направлением поддержки стал выкуп ФРС государственных долговых бумаг в объеме 600 млрд долл.³³⁶, что принесло в бюджет средства, необходимые для поддержки населения и бизнеса. Новым инструментом стало безвозмездное финансирование компаний и частных лиц из государственного бюджета. В соответствии с Актом о помощи, содействии и экономической безопасности в связи с коронавирусом (Coronavirus Aid, Relif, and Economic Security Act, CARES) общей суммой в 2,2 трлн долл., по 1200 долл. было выплачено каждому резиденту с доходом меньше 150 тыс.

---

³³⁴ Там же, с. 86.

³³⁵ Супян В.Б. Экономика США после кризиса 2020 г.: перспективы восстановления // США & Канада. 51 (4) 2021. – С. 7.

³³⁶ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 88.

долл. в год на семью, а также по 500 долл. на ребенка³³⁷. Государственные средства получил ряд крупных корпораций, деятельность которых была остановлена в период локдауна (только 25 млрд долл. было выделено десяти авиакомпаниям³³⁸).

На фоне второй волны пандемии новые меры поддержки были приняты в конце 2020 г. на сумму 900 млрд долл. и в начале 2021 г., уже новой администрацией Дж. Байдена, на 1,9 трлн долл.³³⁹ Суммарно на помощь экономике и населению в период кризиса Соединенные Штаты потратили свыше 4 трлн долл.³⁴⁰, а дефицит госбюджета достиг 15% ВВП, что стало рекордным значением для мирного времени. Ради предотвращения масштабного кризиса были принесены в жертву бюджетная дисциплина и классические правила кредитно-финансовой политики, и такая стратегия принесла свои плоды.

Уникальность ситуации заключается в том, что население и хозяйство крупнейшей экономики мира чрезвычайно быстро и относительно спокойно пережило глубочайший спад, вызванный «локдауном», а государство продемонстрировало возможность беспрецедентной эмиссии средств и наращивания дефицитов без серьезной угрозы для финансовой стабильности.

Таким образом, два крупнейших кризиса современности продемонстрировали высокие адаптационные возможности американской модели к подобного рода вызовам. Весьма гибкая и эффективная реакция государства и бизнеса обеспечила сохранение потенциала для экономического роста США.

---

³³⁷ The Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security (CARES) Act [adopted on March 27, 2020] // URL: <https://www.govinfo.gov>

³³⁸ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 89.

³³⁹ Tankersley, J., Crowley, M. ‘Biden Outlines \$1,9 Trillion Spending Package to Combat Virus and Downturn’ / The New York Times, January 14, 2021 // URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/14/business/>

³⁴⁰ Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок // Альпина Паблишер, 2021. – С. 91.

Выводы по пятой главе

В современной экономике одним из главных инструментов обеспечения конкурентных преимуществ государства является его научно-технический потенциал. Владение информацией и использование передовых технологий становится ключевым в определении уклада хозяйственных отношений и всей общественной жизни.

Самый значительный в мире научно-технический комплекс составляет основу глобального лидерства США и их превосходства в наиболее сложных, наукоемких отраслях экономики. Страна исторически опережает все прочие по абсолютным масштабам расходов на НИОКР, но благодаря более высоким темпам развития науки в Китае и некоторых других азиатских государствах доля США в мировом НТП за последние двадцать лет существенно сократилась.

США является лидером по числу передовых исследователей и ученых, в том числе Нобелевских лауреатов, количеству инновационных кластеров, наиболее цитируемых научных публикаций, объему производства наукоемкой продукции. Американские компании – крупнейшие мировые инвесторы в НИОКР во многих высокотехнологичных отраслях.

В то же время по некоторым показателям, таким как доля расходов на науку в ВВП, число зарегистрированных патентов и общее количество публикаций, США уже уступают некоторым европейским и азиатским странам. Преодолевший свое технологическое отставание и стремительно наращивающий инвестиции в науку Китай в ближайшее время смесят США с первых позиций если не по качественным, то по количественным характеристикам НТП.

В структуре финансирования американских НИОКР более двух третей расходов обеспечивает бизнес, прежде всего в области прикладных исследований и разработок. При этом главным источником ассигнований на фундаментальные исследования остается федеральное правительство. Характерной чертой американской системы является самостоятельное

осуществление частными предприятиями большей части финансируемых ими исследований и ведущая роль системы образования в фундаментальной науке. Таким образом, в стране сложилась многосекторная система финансирования и освоения расходов на научные исследования, в которой государство, бизнес и вузы используют свои сравнительные преимущества в развитии тех или иных направлений НИОКР.

Государство при этом играет скорее направляющую и координирующую роль, определяя приоритеты научной деятельности и осуществляя финансирование фундаментальных исследований, в то время как высшие учебные заведения в связке с частным сектором реализуют различные виды НИОКР и обеспечивают внедрение инноваций в экономику.

Определением приоритетов развития НТП страны занимается несколько профильных ведомств и совещательных органов: Управление по научно-технической политике США во главе с помощником президента, Национальный совет по науке и технике, Национальный научный совет.

Государственное финансирование исследований осуществляется через Национальный научный фонд. Основой американской системы госфинансирования науки, обеспечивающей ее гибкость и эффективность, является независимая экспертиза и контроль за расходованием денег. При этом на усмотрение научного сообщества остается выбор конкретных направлений исследований и определение путей решения проблем в области НТП.

Важным элементом научно-технического комплекса США выступают университеты. Они вносят вклад в развитие страны через формирование человеческого капитала, создание и передачу знаний и технологий, а также непосредственное создание технологических инноваций в пределах вузов. Основные финансовые и человеческие ресурсы сосредоточены в небольшой группе ведущих исследовательских университетов, которые являются основными центрами фундаментальной науки и подготовки специалистов и научных кадров высшей квалификации.

Неотъемлемой частью НТП страны являются научно-исследовательские центры, осуществляющие независимые и объективные НИОКР под руководством федерального правительства и в интересах всего общества.

США – лидер в международном сотрудничестве в области передачи технологий и использовании иностранных человеческих ресурсов, а также крупнейший в мире «магнит» студентов, ученых и исследователей. Таким образом, с помощью привлечения из-за границы наиболее образованных людей американский НТП компенсирует нехватку собственных кадров.

Несмотря на очевидные достижения, американский научно-технический потенциал сталкивается с рядом вызовов и структурных проблем. К ним относят недостаточное качество школьного обучения, запредельная для многих социальных групп стоимость высшего образования и, как следствие, его элитарность, а также нехватка кадров в инженерно-технической сфере.

Сдерживающее влияние на развитие науки оказала антиглобалистская политика Д. Трампа, пытавшегося сократить госфинансирование НИОКР по широкому спектру областей исследования, включая защиту окружающей среды. Его популистские решения в иммиграционной сфере нанесли ощутимый ущерб международным научным связям. Администрация Дж. Байдена вернула науке приоритетное место в государственной политике и обозначила новые перспективные направления исследований.

В настоящее время США являются лидерами по развитию таких технологий, как искусственный интеллект, «блокчейн», 3D-печать, робототехника, дроны, генная инженерия и нанотехнологии. В то же время Китай уже опережает остальные страны в сфере «больших данных», интернета вещей, пятого поколения мобильной связи, а также использования солнечной энергии. Наиболее острая конкуренция между Вашингтоном и Пекином происходит по линии создания искусственного интеллекта, при этом тотальная секретность и военная составляющая разработок создают угрозу использования этой технологии не во благо мира.

ИИ является лишь одной из сфер нарастающего технологического противостояния США и Китая. В целях противодействия экспансии Поднебесной американское правительство наращивает государственные инвестиции в приоритетные направления НИОКР, снижает зависимость американских цепочек снабжения от китайских поставок редкоземельных металлов и полупроводников, а также прибегает к прямой дискриминации по отношению к китайским технологическим компаниям под предлогом обеспечения национальной безопасности.

Можно ожидать, что в ближайшие годы Китай обгонит США по основным количественным показателям НТП и эпоха американского доминирования в этой сфере закончится. Тем не менее именно переориентация научно-технического потенциала на прорыв в отдельных наиболее перспективных технологиях может стать инструментом обеспечения стратегического преимущества Соединенных Штатов в стремительно развивающейся всеобъемлющей конфронтации с КНР.

К концу XX в. США заняли доминирующее положение в мировой экономике, породившее размышления о «конце истории» и окончательном триумфе западной модели либеральной рыночной экономики. Однако в последние два десятилетия на глобальной арене появился новый центр силы, опирающийся на иные культурно-цивилизационные опоры и экономические механизмы, – Китай.

В основе китайской модели лежат глубинные черты, сформировавшиеся за многотысячелетнюю историю китайского общества, а также решительные нововведения, реализованные лидером КНР Дэном Сяопином в 1980–1990-х гг. Сущность реформ заключалась во внедрении в присущую коммунистическому Китаю командно-административную систему рыночных элементов на низовом уровне – от значительного расширения свободы предпринимательства до открытия страны для иностранного капитала.

В результате была создана уникальная экономическая модель, сочетающая в себе признаки капитализма и свободу экономических субъектов

с социализмом и централизованным управлением на макроуровне. Общепризнанными факторами успеха «китайского чуда» являются постепенность и продуманность преобразований, ориентированность на общественные блага и развитие социума в целом, цельное смысловое наполнение политики (идея «китайской мечты» и общества «равного благоденствия»), дисциплинированная трудовая этика и ценности китайского населения.

Совокупность этих факторов позволила создать экспортно ориентированную экономику с дешевой квалифицированной рабочей силой, ставшей настоящей «фабрикой» мирового хозяйства. Зарабатываемые на международной торговле средства активно накапливались и вкладывались в производственные инновации, образование и науку, строительство современной инфраструктуры, реформирование неэффективных отраслей. Таким образом, на фоне нарастания глобализационных процессов конца XX – начала XXI в. Китай занял важнейшее место в международном разделении труда.

По мере повышения благосостояния в Китае происходило истощение старых драйверов роста и естественное замедление темпов экономического роста. В этих условиях в 2010-х гг. КНР начала активную перестройку своего хозяйства от массового и сравнительно дешевого производства к развитию передовых отраслей и высоких технологий, а также созданию собственных глобальных производственно-сбытовых цепочек (мегапроект «Один пояс – один путь») и наращиванию инвестиций за рубежом.

В результате динамичного внутреннего развития, успешной интеграции в мировое хозяйство и своевременной адаптации модели китайская экономика стала крупнейшей в мире при подсчете по ППС уже в 2014 г. Тем не менее КНР пока заметно отстает от США и других развитых стран по качественным параметрам развития, таким как уровень ВВП на душу населения.

Одним из самых впечатляющих успехов китайской экономической модели стала ликвидация структурной бедности, которая долгие десятилетия

оставалась главным тормозом на пути выравнивания уровня жизни и построения общества «всеобщего благоденствия». Борьбу с усилившимся за годы экономического подъема социальным расслоением государство вело с помощью охвата масштабными социальными программами сельского населения, ускоренной урбанизации, а также адресной работы по решению конкретных проблем каждого человека, отнесенного к категории бедных.

В результате за последние 40 лет бедное население в Китае сократилось более чем на 850 млн чел., а с 2012 по 2019 гг. были выведены из состояния нищеты более 90 млн чел. из наиболее проблемных домохозяйств, расположенных в труднодоступных внутренних районах проживания этнических меньшинств. Успехами в преодолении бедности и уменьшении социального неравенства Китай обязан самой специфики своей модели, позволяющей концентрировать силы на решении больших дел и гарантирующей участие всех уровней правительства и широких масс в решении национальных проблем.

Другим подтверждением мобилизационной эффективности КНР стала успешная борьба с пандемией COVID-19, когда удалось достаточно быстро подавить очаги инфекции и ограничить ее распространение благодаря жестким мерам социального контроля, изоляции и массового тестирования и вакцинации.

Вместе с тем китайская экономическая модель сталкивается с рядом вызовов и разносторонних рисков, таких как истощение эффекта «низкой базы» роста, старение населения и удорожание труда, ухудшение конъюнктуры на мировых рынках сбыта и нарастающие дисбалансы в финансовой сфере.

Одновременно растущие глобальные амбиции Китая, его претензии на лидерство в сфере высоких технологий и в целом в «сообществе единой судьбы человечества», как это сформулировано Председателем КНР Си Цзиньпином, вызывают все большее противодействие со стороны США. Долгое время обе страны получали значительные выгоды от торговово-

экономического симбиоза и глубокой интеграции на производственном и финансовом уровнях. Однако по мере усиления Китая в сферах американского доминирования положительный эффект от торговых и инвестиционных дисбалансов между двумя странами все больше смещался в пользу КНР.

В результате Вашингтон перешел к открытому сдерживанию Пекина, а в 2018–2019 гг. – к настоящей торговой войне, приведшей к взаимным ограничениям товарооборота на сумму свыше 600 млрд долл. Китай, не успевший к этому времени создать альтернативные механизмы экономической экспансии и независимую финансовую систему, вынужден был пойти на сделку с США и открыть рынок для американских компаний в ряде сфер.

Тем не менее размежевание двух экономик и нарастание противостояния продолжилось, перекинувшись на технологическое и политико-идеологическое поля. Администрация Дж. Байдена делает упор на построение в обход КНР многосторонних структур с привлечением союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе, наращивание глобальных инвестиций и опережающее развитие зеленой экономики.

Нарастание противоборства может привести к потере экономических выгод для всего мирового сообщества и к фундаментальному технологическому расколу по линии двух конкурирующих информационно-коммуникационных систем. При этом отметим, что, несмотря на уникальность двух моделей, обе они функционируют в системе экономических координат, выстроенных при центральной роли США. В этих условиях говорить о возможности повтора «китайского чуда» любой другой страной, равно как и о перспективах занятия Китаем места США в мировом хозяйстве, пока преждевременно.

В настоящее время положение государства на международной арене определяется его экономическим потенциалом. Развитая экономика США является ключом к лидерству страны не только в хозяйственной, но и политической и социально-культурной сферах.

В основе экономического благосостояния США лежит уникальная модель, то есть совокупность системообразующих элементов, имеющих устойчивый характер и определяющих хозяйственный механизм страны, а также уровень ее экономического и научно-технического развития. Американская модель, с одной стороны, представляет собой классический пример развитого либерального рыночного общества, а с другой – обладает рядом характерных и неповторимых черт.

Ее главной отличительной особенностью является высокий уровень конкуренции и экономической свободы субъектов, формирующий благодатную среду для предпринимательства, инноваций и высокорисковых инвестиций. Основой такой свободы является относительно низкая степень вмешательства государства в экономику, которая сохраняется преимущественно в социальной и инфраструктурной сферах. При этом крайне велико значение государства в создании и поддержании правовой основы рыночных отношений, стимулировании конкуренции и определении приоритетов экономического развития. В последние два десятилетия наблюдается усиление роли государства через более масштабное и сложное воздействие инструментов денежно-кредитного и налогово-бюджетного регулирования.

Другим важнейшим элементом американской модели является высокая предпринимательская культура, приоритет создания условий для привлечения капитала, ведения бизнеса, поддержки малых и средних предприятий. Предпринимательский дух опирается на развитый человеческий капитал, воплощающийся в уровне образования и квалификации рабочей силы, ее трудовой этике, традиционно низком уровне безработицы и иждивенчества.

Опора на интеллектуальный потенциал и уникальные способности человека лежит в основе глобального перехода к постиндустриальному обществу, который возглавляют именно США. Ведущим фактором их превосходства в новой «экономике знаний» становится уровень развития науки и технологий, а также их внедрения в производство через инновации.

Уникальная финансовая система, связанная с центральным положением страны в мировом хозяйстве, а также особой глобальной ролью ее валюты и долговых обязательств, создает для американской экономической модели необходимые гибкость и адаптивность, позволяющие ей относительно успешно преодолевать кризисы.

В то же время американский хозяйственный механизм не лишен ряда структурных проблем и недостатков, среди которых, помимо рисков финансовой неустойчивости и торгово-инвестиционных дисбалансов, можно отметить в первую очередь проблемы социальной сферы.

Главной из них является сохраняющаяся на протяжении всей истории страны относительно высокая бедность и неравенство. Государство на протяжении долгого времени считало необходимым, в соответствии с американскими ценностями, научить бедных самостоятельно преодолевать денежные проблемы, но с середины XX в. стало по примеру европейских стран внедрять масштабные социальные программы. Тем не менее абсолютные и относительные показатели бедности не продемонстрировали за последние десятилетия практически никакой позитивной динамики, а уровень социального расслоения даже увеличился.

Наблюдается серьезная этническая дифференциация, связанная с растущей проблемой миграции, прежде всего нелегальной. В США не налажена эффективная система интеграции приезжих в общественно-экономическую жизнь, сохраняется расовая дискриминация, что в комплексе приводит к укоренению бедности среди национальных меньшинств.

Другой проблемой является недостаточная доступность услуг здравоохранения из-за отсутствия общенациональной системы государственного медицинского страхования. Несмотря на принятые меры по исправлению ситуации, кризис с реагированием США на пандемию COVID-19 продемонстрировал организационные и экономические недостатки американской медицины.

Для комплексного изучения экономики США в условиях глобализации необходимо обратить внимание на ряд стереотипных представлениях о ней, которые препятствуют объективному восприятию и приводят к ошибкам в разработке и реализации экономической политики страны.

Во-первых, это исключительно негативная характеристика хронического дефицита платежного баланса страны, который необходимо исправлять любыми методами. В реальности ни экспортно ориентированная открытая политика Б. Обамы, ни протекционистская политика Д. Трампа не привели к существенным изменениям в сальдо текущего баланса США, а лишь снизили общий объем экономических выгод для страны. Отрицательное сальдо счета текущих операций объясняется центральным положением США в международном разделении труда и движении капитала, привлекательностью их рынка для всего мира, и это естественная характеристика не несет фундаментальной угрозы экономической безопасности страны.

Во-вторых, это якобы несправедливое положение доллара США в роли мировой валюты и его бесконтрольная эмиссия («печатный станок»), используемая для конъюнктурного решения экономических проблем. Для понимания ошибочности такого суждения необходимо отметить кредитную природу современных денег, означающую то, что они обеспечены всем многообразием богатства соответствующей страны. Функцией государства в этих условиях становится не просто эмиссия денег, а развитие системы управления движением финансовых ресурсов через эффективную и обоснованную денежно-кредитную политику.

Еще одним стереотипным представлением является нагнетание катастрофичности проблемы растущего государственного долга США. Вместе с тем способность страны эффективно распоряжаться заемными средствами и без перебоев выплачивать проценты позволяет Соединенным Штатам безопасно продолжать политику покрытия дефицита бюджета путем выпуска надежных и привлекательных для всего мира облигаций ФРС. Предел роста

госдолга страны наступит, когда существенным образом изменится расстановка сил в мировом хозяйстве.

Таким образом, перекосами и симптомами кризиса зачастую ошибочно считаются неотъемлемые черты финансовой системы США, обусловленные ее центральным местом в международных торговых и инвестиционных потоках. Их стоит рассматривать не как временные и негативные явления, а как устойчивые характеристики макроэкономического положения страны в условиях глобализации.

Анализ показателей экономического развития США, в том числе темпов роста, объема и структуры ВВП, говорит об устойчивости американского хозяйства в динамике глобальных изменений XX и XXI веков. Наблюдаемое долгосрочное снижение темпов экономического роста носит естественный характер и объясняется замедлением роста занятости и производительности труда.

По размеру ВВП в номинальном значении (почти 21 трлн долл., или 25% от мирового) США продолжают уверенно лидировать, опережая два других экономических центра – Китай (17%) и Европейский союз (18%). При этом структура распределения американского ВВП отражает характерные черты постиндустриального общества, в котором доминирует сфера услуг, а потребление заменяет накопление и рассматривается как инвестиции в человеческий капитал. По объему ВВП на душу населения (63 тыс. долл. на чел.) США опережают все крупные экономики мира, уступая лишь нескольким малым европейским странам и монархиям Персидского залива.

США также сохраняют лидерство по стоимости всех активов хозяйствующих субъектов – 126 трлн долл., или 465 тыс. долл. на чел. Этот показатель позволяет примерно оценить объем национального богатства в эпоху «новой экономики».

Лидирующая роль страны в глобальном хозяйстве лишь укрепилась в результате мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Оперативная и решительная реакция американских властей на него

выразилась в беспрецедентном по масштабу и продолжительности государственном вмешательстве для стимулирования экономики, обратной стороной которого стало наращивание дефицита бюджета и соответствующего роста госдолга США.

После самого долгого в истории периода экономического роста в 2010–2020 гг. новый кризис, вызванный пандемией коронавируса, вынудил правительство обратиться к проверенным стимулирующим инструментам налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики в еще больших объемах. В результате экономика смогла достаточно быстро и успешно пережить спад и вернуться на положительную траекторию, а мобилизация средств не привела к росту финансовой неустойчивости. В 2021–2022 гг. США столкнулись с новыми вызовами, связанными с глобальной инфляцией и политической нестабильностью, и их комплексные последствия еще предстоит оценить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американская модель представляет собой пример либерального рыночного общества, вместе с тем обладающего рядом присущих только США особенностей. К числу таких специфичных черт можно отнести следующие: высокий уровень конкуренции и экономической свободы субъектов; значительная координирующая роль государства в экономике при незначительном прямом вмешательстве в рыночные процессы; развитый предпринимательский дух и трудовая этика; опора на человеческий капитал и инновации; приоритет индивидуальных прав и частной собственности; развитая и гибкая финансовая система, опирающаяся на центральное положение США в мировом хозяйстве, ведущую роль доллара в международных платежах и особенности формирования американского национального долга.

Одновременно экономическая модель США не лишена ряда структурных проблем и недостатков, таких как риски финансовой устойчивости и наращивания торгово-инвестиционных дисбалансов, рост относительной бедности и неравенства, миграционная проблема, доступность качественного образования и здравоохранения. Недостатки американской медицины и социальной сферы в целом проявились особенно остро в ходе пандемии COVID-19 и сопутствующих общественных протестов. Масштабные государственные программы пока не помогли победить это одно из самых слабых мест американского общества.

Анализ текущего состояния экономики США, в том числе темпов экономического роста, объема и структуры ВВП, общей стоимости активов и инфляции, говорит об ее устойчивости в динамике глобальных хозяйственных изменений XX и XXI веков. По размеру ВВП (почти 21 трлн долл., или 25% от мирового) США продолжают лидировать, хотя их постепенно догоняет Китай с опережающими темпами экономического роста.

США смогли сравнительно успешно пережить два крупнейших социально-экономических потрясения последних десятилетий – финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и пандемию коронавируса. Реакцией американской экономики на эти события стало решительное вмешательство государства через разнообразные инструменты налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. Обратной стороной беспрецедентной мобилизации средств и наращивания госрасходов стало соответствующее возрастание объема национального госдолга, что потенциально может привести к угрозе финансовой стабильности страны. В целом американская экономическая модель продемонстрировала высокие адаптационные возможности и к подобного рода вызовам и потенциал для сохранения ведущей роли США в мировом хозяйстве.

Основным глобальным конкурентом Соединенных Штатов в первой половине XXI в. становится Китайская Народная Республика. За последние несколько десятилетий КНР не только догнала и даже перегнала США по многим абсолютным экономическим показателям, но и построила собственную уникальную модель развития. В ее основе – сочетание централизованного управления на макроуровне и сохранение конкуренции и свободы на низовом уровне при высокой социальной ориентированности государства и четко оформленных целях развития.

Одновременно растущие глобальные амбиции Китая, его претензии на лидерство в передовых сферах международного разделения труда вызывают все большее раздражение политического руководства США, что ставит под угрозу глубокий и органично сформировавшийся торгово-экономический симбиоз двух государств. В последние несколько лет нарастает всеобъемлющее американо-китайское противостояние, выражющееся в ужесточении взаимных торговых и инвестиционных ограничений, технологических санкциях и даже политико-идеологическом противостоянии Вашингтона и Пекина.

Нарастание противоборства за глобальное доминирование может привести не только к потере экономических выгод для всего мирового сообщества, но и к фундаментальному технологическому расколу и необходимости всем странам выбирать между двумя экономическими и информационно-коммуникационными системами.

Проведенный анализ показал, что как американская, так и китайская модели являются по своей сути уникальными и опирающимися на ряд преимуществ, недоступных для любого другого государства. Если американская модель создала действующий хозяйственный миропорядок и пожинает плоды от сохранения контроля над механизмами его управления, то китайская смогла успешно встроиться в глобальную экономику под лидерством США и получить от этого максимальные выгоды для собственного развития.

В этом контексте сложно согласиться с прогнозами о грядущей смене миропорядка и превращении Китая в его нового безусловного лидера. Более вероятным представляется сохранение ведущей роли Соединенных Штатов в мировом хозяйстве первой половины XXI в. на основе действующих конкурентных преимуществ страны одновременно с закреплением второго «полюса силы» в виде КНР со своей производственной, финансовой и научно-технической базой.

Одним из главных вызовов для лидерства США являются современные макроэкономические процессы, связанные с глобализацией. С момента появления этого термина в 1980-х гг. мировая экономика трансформировалась в по-настоящему единую зону хозяйственной деятельности, и ведущую роль в этом процессе сыграли Соединенные Штаты. Глобализация запустила необратимые изменения во всех аспектах общественной жизни, стимулировала процессы экономического сближения и усиления взаимозависимости, а также соответствующего изменения государственной политики, интернационализации культурных и социальных отношений.

Большинство американских исследователей рассматривают глобализацию как главное направление современного развития мировой экономики, от которого США получают неоспоримые преимущества.

В то же время отмечаются существенные риски глобализации, такие как рост частоты и глубины кризисных явлений из-за более высокой взаимозависимости государств, усиление социального неравенства, несправедливое распределение благ и выгод от международного разделения труда.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и сопутствующее усиление протекционистских настроений привели к переосмыслению восприятия глобализации во всем мире и отчасти даже запустили обратные процессы в международной экономике, такие как регионализация, протекционизм, рост торговых ограничений. Вместе с тем на фоне осознания наследия политики Д. Трампа в самих Соединенных Штатах формируется консенсус относительно целесообразности не противостояния глобализации, а ее использования для решения национальных экономических проблем и обеспечения лидирующих позиций США в мировом хозяйстве.

Анализ индикаторов вовлеченности США в процессы глобализации демонстрирует сравнительно высокий уровень участия страны в международных экономических отношениях, особенно в относительных показателях, учитывающих разницу в населении и структуре экономики. Во внешнеэкономической сфере Соединенные Штаты играют особенно важную роль в международной торговле услугами, в первую очередь ИКТ и продуктами интеллектуальной собственности.

Более комплексному изучению преимуществ и возможностей американской экономики способствовало бы избавление от ряда сложившихся стереотипов и неверных представлений о ней. К таковым относятся: представление дефицита платежного баланса как фундаментальной угрозы экономическому развитию страны; неизбежность крушения доллара как не обеспеченной ничем валюты и характеристика денежно-кредитной политики

США как «печатного станка» для сокрытия реальных проблем; критическая опасность высокого уровня американского государственного долга.

В работе наглядно продемонстрировано, что перекосами и симптомами кризиса ошибочно считаются на самом деле неотъемлемые черты финансовой системы США, обусловленные центральным местом страны в международных торговых и инвестиционных потоках. Их стоит рассматривать не как временные и негативные явления, а как устойчивые характеристики макроэкономического положения Соединенных Штатов, соответствующие международному разделению труда и выступающие одной из движущих сил глобализации.

Сохранение и даже активное использование этих дисбалансов в период последних кризисов не привело к ожидаемым проблемам, а скорее дало повод говорить о новой реальности, в которой денежно-кредитные и налогово-бюджетные инструменты становятся главным механизмом обеспечения экономического роста и сглаживания общественных потрясений.

Отличительной особенностью антикризисной политики США в XXI в. становится широкое применение кейнсианских методов государственного регулирования, включающих масштабное наращивание бюджетных расходов, в том числе для финансирования инфраструктурных проектов и прямой помощи населению и бизнесу, а также расширение социальных программ. Схожие меры были приняты как для противодействия мировому финансовому кризису 2008–2009 гг., так и последствиям пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., причем независимо от того, представители какой партии находились во главе страны.

В начале этого века радикальные изменения коснулись и комплекса мер денежно-кредитной политики США. На контрасте с применением высоких процентных ставок для борьбы с инфляцией с начала 2008 г. ставки ФРС стали составлять околонулевые, а с учетом роста цен даже отрицательные значения. Вкупе с программами «количественного смягчения» эти монетарные инструменты позволили наполнить кризисную экономику «дешевыми»

деньгами, оживить фондовые рынки и пристимулировать инвестиционную активность. Ведущая роль в определении параметров американской денежно-кредитной политики остается за Федеральной резервной системой, которая не боится действовать зачастую экспериментальными методами и независимо от правительства, а также корректировать курс в зависимости от реальной ситуации в экономике.

Параллельно государственное регулирование американской экономики усиливается через принятие ряда нормативных правовых актов. Наиболее показательным из них стал Закон Додда – Франка 2010 г., укрепляющий финансовый надзор и ограничивающий высокорисковые операции кредитных учреждений.

Одним из ключевых факторов обеспечения лидерства США является крупнейший в мире научно-технический комплекс, который позволяет стране сохранять превосходство в ключевых наукоемких отраслях экономики.

В его основе лежит развитая институциональная структура и комплексное взаимодействие государства, университетов и бизнеса. Государство при этом играет скорее направляющую и координирующую роль, определяя приоритеты научной деятельности и осуществляя финансирование фундаментальных исследований, в то время как высшие учебные заведения в связке с частным сектором реализуют различные виды НИОКР и обеспечивают внедрение инноваций в экономику. Симбиоз этих усилий позволил создать в стране наиболее благоприятные условия для научно-исследовательской деятельности, которые привлекают лучших специалистов со всего мира и позволяют США занимать ведущие позиции в создании и применении новых знаний.

В то же время американская система образования и науки не лишена ряда структурных проблем, таких как недостаточное качество школьного обучения, высокая стоимость высшего образования, нехватка кадров в инженерно-технических областях.

Более того, сопоставление динамики научно-технического прогресса в различных странах демонстрирует, что США неминуемо уступят лидерство по основным количественным показателям Китаю, который в первые два десятилетия сумел преодолеть свое технологическое отставание от передовых государств. В то же время качественный уровень науки и инноваций в Соединенных Штатах пока трудно превзойти.

В любом случае эпоха доминирования США во всех научных исследованиях и высокотехнологичных отраслях останется в прошлом, и страну ожидает сложный период переориентирования своего НТП, который может стать инструментом обеспечения стратегического преимущества в стремительно развивающейся конфронтации с Китаем.

Весомую роль в обеспечении лидерства США играет финансовая система страны, опережающая по своей сложности и глубине любое другое государство. В ее основе лежат рыночные силы и тесное переплетение интересов всех игроков, включая банки, ТНК, институциональных инвесторов и государство. При этом она обладает высокой гибкостью и адаптивностью, что позволяет США сохранять стабильность в различных экономических условиях.

США являются крупнейшим в мире экспортёром капитала. Американские ТНК создали масштабное экономическое пространство из сети филиалов за рубежом, обеспечивающее занятость и развитие хозяйства как в странах, принимающих инвестиции, так и в самих Соединенных Штатах. В последние несколько десятилетий США также стали главным реципиентом международного капитала, что объясняется высокой инвестиционной привлекательностью и стабильностью американской экономики, а также повышением роли других развитых и развивающихся стран в качестве иностранных инвесторов.

Объемы движения капитала с участием США демонстрировали последовательный рост в 1990–2000-х гг., но существенно замедлились в последние десять лет в связи с мировым финансовым кризисом, а также

изменениями в механизмах глобального производства и в национальной инвестиционной политике.

Анализ государственного регулирования иностранных инвестиций в США позволяет говорить о высоком уровне развития нормативно-правовой и налоговой базы, адекватной текущему моменту экономического развития Соединенных Штатов и создающей условия для дальнейшей позитивной динамики. В то же время масштабные протекционистские меры предыдущего Президента страны Д. Трампа оказали существенное сдерживающее влияние на движение ПИИ с участием США, перенаправив потоки американского капитала из-за рубежа обратно в страну.

Как крупнейшая экономика мира США формируют тренды международного производства и цепочек создания стоимости. Продолжающийся последние десять лет понижательный тренд в динамике ПИИ и глобального производства объясняется в числе прочих факторов растущей цифровизацией экономики, снижением отдачи от иностранных инвестиций, а также фрагментацией международной экономической политики. Производство будущего будут формировать несколько устойчивых траекторий, таких как решоринг, диверсификация, регионализация и репликация.

Точный прогноз вектора развития мировой экономики и рынка капитала не представляется возможным из-за переплетения ряда долгосрочных экономических, технологических и политических факторов. Неопределенность ситуации усугубляется огромным негативным воздействием на инвестиции от пандемии коронавируса COVID-19 и высокой вероятностью новых глобальных шоков в будущем.

Успешное развитие любого государства, включая США, невозможно без обеспечения энергетической безопасности. В современных условиях она подразумевает не только бесперебойные поставки топливных ресурсов, но и адаптацию экономики к четвертому энергетическому переходу – то есть к

постепенной замене ископаемых источников на возобновляемые с целью обеспечения потребностей человечества без ущерба для окружающей среды.

Анализ топливно-энергетического комплекса страны позволяет сделать вывод о его относительно высокой диверсификации и устойчивости энергобаланса. Благодаря значительному объему добычи полезных ископаемых (первое место в мире по добычи нефти и природного газа), развитой электrogенерации (второй в мире объем генерирующих мощностей) и транспортно-распределительной сети, а также опережающему росту возобновляемой энергетики США сохраняют независимость от какого-либо одного источника энергии, умело используя их сравнительные преимущества в различных секторах конечного потребления.

В течение большей части новейшей истории США в значительной степени полагались на импортные поставки, но к настоящему времени практически полностью обеспечивают экономику всеми необходимыми энергоносителями и даже постепенно примеряют новую для себя роль экспортёра углеводородов. На горизонте ближайших 30 лет прогнозируется продолжение трендов последнего десятилетия на увеличение добычи сланцевых нефти и газа, замещение угольных электростанций газовыми и экспоненциальный рост мощностей ветряной и солнечной генерации при стагнации атомной и гидроэнергетики. В результате в энергобалансе страны существенно возрастет доля возобновляемых источников, но большую часть в нем будет по-прежнему занимать ископаемое топливо.

Государственная политика США в сфере энергетики, независимо от партийной принадлежности администрации, ставит своей целью обеспечение долгосрочной энергетической безопасности. Но если предыдущий президент Д. Трамп видел достижение этой цели в укреплении национального топливно-сырьевого сектора, то Дж. Байден настроен на форсирование перехода американской экономики на рельсы возобновляемой энергетики, в том числе через масштабные государственные инвестиции и субсидии.

В этих условиях у США сохраняются возможности для удержания роли глобального лидера в первой половине XXI в., которое, однако, возможно лишь на новых условиях, мало похожих на американское доминирование конца XX в.

Ключевым фактором успеха для экономики США, равно как и любого другого государства, становится приспособляемость к новой реальности, в которой главный актив – это информация и возможность ее обработки, анализа и распространения с помощью передовых технологий. Сегодня США вместе со своим главным соперником – Китаем – возглавляют общемировой трансформационный процесс в этой сфере.

Рассмотренный в работе механизм формирования, эволюции и практической реализации американской экономической модели может быть полезным для понимания возможностей развития нашей страны. Во взаимозависимой и всепроникающей мировой экономике национальное хозяйство не может рассматриваться отдельно от системы международных связей.

Безусловно, США не должны рассматриваться как единственный пример для подражания, но ряд особенностей их экономической системы и государственной политики достойны внимательного изучения и адаптации в российских условиях.

Исследование процесса трансформации американской стратегии глобального лидерства позволило выявить его специфику, которая характеризуется небывалыми и беспрецедентными изменениями в подходах к сохранению глобального лидерства. Стремительное развитие информационных технологий в рамках смены технологического уклада, изменения методов и средств коммуникаций, искусственного интеллекта и нейросетевых технологий привели к очередной смене фазы глобализации с гиперглобализации на гипоглобализацию. Гипоглобализация характеризуется тем, что, с одной стороны, эта фаза для отдельных стран является источником экономического роста, а для тех, у кого имеются конкурентные преимущества

в части наличия ресурсной базы, арсенала технологий и новых, не применяемых ранее методов – санкционных технологий, гибридных войн, направленного вмешательства в национальные экономики, это возможность выдвижения и закрепления в качестве глобальных лидеров. С другой стороны, это повышение уровня конфликтности, усиление международной конкуренции и риск начала открытых военных столкновений между ведущими мировыми игроками. В этих условиях понимание долгосрочных векторов развития американской экономической политики является обязательным и необходимым условиям для обеспечения российской экономической и национальной безопасности, четкого понимания российских национальных экономических интересов, угроз этим интересам и механизмам их нейтрализации. Процессы, происходящие в фазе гипоглобализации вынуждают страны, претендующие на особорую роль и место в мировой экономике, быстро реагировать и адаптировать свою экономическую политику под постоянно меняющиеся условия. Исследование показало, что пока наиболее эффективная система у США и Китая, несмотря на концептуальные отличия их экономических моделей. Тем не менее стратегия глобального лидерства США в первой трети XXI в. является, с одной стороны, более агрессивной, чему способствует их статус мирового лидера с как минимум середины 1940-х годов, с другой стороны, в ней были выявлены фундаментальные изъяны, которые способны в долгосрочном периоде привести к потере этого лидерства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Международные и национальные официальные документы и нормативные правовые акты

1. An Act to provide for reconciliation pursuant to titles II and V of the concurrent resolution on the budget for fiscal year 2018 (Tax Cuts and Jobs Act) [adopted on November 2, 2017] // URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr1/BILLS-115hr1enr.pdf>
2. Dodd–Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act [adopted on July 21, 2010] // URL: <https://www.govinfo.gov/>
3. Foreign Investment and National Security Act of 2007 [adopted on July 26, 2007] // URL: <https://www.govinfo.gov>
4. The Constitution of the United States. The Bill of Rights & All Amendments [adopted on September 17, 1787 by the Constitutional Convention]. // Official website of the Constitution of the United States. URL: <https://constitutionus.com>
5. The Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security (CARES) Act [adopted on March 27, 2020] // URL: <https://www.govinfo.gov>
6. The Financial Services Modernization Act (the Gramm–Leach–Bliley Act) [adopted on November 19, 1999] // [https://www.govinfo.gov/](https://www.govinfo.gov)

Монографии и сборники, научные статьи, периодические издания

7. Аксенов П.А. Налоговая реформа Трампа и американский бизнес. Международная торговля и торговая политика. №2. 2018. С. 91-95.
8. Андронова И.В. и др. Проблемы эффективности и реформы системы международных многосторонних институтов. Москва: Университетская книга; Логос, 2007, 270с.
9. Афонцев С.А. Методологические основы современного экономико-политического анализа. // Экономика, социология, менеджмент. Москва, ГУ ВШЭ, 1998. С.72-122

10. Афонцев С.А. Новые тенденции в развитии мировой экономики. // Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 5, С. 36-46
11. Афонцев С.А. Политика и экономика торговых войн // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 193-198.
12. Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 1 / Журнал «Азия и Африка сегодня», 2020 г., № 8 – с. 4-12
13. Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 2 / Журнал «Азия и Африка сегодня», 2020 г., № 9 – с. 10-17
14. Булатов, А. С. Новые идеи о финансовой трансформации мировой экономики (рецензия на книгу: В. Иноземцев. Экономика без догм: как США создают новый экономический порядок.) / А. С. Булатов // Мировое и национальное хозяйство. – 2022. – № 2(59). – С. 83-86. – EDN IZLMCT.
15. Бунина А.А. Соперничество и сотрудничество России и США по атомной энергетике. / «США & Канада: экономика – политика – культура», Выпуск № 9, 2021. с. 70-88
16. Войтоловский Ф.Г. Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 7. С. 616-626
17. Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке. История. М.: Альпина Паблишер. 2020. – 710 с.
18. Гусаков Н.П. и др. Международные валютно-кредитные отношения. Москва.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. – 351 с.
19. Дмитриев С.С. «Американский план создания рабочих мест» с китайским акцентом. / США & Канада, выпуск № 12, 2021 г. – с.86-100
20. Дмитриев С., Королев И. Контуры формирующейся внешнеэкономической программы США. / Мировая экономика и международные отношения, 2017, том 61, №10, с. 25-36

21. Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Перспективы и вызовы международного и энергетического сотрудничества после пандемии COVID-19. // Мировая экономика и международные отношения, 2021, том 65, № 3, с. 5-10
22. Ефременко Д.В. Chimerica в стадии полураспада: деградация китайско-американских отношений при Д.Трампе и ее последствия для мирового порядка / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание // М.:ИДВРАН, 2020. – с.96-111
23. Зименков Р.И. США на мировом рынке технологий // Россия и Америка в XXI веке. 2014. №1. – 12 с.
24. Иванова Н., Мамедьяров З. Наука и инновации: конкуренция нарастает. / Мировая экономика и международные отношения, 2019, том 63, № 5, с. 47-56
25. Инновационная конкуренция / ИМЭМО РАН / Под ред. Н.И. Ивановой. – М.: Весь мир, 2020. – 216 с.
26. Иноземцев В. Экономика без догм: Как США создают новый экономический порядок. // Альпина Паблишер, 2021. – 266 с.
27. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – Перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. - М.: Научно-издательский центр "Ладомир", 2002. - 352 стр.
28. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019—2021 : монография/ Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. —М. : ИДВ РАН, 2022. — 354 с.
29. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – Москва: Институт экономических стратегий, 2006. – 656с.
30. Лебедева Л.Ф. Американская модель пенсионного обеспечения в условиях усиления рисков финансово-экономической нестабильности в начале XXI века. / США и Канада: экономика, политика и культура. 2014, №3, с. 22-30

31. Лебедева Л.Ф. Позиции России и США в полицентричном мире: социально-экономический аспект. / США и Канада: экономика, политика, культура. 2012, №11, с. 3-13
32. Макаров В.Л., Окрепилов В.В., Бахтизин А.Р. Научные решения сложных экономических и социальных задач с помощью суперкомпьютеров. – Москва: ЛЕНАНД, 2023. – 416 с.
33. Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: РИПОЛ классик, 2021. — 368 с.
34. Миловидов В. Информационная асимметрия и «большие данные»: грядет ли пересмотр парадигмы финансового рынка? / Мировая экономика и международные отношения, 2017, том 61, №3, с. 5-14
35. Мировой энергетический переход: тенденции и риски / Под ред. С.В. Жукова. – М.: ИМЭМО РАН, 2021. – 116 с.
36. Морозов Ю.В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке. / Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV: ежегодное издание / М.:ИДВРАН, 2020. – с. 80-96.
37. Оклейнов А.Г. Экономический анализ глобализации и ее перспектив: ключевые теоретические направления. /В: Перспективы экономической глобализации. /Под ред. А.С. Булатова. Кнорус. Москва. 2020. С.64-65.
38. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой / М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. 496 с.
39. Рудакова О.В., Марченкова Л.М., Мерцалова А.И. Научно-технический потенциал ведущих стран мира в начале XXI века. // Территория науки. 2014/ №3. – с. 51–66.
40. Пичков О.Б. США в международном движении прямых инвестиций: монография. // МГИМО-Университет, 2015. – 240 с.
41. Пороховский А.А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы. / Экономика. Налоги. Право. 2020; 13(2):84-91

42. Портной М.А. Модель кредитно-денежной политики ФРС для XXI века – испытание кризисами // Россия и Америка в XXI веке. 2020. №2. – 7 с.
43. Портной М.А. Новый этап в судьбе государственного долга США / Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – Выпуск № 4 // URL: <http://rusus.jes.su>
44. Рогов С.М. (2016) США и Россия: новый вариант Холодной войны? В: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд. Аспект-Пресс. с.354-384
45. Судакова Н.А. Современные тенденции развития корпоративных НИОКР в США. // Россия и Америка в XXI веке. 2017. №2. – 7 с.
46. Супян В. Б. Американская модель капитализма: преимущества и вызовы XXI века // Мировая экономика и международные отношения – 2022. – Том 66. – Выпуск №9 С. 90-97
47. Супян В. Б. Американская экономическая модель: характерные черты и эффективность в начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 7. – с. 3-25.
48. Супян В.Б. Долгосрочные факторы экономического развития США в третьем десятилетии XXI века // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 3. – 10 с.
49. Супян В.Б. США: глобализирующаяся экономика в глобализирующемся мире. // Международная жизнь. 2018. № 4. – с. 100-109
50. Супян В.Б. Научно-технический потенциал - ключевой фактор развития экономики США в XXI веке // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 2. – 8 с.
51. Супян В.Б. Экономика США после кризиса 2020 г.: перспективы восстановления. // США & Канада. 51 (4) 2021. – с.5
52. Супян В.Б., Бабич С.Н. Научно-технический потенциал США: роль и место национального научного фонда и национальных академий // Россия и Америка в XXI веке. 2015. № 1. – 5 с.

53. Супян В.Б., Портной М.А. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. // Весь мир, 2018. – 424 с.
54. Телегина Е. Энергетический переход и постковидный мир. / Мировая экономика и международные отношения, 2021, том 65, № 6, с. 79-85
55. Телегина Е., Халова Г. Геоэкономические и геополитические вызовы энергетического перехода. Последствия для мировой экономики. Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 6, сс. 26-34
56. Хасбулатов Р.И. Международные финансы в 2 ч. // Издательство Юрайт, 2019. – 408 с.
57. Шишков Ю.В. Глобализация и антиглобализм в современном мире. / Россия в окружающем мире: 2003 (Аналитический ежегодник). – М.: Изд-во МНЭПУ, 2003. С. 63-87.
58. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? – М.: НП «III тысячелетие». 2001. 478 с.
59. Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016—2020) / Рос. акад. наук, Институт Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. — М. : ИДВ РАН, 2020. — 344 с.
60. Arrighi, G. 2005. Globalization in world-systems perspective. In R. Appelbaum and W.I. Robinson (eds.), Critical Globalization Studies. New York: Routledge, 33–44 pp.
61. Appelbaum, R. and Robinson, W.I. 2005. Critical Globalization Studies. New York: Routledge
62. Balcerzak, Adam. (2009). Limitations of the National Economic Policy in the Face of Globalization Process. Olsztyn Economic Journal. 4. 279-290. 10.2478/v10021-009-0024-0.
63. Bienkowsli W. 2004. Globalization, Integration and Government's Competitiveness Policy, Optimum – Economic Studies, 23(3).

64. Bryant, J. How Many Americans Have a College Degree? / Best Colleges, 1 July, 2021 // URL: <https://www.bestcolleges.com/news/analysis/2021/07/01/how-many-americans-have-college-degrees/>
65. Budiman A. Key findings about U.S. immigrants. / Pew Research Center, August 20, 2020 // URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/20/key-findings-about-u-s-immigrants/>
66. Burawoy, M., Blum, J.A., George, S. et al. 2000. Global Ethnography: Forces, Connections, and Imaginations in a Postmodern World. Berkeley, CA: University of California Press.
67. Castells, M. 1996. The Rise of the Network Society. Vol. I of The Information Age: Economy, Society, Culture. Oxford: Blackwell.
68. Economy E. The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State / Oxford University Press, 2018.
69. Eisenhower Dwight D., Special Message to Congress on Foreign Economic Policy. March 30, 1954 // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-foreign-economic-policy>
70. Felbinger CL, Robey JE (2001) Globalization's impact on state and local policy: The rise of regional cluster-based economic development strategies. Policy Studies Review (Re- view of Policy Research) 18:64-79
71. Ferguson N., Schularick, M. "Chimerica" and the Global Asset Market Boom // International Finance. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 215—239.
72. Furceri, D., Loungani, P., & Ostry, J. D. (2017). The Aggregate and Distributional Effects of Financial Globalization: Evidence from Macro and Sectoral Data. Paper presented at the Eighteenth Jacques Polak Annual Research Conference.
73. Gianarelli L., Wheaton L., Shantz K. 2021 Poverty Projections / Urban Institute, February 2021 // URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/103656/2021-poverty-projections_1.pdf
74. Giddens, A. 1990. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press.

75. Hamilton A., Report on the Subject of Manufactures, 1791 // URL: <https://founders.archives.gov/documents/hamilton/01-10-02-0001-0007>.
76. Hardt, M. and Negri, A. 2000. Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press.
77. Hardt, M. and Negri, A. 2004. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: Penguin.
78. Harvey, D. 1990. The Condition of Post-Modernity. London: Blackwell.
79. Held, D., McGrew A., Goldblatt, D., & Perraton, J., (1999), Global Transformations: politics, economics and culture. Cambridge: Polity Press.
80. International Trade Administration, Employment and Trade: Jobs Supported by State Exports 2016 Data, March 2018.
81. Knapp, Georg Friedrich. Staatliche Theorie des Geldes. — München und Leipzig, Duncker & Humblot, 1905.; Очерки государственной теории денег: Деньги. Денеж. система / Г.Ф. Кнапп, проф. ун-та в Страсбурге; Пер. с нем. М.Х. Розенберга; Под ред. и со вступ. заметкой Г.И. Тиктина. - Одесса : тип. Э.П. Карлик, 1913. - XX, 59 с.
82. Kopytin I., Maslennikov A., Zhukov S. Europe in World Natural Gas Market: International Transmission of European Price Shocks. / International Journal of Energy Economics and Policy, 2022, 12(3), 8-15
83. Levitt, P. 2001. The Transnational Village. Berkeley, CA: University of California Press. Marcuse, P. and van Kempen, R. 2000. Globalizing Cities: A New Spatial Order? Oxford: Blackwell.
84. Meeting Globalization's Challenges. Policies to Make Trade Work for All. Princeton University Press. Princeton and Oxford. 2019. P. 18-20.
85. Most Americans Say There Is Too Much Economic Inequality in the U.S., but Fewer Than Half Call It a Top Priority / Pew Research Center, January 9, 2020 // URL: <https://www.pewresearch.org/>
86. Piketty, T., Saez, E., & Zucman, G. (2016). Distributional national accounts: methods and estimates for the United States. NBER Working Paper, 22945.

87. Rappa, Antonio, Globalization: An Asian Perspective on Modernity and Politics in America, January 2006, Edition: Singapore, Publisher: Marshall Cavendish Academic, ISBN: 9812104186, 9789812104182
88. Rodrik, D. (2011). The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. Norton.
89. Robinson, W.I. 2004. A Theory of Global Capitalism: Production, Class and State in a Transnational World. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
90. Robertson, R. 1995. ‘Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity’. In M. Featherstone, S. Lash and R. Robertsom (eds.), Global Modernities, 25–44. London: Sage.
91. Robertson, R. 1992. Globalization: Social Theory and Global Culture. Thousand Oaks, CA: Sage.
92. Rondinelli DA, Johnson JH, Kasarda JD (1998) The changing forces of urban economic development: Globalization and city competitiveness in the 21st century. *Cityscape* 3:71-105
93. Sassen, S. 1991. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press.
94. Sklair, L. 2002. Globalization: Capitalism and Its Alternatives. New York: Oxford.
95. Sklair, L. 2000. The Transnational Capitalist Class. London: Blackwell.
96. Stiglitz J.E. 2003. Globalization and the Growth in Emerging Markets and the New Economy. *Journal of Policy Modeling*, 25.
97. Trade Partnerships Worldwide LLC, Trade and American Jobs: The Impact of Trade on U.S. and State-Level Employment 2020 Update, October 2020.
98. The Federal Reserve's Policy Actions during the Financial Crisis and Lessons for the Future. Vice Chairman Donald L. Kohn. Speech At the Carleton University, Ottawa, Canada. May 13, 2010.
99. U.S. Bureau of Economic Analysis, U.S. International Trade in Goods and Services, December 2019.

100. Wallerstein, I. 2000. Globalization or the age of transition? *International Sociology*, 15 (2), 249–65.
101. Wallerstein, I. 1974. *The Modern World System*, vol. I. New York: Academic Press.
102. Walter, S. (2010). Globalization and the welfare state: Testing the microfoundations of the compensation hypothesis. *International Studies Quarterly*, 54(2), 403–426.

Электронные ресурсы

103. Академик Дынкин рассказал о сильной валюте и о новой мировой экономике. / Рамблер финансы, 17 июня 2019. // URL: <https://finance.rambler.ru/markets/42352917-akademik-dynkin-rasskazal-o-silnoy-valyute-i-o-novoy-mirovoy-ekonomike/?ysclid=l9129i6or5180835549>
104. Александр Дынкин: возможна новая биполярность – США и Китай. / Интерфакс, 15 декабря 2018. // URL: <https://www.interfax.ru/interview/642384>
105. Байден повторно выдвинет Джерома Пауэлла на пост главы ФРС / РИА Новости, 22 ноября 2021 г. // URL: <https://ria.ru/20211122/pauell-1760213981.html>
106. Байден представил план спасения американской экономики. / Финам, 15 января 2021 г. // URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/baiyden-predstavil-plan-spaseniya-amerikanskoiy-ekonomiki-20210115-135850/>
107. Валовый внутренний продукт США 1970-2020 / Макроэкономические исследования, 2021 // URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/us.html>
108. Гарбузов В. Санкции вместо диалога. // Профиль. №31. 21.08.2017. С. 30-33. // URL: <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskiy-vopros-v-politike-soedinennykh-shtatov/>

109. Глава ИМЭМО РАН, противостояние США и Китая станет главным в постпандемическом мире. / ТАСС, 10 июля 2020. // URL: <https://tass.ru/interviews/8936527?ysclid=l912ic4s47834667257>
110. Закон 2008 года об оказании чрезвычайной экономической помощи. / URL: <https://ru.knowledgr.com/06865204/ЧрезвычайныйЭкономическийЗаконОСтабилизации2008>
111. В США только 65% людей имеют собственное жилье. / Tranio.ru, 4 августа 2020 г. / URL: https://tranio.ru/articles/v_ssha_tolko_65lyudey_imeyut_sobstvennoe_zhile_4180/
112. Китай ужесточает регулирование частного бизнеса. Рынок заволновался / Русская служба BBC News, 12 августа 2021 г. // URL: <https://www.bbc.com/russian/news-58160034>
113. Мировая глобализация / Международная торговая палата. 11 ноября 2016 г. // URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/mirovaya-globalizatsiya-i-vzaimodeystvie-sovremennoe/>
114. Митрова Т. Четвертый энергопереход: риски и вызовы для России / Ведомости, 31 января 2021 г. // URL: <https://www.vedomosti.ru/articles/2021/01/31/856101-chetvertii-energoperehod>
115. Невыполненные обещания: как Трамп возвращал Америке былое величие. / ГАЗЕТА.RU, 3 ноября 2020. // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/02_a_13344421.shtml
116. Новые векторы в энергетической политике США. Энергетический бюллетень, январь 2021 / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации // URL: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/2290>
117. Обама оставил Трампу 20 триллионов долларов долга. / Свободная пресса. 9 ноября 2016 г. // URL: <https://svpressa.ru/economy/article/160171/>
118. Официальный сайт «The Vanguard Group». // URL: <https://investor.vanguard.com/corporate-portal/>

119. Пандемия коронавируса. / РБК, 28 марта 2020. // URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/03/2020/5e7e66ef9a7947109e17a089>
120. «Первое предупреждение» – Андрей Мовчан о предпосылках заката китайского экономического чуда / Movchan Group, 6 августа 2021 г. // URL: <https://movchans.com/ru/publications-2/>
121. Программа по облегчению бремени активов. / URL: <https://ru.knowledgr.com/06920562/НеблагополучнаяВспомогательнаяПрограммаАктива>
122. Трамп заявил, что глава ФРС стал оправдывать его надежды / ТАСС, 1 июля 2020 г. // URL: <https://tass.ru/ekonomika/8864589>
123. Феномен Трампа : монография / под ред. А.В. Кузнецова ; Ин-т Ф 36 науч. информ. по обществ. наукам. – Москва : ИНИОН, 2020. – 642 с.
124. Худшая за 40 лет: экс-министр оценил экономическую политику США / LIFE, 21 марта 2021 г. // URL: <https://life.ru/p/1386413>
125. Член-корреспондент РАН Федор Войтовский: Россия, США, Китай, Европа – все против всех? / Интерфакс, 11 марта 2019. // URL: <https://www.interfax.ru/interview/653731>
126. Экономическая политика администрации Джорджа Буша. / URL: <https://ru.knowledgr.com/03632164/PoliticaEconomicaDellamministrazioneDiGeorgeWBush>
127. 2008–2009 Keynesian resurgence. / URL: https://en.wikipedia.org/wiki/20082009_Keynesian_resurgence#In_the_United_States_and_Great_Britain
128. 2020 Human Development Report / United Nations Development Program // URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>
129. 2020 The State of U.S. Science & Engineering / National Science Board. Science & Engineering Indicators // URL: <https://ncses.nsf.gov/indicators/>
130. 2021 Index of Economic Freedom. United States Country rankings // URL: <https://www.heritage.org/index/country/unitedstates>

131. Activities of U.S. Multinational Enterprises, 2018 / Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>
132. American Leadership in the Emerging Global Economy. /In: Economic Report of the President. 1997. Chapter 7. P.235-280. // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/presidential-documents-archive-guidebook/the-economic-report-the-president-truman-1947> - Trump 2018
133. Annual Energy Outlook 2021 with projections to 2050 / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aoe/>
134. An Update to the Budget and Economic Outlook: 2019 to 2029 / Congressional Budget Office, August 2019 // URL - https://www.cbo.gov/system/files/2019-08/55551-CBO-outlook-update_0.pdf
135. A quick guide to the US-China trade war / BBC News. 16 January 2020 // URL - <https://www.bbc.com/news/business-45899310>
136. BRI Connect: An Initiative in Numbers // Refinitiv Analytics 2020 // URL: <https://www.refinitiv.ru/ru/belt-road-initiative-data-insight#>
137. Budget of the United States Government / U.S. Office of Management and Budget // URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/budget>
138. CBP and NES Combined Report / Census Bureau // URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/cbp/technicaldocumentation/reference/combined-report-reference.html>
139. China Is Overtaking the U.S. in Scientific Research/ Bloomberg Opinion. Sep. 18, 2018 // URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2018-09-12/chinese-researchers-are-outperforming-americans-in-science>
140. China Outward Direct Investment: accumulation. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment/outward-direct-investment-accumulation>

141. China Needs Cut to Inequality for Common Prosperity: PBOC's Cai. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-29/china-needs-cut-to-inequality-for-common-prosperity-pboc-s-cai>
142. China's Rise to Economic Superpower. Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/27688/chinas-share-of-global-gdp-vs-the-us-and-the-eu/>
143. China Trade. World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/CountrySnapshot/en/CHN/textview>
144. Clean Power Quarterly Report Q4 2021 / American Clean Power Association // URL: <https://cleanpower.org/resources/clean-power-quarterly-report-q4-2021/>
145. Committee on Foreign Investment in the United States. Annual Report to Congress CY 2020 // URL: <https://home.treasury.gov/>
146. Congressional Budget Office. Nonpartisan Analysis for the U.S. Congress // URL: <https://www.cbo.gov>
147. Course correction: China's shifting approach to economic globalization. Mercator Institute for China Studies. URL: <https://merics.org/en/report/course-correction-chinas-shifting-approach-economic-globalization>
148. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves / International Monetary Fund, 2021 // URL: <https://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4>
149. Daily Treasury Yield Curve Rates / U.S. Department of the Treasury // URL: <https://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/interest-rates/>
150. Deutsche Welle (DW) // URL: <https://www.dw.com/ru/>
151. Direct Investment by Country and Industry, 2019 / Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>
152. Distribution of the workforce across economic sectors in the United States from 2009 to 2019 / Statista 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/>

153. DOE Fact Sheet: The Bipartisan Infrastructure Deal Will Deliver For American Workers, Families and Usher in the Clean Energy Future / U.S. Department of Energy, November 9, 2021 // URL: <https://www.energy.gov/>
154. Doing Business Report 2020 / World Bank Group // URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>
155. D'Souza, Deborah. Joe Biden's Economic Plan. Investopedia. March 11, 2021. Available at: <http://www.investopedia.com/joe-biden-s-economic-plan-save-the-middle-class-4769869>
156. Elementary and Secondary STEM Education. Science & Engineering Indicators / National Science Board // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20211/teachers-of-mathematics-and-science>
157. Employment Situation Summary. July 2021 / U.S. Bureau of Labour Statistics. 6 August, 2021 // URL: <https://www.bls.gov/news.release/empsit.nr0.htm>
158. Energy Policies of IEA Countries. United States Review 2019 / International Energy Agency // URL: <https://www.iea.org/reports/energy-policies-of-ia-countries-united-states-2019-review>
159. Erhan Artuc, Daniel Lederman, Guido Porto, A mapping of labor mobility costs in the developing world, Journal of International Economics, Volume 95, Issue 1, 2015, Pages 28-41, ISSN 0022-1996, <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2014.10.007>.
160. Fact Sheet: President Biden Takes Executive Actions to Tackle the Climate Crisis at Home and Abroad, Create Jobs, and Restore Scientific Integrity Across Federal Government. Washington, DC, January 27, 2021 \\ <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/27/fact-sheet-president-biden-takes-executive-actions-to-tackle-the-climate-crisis-at-home-and-abroad-create-jobs-and-restore-scientific-integrity-across-federal-government/>

161. Federal Reserve System. “Volcker Rule.” URL:
<https://www.federalreserve.gov/supervisionreg/volcker-rule.htm>
162. Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL: <https://www.globalinnovationindex.org/>
163. Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis / Cornell University, INSEAD, WIPO // URL:
<https://www.globalinnovationindex.org/>
164. Global Wealth Databook 2021 / Credit Suisse, June 2021 // URL:
<https://www.credit-suisse.com/>
165. Goldfarb S. Pandemic Hangover: \$11 Trillion in Corporate Debt / The Wall Street Journal, June 14, 2021 // URL:
<https://www.wsj.com/articles/pandemic-supercharged-corporate-debt-boom-record-11623681511>
166. Guildord G. ‘Inflation Stayed High in July as Economy Rebounded’ / The Wall Street Journal, August 11, 2021 // URL:
<https://www.wsj.com/articles/us-inflation-consumer-price-index-july-2021-11628633099>
167. How Globalization has Affected China and Related Policy Issues. The People’s Bank of China. URL:
https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap100_f.pdf
168. How Trump damaged science — and why it could take decades to recover / Nature. Oct 05, 2020 // URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02800-9>
169. IEA Key Energy Statistics 2020 // URL:
<https://www.iea.org/countries/united-states>
170. ILO modelled estimates / ILOSTAT, Nov. 2020 // URL:
<https://ilo.org/ilostat/data/>
171. Industrial Production and Capacity Utilization - G.17 / Board of Governors of the Federal Reserve System, July 15, 2021 // URL:
<https://www.federalreserve.gov/releases/g17/>

172. International Investment Agreements Navigator / UNCTAD Investment Policy Hub // URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/>
173. January 2022 Monthly Energy Review / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/mer>
174. Key World Energy Statistics 2021 / International Energy Agency // URL: <https://www.iea.org/reports/key-world-energy-statistics-2021>
175. "Lazard's Levelized Cost of Energy Analysis Version 14.0" / Lazard Ltd. (October 2020) // URL: <https://www.lazard.com/media/451419/lazards-levelized-cost-of-energy-version-140.pdf>
176. Leary A., Ferek K. Biden Builds on Trump's Use of Investment Review Panel to Take On China / Wall Street Journal, July 7, 2021 // URL: <https://www.wsj.com/articles/investment-review-panel-gets-wider-role-under-biden-in-rivalry-with-china-11625650200>
177. Major Foreign Holders of Treasury Securities / U.S. Department of the Treasury // URL: <https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt>
178. Malakov D. Biden orders sweeping review of government science integrity policies / Scienceinsider, January 27, 2021 // URL: <https://www.science.org/news/2021/01/new-biden-scientific-integrity-policy>
179. Money Matters, an IMF Exhibit -- The Importance of Global Cooperation, System in Crisis (1959-1971), Part 4 of 7. The Dollar Glut. IMF Blog. https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_sc_03.htm
180. National Science Foundation FY 2022 Budget Request to Congress / URL: <https://nsf.gov/about/budget/fy2022/pdf/fy2022budget.pdf>
181. Nature Index 2020 Annual Tables // URL: <https://www.natureindex.com/annual-tables/2020>
182. Nobel Prize Winners by Country / World Atlas // URL: <https://www.worldatlas.com/articles/top-30-countries-with-nobel-prize-winners.html>

183. Obama's state of the Union transcript 2010: Full text. 1/27/2010 07. Updated 02/05/2013. // URL: <https://www.politico.com/story/2010/01/obamas-state-of-the-union-address-032111>
184. OECD Main Science and Technology Indicators 2021 // URL: <https://stats.oecd.org/>
185. QS World University Rankings 2022 // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/>
2022
186. Patent Cooperation Treaty Yearly Review 2021 // World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_901_2021.pdf
187. Percentage added to the Gross Domestic Product (GDP) of the United States of America in 2020, by industry / Statista 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/248004/percentage-added-to-the-us-gdp-by-industry>
188. Rural Poverty Reduction and Economic Transformation in China: A Decomposition Approach. World Bank Group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/36602>
189. Schrager, Allison. Americans own more stock than ever—how will it change the economy? / Quartz, 5 September 2019 // <https://qz.com/1700958/more-americans-own-stock-than-ever/>
190. Science & Engineering Indicators / National Science Board // URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20205/artificial-intelligence-technology>
191. Science Under Attack: How Trump Is Sidelining Researchers and Their Work. / The New York Times. Dec. 28, 2019 // URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/28/>
192. Second Place America? Increasing Challenges to U.S. Scientific Leadership / Report by the Task Force on American Innovation, May 2019
193. SelectUSA // <https://www.selectusa.gov/why-invest>

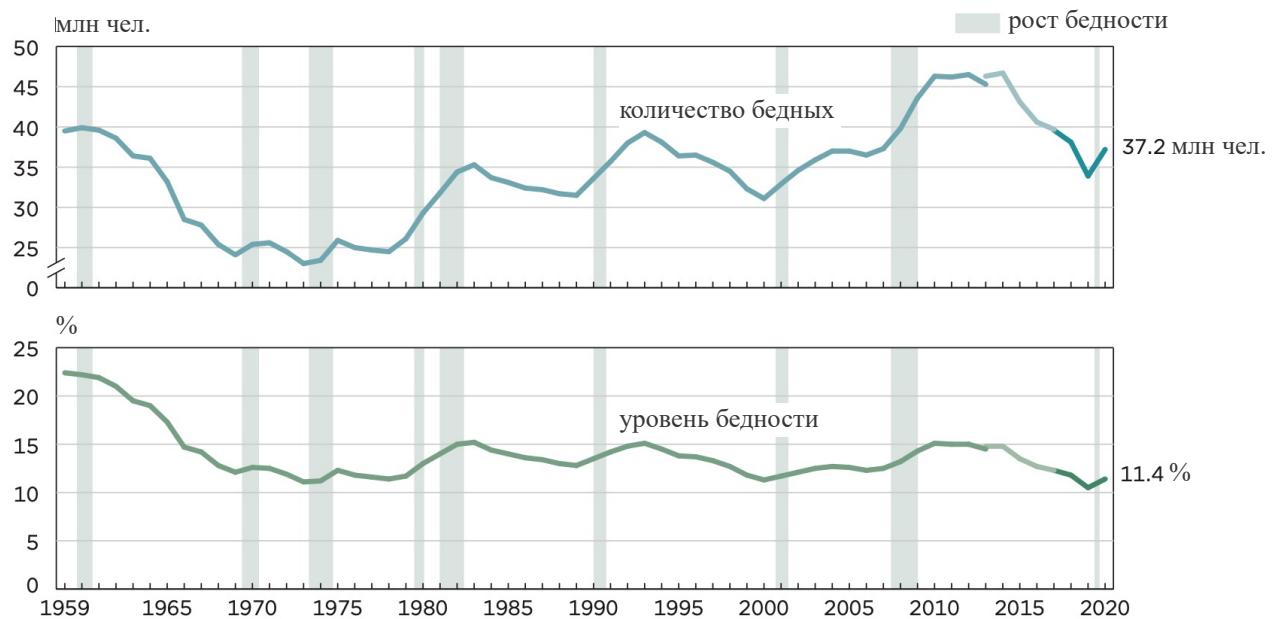
194. Small Business GDP 1998-2014. K.Kobe, R.Schwinn / U.S. Small Business Administration, December 2018 // URL: <https://cdn.advocacy.sba.gov/>
195. Solar explained. Where solar is found and used / U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/energyexplained/solar/where-solar-is-found.php>
196. Statement by President Joe Biden on the United States' Commitment to Open Investment. June 8, 2021 // The White House Briefing Room // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/>
197. Studying Xi Jinping's Compendium of Poverty Alleviation Provisions. Decisively fight for the eradication of poverty, write a new page in the history of the fight against poverty of humanity / People's Daily. 21.08.2018 (In Chin.) / URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0821/c1001-30239990.html>
198. Tankersley, J., Crowley, M. 'Biden Outlines \$1,9 Trillion Spending Package to Combat Virus and Downturn' / The New York Times, January 14, 2021 // URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/14/business/>
199. Tax Reforms in the United States: Implications for International Investment / UNCTAD Investment Trends Monitor, 5 February 2018 // URL: <http://unctad.org>
200. Technology and Innovation Report 2021 / United Nations Conference on Trade and Development // URL: <https://unctad.org/page/technology-and-innovation-report-2021>
201. The Build Back Better Framework. URL: <https://www.whitehouse.gov/build-back-better/>.
202. The Geography of Transport Systems. The spatial organization of transport and mobility. URL: <https://transportgeography.org/contents/chapter1/what-is-transport-geography/transport-communication-costs-index/>
203. The Global Competitiveness Report 2019 / World Economic Forum // <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth>

204. The Rise in China's Macro Leverage Ratio is Stable Overall. The People's Bank of China. URL: <http://www.pbc.gov.cn/WZWSREL2VuLzM2ODgxMTAvMzY4ODE3Mi80NDM3MDg0LzQ1MDkwMDEvaW5kZXguaHRtbA==>
205. The Transportation-Communication Revolution: 50 Years of Dramatic Change in Economic Development. CATO Institute. URL: <https://www.cato.org/cato-journal/winter-2020/transportation-communication-revolution-50-years-dramatic-change-economic#the-transportation-communication-revolution-and-economic-development>
206. The United States of America Nationally Determined Contribution. Reducing Greenhouse Gases in the United States: A 2030 Emissions Target // URL: <https://www4.unfccc.int/>
207. The world may be careening toward a 1970s-style energy crisis -- or worse / CNN Business, 03 June 2022 // URL: <https://edition.cnn.com/2022/06/02/business/energy-crisis-inflation/index.html>
208. TIMSS 2019 International Results in Mathematics and Science / International Association for the Evaluation of Educational Achievement // URL: <https://timss2019.org/reports/>
209. Total employed persons in the United States in 2020, by industry / Statista 2021 // URL: <https://www.statista.com/statistics/>
210. Total Market Value of U.S. Stock Market / Siblis Research Ltd // URL: <https://siblisresearch.com/data/us-stock-market-value/>
211. Triennial Central Bank Survey: Foreign Exchange Turnover in April 2019 / Basel: Bank for International Settlements, 2019
212. Trends in the Cost of Computing. URL: <https://aiimpacts.org/trends-in-the-cost-of-computing/>
213. Triffin R. Gold and the Dollar Crises: the Future of Convertibility. New Haven : Yale University Press; Rev Ed edition (January 1, 1961), 195 p.

214. Trump's new budget cuts all but a favored few science programs / Science Magazine. Feb. 11, 2020. // URL: <https://www.sciencemag.org/news/2020/02/trump-s-new-budget-cuts-all-favored-few-science-programs>
215. Two-Way Street: 2021 Update US-China Investment Trends / 2021 Rhodium Group and National Committee on U.S.-China Relations // URL: <https://www.us-china-investment.org/research>
216. UNCTAD Investment Trends Monitor // URL: <http://unctad.org>
217. Unemployment Insurance Weekly Claims. 12 August 2021 / U.S. Department of Labor News Release // URL: <https://www.dol.gov/ui/data.pdf>
218. United Nations World Population Prospects 2019. // URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>
219. United States – The World Factbook / US Central Intelligence Agency // URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/united-states/#economy>
220. US Banks Locations // URL: <https://www.usbanklocations.com/bank-rank/total-assets.html>
221. U.S. Bureau of Economic Analysis, July 2021// URL: <https://www.bea.gov/data/gdp>
222. U.S. Department of Treasury. URL: <https://home.treasury.gov>
223. U.S. Energy Information Administration // URL: <https://www.eia.gov/>
224. U.S. International Transactions, Fourth Quarter and Year 2020 / Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>
225. U.S. International Investment Position, Fourth Quarter and Year 2020 / Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>
226. U.S. Responsibilities in a Changing World Economy. Statement by Secretary Kissinger. Department of State Bulletin. 22 February 1976. P.234-241. <https://archive.org/details/departmentofstat3657unit>
227. Why an energy crisis and \$5 gas aren't spurring a green revolution / Washington Post, 14 June 2022 // URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2022/06/14/gas-prices-energy-climate/>

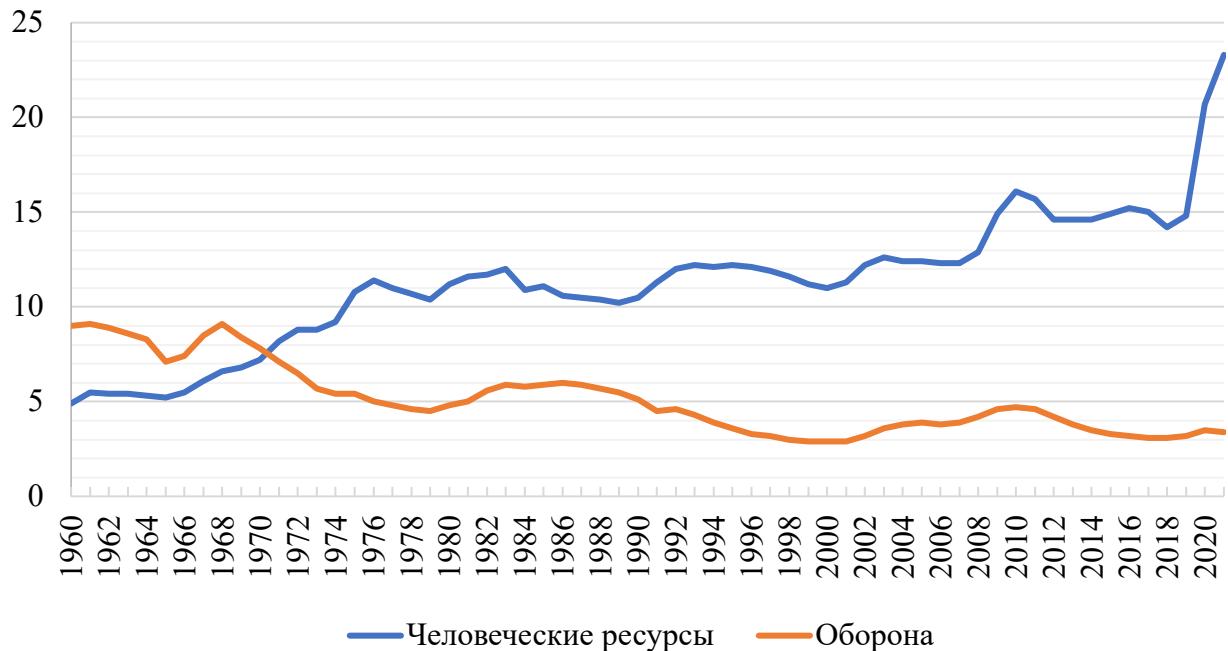
228. Workforce Innovation and Opportunity Act. URL:
<https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-11135/uslm/COMPS-11135.xml>
229. World Bank Database / URL: <https://data.worldbank.org/indicator/>
230. World Economic Outlook Database April 2021 / International Monetary Fund // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLs/world-economic-outlook-databases/>
231. World Energy Review 2021 / Eni SpA // URL: <https://www.eni.com/>
232. World Investment Report 2020 / UNCTAD // URL:
<http://worldinvestmentreport.org>
233. World Investment Report 2021 / UNCTAD // URL:
<http://worldinvestmentreport.org>
234. What a Joe Biden presidency will mean for five key science issues. / Nature. Oct. 01, 2020 // URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02786-4>
235. WHO Coronavirus Disease (COVID-19) Dashboard / World Health Organization. Oct 10, 2020 // URL: <https://covid19.who.int>
236. Yunxin Yi. An Overview of International Capital Flows and Its Impact on Chinese Financial Market. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/51/e3sconf_eilcd2021_01015.pdf

Количество людей за чертой бедности и относительный уровень бедности в США в 1959–2020 гг.

Источник: *Income and Poverty in the United States: 2020. Current Population Report / U.S. Census Bureau // URL: <https://www.census.gov/>*

Отношение расходов федерального бюджета США на человеческие ресурсы и оборону к ВВП страны в 1960–2021 гг.

Источник: Income and Poverty in the United States: 2020. Current Population Report / U.S. Census Bureau // URL: <https://www.census.gov/>

Внешняя торговля США с основными партнерами, млрд долл.

	Всего	Китай	ЕС	Канада	Мексика	Япония
2016 г.						
Экспорт	1457	116	271	267	231	64
Импорт	2208	463	420	283	300	134
Сальдо	-751	-347	-149	-16	-69	-70
2017 г.						
Экспорт	1553	130	285	283	244	68
Импорт	2361	506	438	305	318	138
Сальдо	-807	-376	-153	-222	-74	-70
2018 г.						
Экспорт	1672	120	320	300	266	76
Импорт	2564	540	490	305	353	144
Сальдо	-892	-420	-170	-5	-87	-68
2019						
Экспорт	1677	108	338	293	257	75
Импорт	2557	452	518	325	364	145
Сальдо	-880	-344	-180	-32	-107	-70
2020						
Экспорт	1428	81	171	186	152	48
Импорт	2350	303	302	197	232	85
Сальдо	-922	-222	-130	-11	-80	-37

Источник. Bureau of Economic Analysis // URL: <http://bea.gov>

Полипараметрический инструментарий американской экономической политики первой трети XXI века

Направление экономической политики	Меры и способы воздействия
Денежно-кредитная политика	установление невыгодного обменного курса для других стран (в первую очередь периферийных), одно из следствий - невыгодное обслуживание долга завышение ставок центральных банков, что способствует заимствованию в США, невыгодным в долгосрочном периоде создание условий, благоприятствующих финансовым спекулянтам
Внешнеэкономическая политика	Изменение принципов мировой торговли и международной логистики, в том числе с помощью провоцирования военных конфликтов, санкционного давления и т.д.. Перенос производств с низкой добавленной стоимостью в зависимые страны (сырьевые производства), и возврат высокотехнологичного производства в страну. Создание условий для переноса европейских высокотехнологичных компаний в США. Технологическая рента (завышение цен на высокотехнологичные товары) неэквивалентный товарный обмен введение санкций. Вмешательство во внутренние дела государств.
Бюджетная политика	Увеличение объемов финансирования военно-промышленного комплекса
Инвестиционная политика	Инвестиционная активность, направленная на захват стратегически важных предприятий и извлечение сверхприбыли
Политика в области труда и занятости	Интенсивное привлечение кадров высшей квалификации, создание условий для притока человеческих ресурсов.
Экологическая политика	Давление на отрасли промышленности посредством квотирования выбросов, биологические атаки
Информационная политика	Инфодемия. Информационное воздействие через СМИ, навязывание идеалов и ценностей, составление ангажированных социально-экономических прогнозов, корректирующих в худшую сторону поведение инвесторов

Источник: составлено автором.